

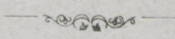
15,905^{б.}

Создатель Методовъ Обученія Слѣпыхъ

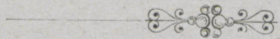
ВАЛЕНТИНЪ ГАЮИ

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

ДОКТОРА

А. И. СКРЕБИЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

1886

*Библиотекъ Императорскаго Университета
въ Санктъ-Петербургѣ
(съ 1853-58г.) Скребицкаго*

Создатель Методовъ Обученія Слѣпыхъ

ВАЛЕНТИНЪ ГАЮИ

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

ДОКТОРА

А. И. СКРЕБИЦКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

1886.

ВАЛЕНТИНЪ ТАНО

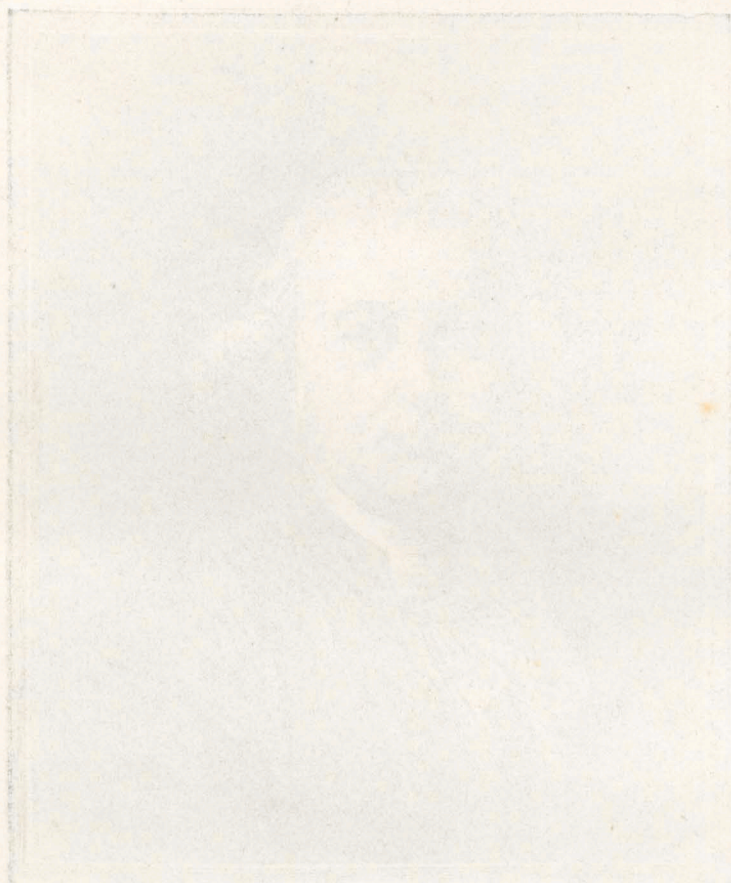
87 ПЕТЕРБУРГЪ

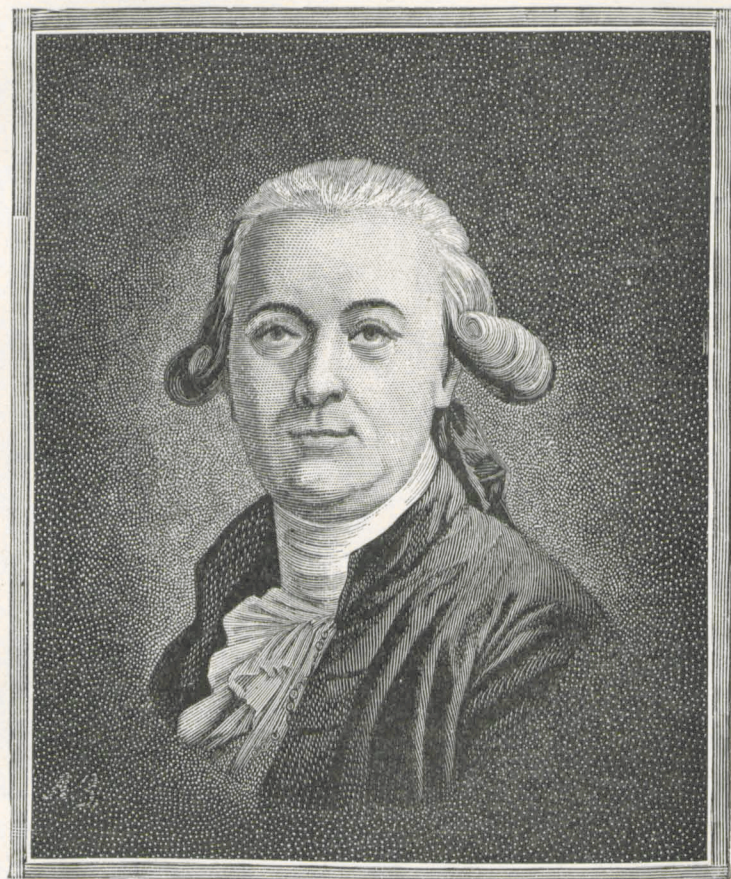
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го Апрѣля 1886 года.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ

1) 127852

2) 46417047

VALENTIN HAÛY.

1745 — 1822.

Дозв. ценз., спб., 30 марта 1886 г.
тип. А. С. Суворина. Фртелевъ пер., д. 11—2.

ВАЛЕНТИНЪ ГАЮИ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

(По архивнымъ источникамъ).

I.

Чуждымъ звукомъ прозвучить это имя для слуха русскаго читателя. Кому извѣстно оно на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества? Какія права носителя его на вниманіе русскаго общества? Кто онъ, этотъ В. Гаюи? Покойникъ или здравствующій?

Давнымъ-давно покончилъ онъ свое земное поприще. Но онъ изъ числа тѣхъ покойниковъ, которыхъ плодотворныя идеи живутъ въ потомствѣ, напоминая не о мишурной проходящей славѣ дня, а о высшихъ стремленіяхъ человѣческаго духа. Валентинъ Гаюи—создатель метода обученія слѣпыхъ. Въ маѣ 1884 года Франція отпраздновала, въ стѣнахъ парижской Institution des aveugles, столѣтнюю годовщину перваго, по времени, заведенія, въ которомъ Гаюи началъ свою скромную, но благотворную дѣятельность. По своему характеру, это празднованіе выходило изъ рамокъ обыкновенныхъ юбилейныхъ торжествъ. Въ немъ чтли не одну дѣятельность парижскаго учрежденія, какъ ни благотворенъ былъ примѣръ, поданный имъ другимъ странамъ. Помянули на немъ главнымъ образомъ основателя его, В. Гаюи, указавшаго міру способы облегчить несчастье и бѣдаго класса обездоленныхъ, путемъ образованія и воспитанія ихъ въ честномъ трудѣ, ихъ облагораживающемъ и обезпечивающемъ, безъ необходимости жить подаянiемъ, коротая свой вѣкъ посреди тунейдства и, нерѣдко, разврата.

Болѣе сотни учрежденій этого рода воспользовались, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, починомъ и примѣромъ, поданнымъ Гаюи. Десятки тысячъ слѣпцовъ стали въ нихъ съ тѣхъ поръ людьми и тружениками. Неужели это не заслуга передъ человѣчествомъ? Неужели послѣднее не обязано сохранить имя этого создателя добра на страницахъ исторіи—конечно, не среди блестящаго сонма разрушителей, а, по крайней мѣрѣ, въ укромномъ мѣстѣ, отведенномъ для благодѣтелей рода человѣческаго?

Въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ имя это давно пользуется извѣстностью и почетомъ, но у насъ—кто знаетъ его? Между тѣмъ, онъ

жилъ и дѣйствовалъ на берегахъ Невы... Даже учрежденіе, имъ основанное, не сохранило объ немъ никакихъ преданій.

Если оно, погрязши въ рутинѣ, утративъ даже воспоминаніе о своемъ основателѣ, не позаботилось до сихъ поръ почтить память его собраніемъ матеріаловъ о его пребываніи въ Россіи, то это не лишаетъ частнаго человѣка права помянуть этого сѣятеля добра хотя бы послѣ того, какъ на его родинѣ отпразднована столѣтняя годовщина начала его подвижничества.

Памяти его и посвящаются эти страницы.

II.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію скромной дѣятельности этого труженика въ Петербургѣ, сообщимъ нѣсколько біографическихъ данныхъ объ немъ, до пріѣзда его въ Россію. Валентинъ Гаюи родился 13-го ноября 1745 г., въ деревнѣ Saint-Just, въ тогдашней Пикардіи, теперешнемъ департаментѣ Сены-и-Уазы, въ семьѣ бѣднаго ткача. Первоначальное образованіе онъ получилъ у монаховъ (ордена des moines-pré-môntrés), жившихъ по сосѣдству. Дарованія ребенка въ раннемъ возрастѣ обратили ихъ вниманіе на него, равно какъ и на его старшаго брата, René-Just Haüy, впоследствии аббата, знаменитаго минералога, члена Института Франціи. Окончивъ курсъ наукъ въ Парижѣ, Валентинъ, благодаря своему знанію языковъ, поступилъ, въ качествѣ *secrétaire-interprète du roi*, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ему порученъ былъ разборъ шифрованныхъ депешъ. Вскорѣ его сдѣлали членомъ экзаменационной комисіи, на обязанности которой лежало испытаніе учителей и разсмотрѣніе руководствъ. Помимо этихъ официальныхъ занятій, Гаюи интересовался вопросами призрѣнія въ обширномъ смыслѣ. Все свободное отъ службы время онъ посвящалъ изысканію способовъ, при посредствѣ которыхъ можно было бы облегчить участь страждущаго человѣчества. Сохранилось преданіе, что первая попытка знаменитаго изобрѣтателя метода обученія глухонѣмыхъ, аббата де-л'Эне, возбуждавшего интересъ современниковъ, пробудила въ Гаюи это направленіе. Онъ посѣщалъ школу аббата, слѣдилъ за успѣхами его метода, за развитіемъ его воспитанниковъ. Здѣсь, вѣроятно, зародилась въ немъ первая мысль—открыть пути къ образованію и другой категоріи обездоленнаго человѣчества, не менѣе несчастной, чѣмъ глухонѣмые. Читатель безъ труда догадается, что здѣсь идетъ рѣчь о слѣпыхъ, и, какъ оговаривается Гаюи,—о слѣпыхъ отъ рожденія. Дальнѣйшій толчокъ на пути осуществленія этой мысли на практикѣ дали слѣдующія обстоятельства. Проходя разъ по бульварамъ Парижа, Гаюи обратилъ вниманіе на толпу передъ однимъ кафе. Она окружала десятокъ слѣпыхъ, стоявшихъ въ очкахъ передъ пюпитромъ, на которомъ

разложены были ноты. Понятно, что послѣдніи находились здѣсь только для виду, а очки не улучшали ихъ зрѣнія. Эти слѣпые музыканты исполняли какую-то какофонію, терзавшую слухъ. Публика немало потѣшалась этимъ зрѣлищемъ...

Совсѣмъ иное чувство проснулось, при этомъ случаѣ, въ душѣ Гаюи. Онъ тутъ же задался мыслью—воспользоваться наличными способностями слѣпыхъ, чтобы доставить имъ дѣйствительное удовольствіе, вмѣсто призрачнаго и оскорбительнаго, вызывающаго только насмѣшки надъ ихъ несчастіемъ. Гаюи зналъ, что слѣпые различаютъ предметы по ихъ формѣ; отличаютъ же они осязаніемъ монеты, перепадаящія въ ихъ протянутыя за милостынею руки. Почему же, спрашивалъ онъ себя, они не могли бы отличить *ut* отъ *sol*, *a* отъ *f*, если только будетъ имъ возможно постигнуть ихъ различіе осязательнымъ образомъ?

Въ другой разъ Гаюи случилось наблюдать въ одномъ семействѣ способнаго слѣпаго ребенка, прилежно слѣдившаго за классными занятіями зрячаго брата, тяготившагося его любознательностью. Но этотъ слѣпой мальчикъ вскорѣ умеръ, и Гаюи не представилось случая продолжить на немъ свои наблюденія.

Какъ ни ничтожны покажутся на первый взглядъ эти факты, но они были зародышами, упавшими на воспримчивую почву; изъ нихъ выросло впоследствии дерево, подъ сѣнью котораго развились уже, на западѣ Европы и въ Сѣверной Америкѣ, нѣсколько поколѣній слѣпыхъ, спасенныхъ Гаюи для жизни и для общества.

Сообщаемые примѣры, вѣроятно, нерѣдко повторявшіеся въ теченіе вѣковъ, но ускользавшіе отъ поверхностныхъ или равнодушныхъ наблюдателей, глубоко запали въ душу Гаюи. Съ этихъ поръ, онъ весь поглощенъ былъ заботою—прискать средства, при помощи которыхъ было бы возможно расширить міросозерцаніе слѣпыхъ, прозябавшихъ посреди человѣческаго общества въ роли паріевъ.

Не отчаиваясь въ осуществимости этой задачи, Гаюи вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ всю затруднительность ея. Новый случайный толчокъ вывелъ его изъ этихъ затрудненій.

Въ 1784 г., въ Парижѣ явилась молодая, въ высшей степени талантливая виртуозка, Марія Парадизъ, ослѣпшая на 3-мъ году послѣ рожденія, уроженка Вѣны, дочь достаточныхъ родителей, не жалѣвшихъ средствъ на ея разностороннее воспитаніе и образованіе. Они выходили изъ совершенно вѣрнаго принципа—пользоваться тѣми средствами, какія были въ употребленіи при образованіи зрячихъ дѣтей, приспособляя ихъ только къ ея физическому недостатку. Слепая вскорѣ поражала всѣхъ своими успѣхами. Начавъ заниматься на 8-мъ году, подъ руководствомъ лучшихъ учителей Вѣны, музыкой, къ которой имѣла недюжинныя способности, Парадизъ вскорѣ удивляла своими концертами избранное общество род-

наго города. Она выработала свой особенный музыкальный взгляд и манеру, не дѣлая никакихъ уступокъ требованіямъ моды и ходячихъ воззрѣній. Во время предпринятаго ею, въ обществѣ матери, путешествія по Европѣ, она приводила въ удивленіе и восторгъ знатоковъ музыки. Но не одно только музыкальное исполненіе поражало въ ней. Иностранцы были удивлены ея образованіемъ, живостью ума, умѣньемъ найтись въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, многосторонностью знаній, приобретенныхъ въ обществѣ выдающихся людей и пополняемыхъ чтеніемъ, при помощи лектрисы, а также разныхъ учебныхъ пособій, приуроченныхъ къ ея физическому недостатку.

Естественно, что сочетаніе такого знанія, художественнаго развитія и общественныхъ талантовъ въ человѣкѣ, лишенномъ одного изъ важнѣйшихъ органовъ чувствъ, должно было иумлять толпу и обратить вниманіе людей развитыхъ на тѣ средства, при помощи которыхъ такое многостороннее развитіе слѣпой было достигнуто.

Для Гаюи, уже подготовленнаго, какъ мы видѣли, сообщенными выше случайностями, встрѣча съ Парадизъ была какъ бы откровеніемъ. Познакомившись съ нею, онъ узналъ весь ходъ ея развитія, узналъ и имя человѣка, много тому способствовавшаго,—Вейсенбурга изъ Мангейма, ослѣпшаго на 7-мъ году отъ рожденія. Кромѣ того, ему оказалъ большія услуги другой учитель слѣпой виртуозки, Кемпелленъ.

Къ свѣдѣніямъ, добытымъ такимъ образомъ, Гаюи приобщилъ все, что представляла литература прежняго времени о развитіи замѣчательныхъ слѣпцовъ, равно какъ и плоды собственныхъ размышленій по этому вопросу. Послѣ такой подготовки, въ немъ созрѣлъ планъ основанія учебнаго и ремесленнаго заведенія для слѣпыхъ, но уже не для исключительно одаренныхъ натуръ, а для массы обездоленныхъ, среднихъ способностей.

При осуществленіи этого благаго начинанія, Гаюи встрѣтился съ тѣми затрудненіями, съ которыми обыкновенно встрѣчаются люди, проникнутые великими идеями. У него не было денегъ. Напрасно онъ обращался въ одно благотворительное общество, на попеченіи котораго состояли слѣпныя дѣти; напрасно онъ просилъ это общество дать ему 12 человѣкъ этихъ несчастныхъ для производства опытовъ надъ ними, по методу, уже созрѣвшему въ умѣ Гаюи. Онъ просилъ только содержать слѣпцовъ на счетъ общества. Ему было отказано, и отказано потому, что съ такими же предложеніями явился въ это же общество какой-то аферистъ, имѣвшій въ средѣ его сильнаго покровителя. Этой, оставшейся неизвѣстною, личности, не исполнившей ни одного изъ своихъ обѣщаній, и отдано было предпочтеніе.

Полученный отказъ не смутилъ Гаюи. Идея, зававшая въ его умѣ, не давала ему покоя.

Ма паперти одной изъ парижскихъ церквей—Notre Dame de Bonne

Nouvelle, онъ встрѣтилъ, въ 1784 г., семнадцатилѣтняго мальчика, слѣпаго отъ рожденія, Лезюэра (Le-Sueur), побировавшагося милостыней. На немъ онъ рѣшается сдѣлать первый опытъ примѣненія своего метода. Слепой-нищій, или—вѣрнѣе—его родители, довольные выручкой, не сразу прельстились обѣщаніемъ Гаюи сдѣлать изъ него человѣка. Для нихъ было выгоднѣе получать подаваніе, довольно обильно перепавшее въ суму попрошайки.

Тогда Гаюи заключаетъ съ нимъ условіе: онъ обязуется уплачивать Лезюэру изъ своихъ скудныхъ средствъ сумму, выручаемую имъ ежедневно, по среднему расчету, на церковной паперти. Условія были приняты, и Гаюи приступаетъ къ занятіямъ.

Они обнимали собою все предметы низшихъ классовъ средняго училища, не исключая чтенія, письма, ариметики, игры на роялѣ и ремесла. Мальчикъ оказался способнымъ и прилежнымъ, а примѣненный къ обученію его методъ—настолько раціональнымъ и практическимъ, что вѣсть объ успѣхѣ слѣпца не замедлила распространиться въ Парижѣ.

Гаюи былъ приглашенъ въ засѣданіе академіи наукъ—познакомить ее съ началами своего метода. Здѣсь онъ изложилъ его примѣнительно къ обученію разнымъ предметамъ, а затѣмъ члены академіи провѣрили успѣхи, оказанные Лезюэромъ въ сравнительно очень короткій срокъ. Газеты разгласили результатъ засѣданія, и ладкая на всякія новинки публика,—больше изъ любопытства, чѣмъ изъ пониманія важности совершеннаго Гаюи подвига,—накинулась на него со своими приглашеніями. Вездѣ, гдѣ онъ только являлся съ Лезюэромъ, присутствующіе дѣлали для послѣдняго сборы. Гаюи взглянулъ на нихъ не какъ на милостыню, а какъ на средство, способствующее осуществленію его высоко-гуманной идеи, не цѣнятой заурядными, патентованными благотворителями.

Съ Лезюэромъ и съ деньгами, вырученными имъ, онъ явился, въ январѣ 1786 г., въ совѣтъ недавно образовавшагося „человѣколюбиваго общества“, прося его принять эти деньги подъ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ его ученикомъ получали впредь образованіе призрѣваемые этимъ обществомъ 12 слѣпыхъ дѣтей, которыхъ онъ взялся самъ обучать. Новое благотворительное общество оказалось сговорчивѣе прежняго. Оно согласилось на такое предложеніе. Но помощь, имъ оказываемая заведенію Гаюи, которое онъ назвалъ *Atelier d'aveugles-travailleurs*, видно, была довольно скудная, такъ какъ ему пришлось пользоваться пособіемъ музыкальной консерваторіи, давшей концертъ въ пользу этого училища, помѣщавшагося тогда противъ теперешней биржи. Оно и стало колыбелью нынѣшняго парижскаго института слѣпыхъ. Здѣсь зародились и развились начала тифло-педагогій, которая съ тѣхъ поръ озарила свѣтомъ образованія десятки тысячъ несчастныхъ, лишенныхъ свѣта физическаго.

Изъ этого скромнаго пріюта, благодаря высоко-гуманной идеѣ труже-

ника, впервые раздался благовѣсть спасенія для грядущихъ поколѣній, утратившихъ зрѣніе. Здѣсь впервые указано и средство этого спасенія—трудъ, считавшійся до того времени для нихъ невозможнымъ.

Первоначальное число воспитанниковъ стало увеличиваться приходившими; Лезюэръ настолько успѣлъ, что могъ помогать Гаюи въ качествѣ младшаго учителя. Наконецъ, Людовикъ XVI, видѣвшій у себя въ Версалѣ всѣхъ наличныхъ въ то время учениковъ (24-хъ), въ продолженіе двухъ недѣль, во время ихъ занятій,—въ концѣ 1786 г. рѣшился основать первый казенный институтъ для слѣпыхъ на тридцать человѣкъ. Число ихъ, не смотря на такое ограниченіе уставомъ, постоянно росло, достигло до 60, затѣмъ 84, и въ короткое время—даже до 120 человѣкъ. Но росло не только число воспитанниковъ; увеличивалось и благосостояніе заведенія. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что когда, въ періодъ самаго страшнаго финансоваго кризиса, который переживала страна,—казна, въ теченіе цѣлаго года, не выплачивала ни одного сантима, институтъ, тѣмъ не менѣе, существовалъ собственными средствами, т. е. трудомъ воспитанниковъ. Этого мало. Лезюэръ, котораго Гаюи сдѣлалъ экономомъ института, въ концѣ этого несчастнаго года, даже представилъ министру народнаго просвѣщенія 2000 франковъ сбереженій, а казна задолжала заведенію 42,000 франковъ... И все это было совершенно, благодаря разнообразнымъ ремесламъ, которые успѣли уже изучить слѣпые, и стараніямъ слѣпаго же эконома.

Но выдерживать долго такое состояніе было, конечно, невозможно. Институтъ, въ числѣ прочихъ благотворительныхъ заведеній, оказался въ эту смутную эпоху на краю гибели. Голодъ стучался въ двери его. Тутъ уже шло дѣло не объ образованіи слѣпыхъ, а о спасеніи ихъ отъ смерти. И въ этихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ Гаюи оказался на высотѣ своего призванія. Онъ распинался, чтобы содержать питомцевъ заведенія; былъ неистощимъ въ придумываніи средствъ спасти свое юное созданіе. Мы узнаемъ, что съ этою цѣлью онъ, къ типографіи рельефомъ, прибавилъ отдѣлъ для печатанія обыкновенными типографскими чернилами, заручившись для необходимыхъ работъ, невозможныхъ для слѣпыхъ, нѣсколькими зрячими мальчиками-наборщиками. Въ этой типографіи печатались сотни разныхъ афишъ, объявленій, наклеиваемыхъ на стѣнахъ домовъ, и брошюръ, появившихся въ такомъ множествѣ въ этотъ періодъ всеобщаго возбужденія. Составившійся изъ его питомцевъ оркестръ принималъ участіе въ безчисленныхъ празднествахъ, которыми республика проявляла свои восторги по поводу побѣдъ надъ врагами.

Но средства, получаемыя институтомъ за подобныя услуги, все таки не покрывали самыхъ необходимыхъ его расходовъ. Правительство, съ своей стороны, желало помочь заведенію, признанному имъ національнымъ учрежденіемъ, но обезпечить его въ такую тяжелую минуту—не могло.

Декретомъ 1791 г., по числу департаментовъ Франціи (86), число пансіонеровъ было увеличено по одному на каждый департаментъ; въ III году республики декретъ подтвержденъ и, кромѣ того, отведено было новое даровое помѣщеніе въ зданіи св. Екатерины (rue des Lombards). Положеніе института отъ этихъ, повидимому, благопріятныхъ мѣръ не улучшалось. Финансовое разстройство парализовало ихъ. Бумажки, которыя институтъ получалъ на свое содержаніе, поставщики отказывались принимать, не считая ихъ за деньги; заказы, вслѣдствіе застоя промышленности, не являлись. Словомъ, институтъ погибалъ, не смотря на неимоверныя усилія Гаюи спасти его. Онъ дѣлалъ долги, которые ему пришлось впоследствии уплачивать въ теченіе болѣе четверти столѣтія *).

Слѣды такого безотраднaго состоянія института сохранились даже въ одной изъ пѣсенъ той эпохи. Когда, послѣ возвращенія генерала Журдана изъ знаменитаго похода 1794—1795 г., Парижъ чествовалъ побѣдителя—въ числѣ разныхъ депутацій явились и питомцы института Гаюи, встрѣтившіе генерала исполненіемъ побѣднаго гимна. Тронутый этимъ вниманіемъ, побѣдитель предложилъ несчастнымъ полу-голоднымъ исполнителямъ роскошный ужинъ. Тогда одинъ изъ слѣпцовъ, нѣкто Avisse, обратился къ Журдану, отъ имени товарищей, съ экспромтомъ, котораго заключительные стихи мы приводимъ здѣсь, какъ подтвержденіе изложеннаго:

Ou fais—nous tous les mois payer en numéraire,

Ou fais—nous tous les jours venir souper chez toi!

Эта паивная шутка оказала дѣйствіе въ смыслѣ перваго стиха, но только на время. Институтъ, очевидно, переживалъ послѣдніе дни свои. Окончательный ударъ постигъ его въ 1801 г. По представленію министра, имя котораго не лишнимъ будетъ сохранить въ памяти потомства—Шантала, —первому консулу, институтъ былъ слитъ съ давно существовавшею богадѣльнею для слѣпыхъ de Quinze-Vingt, названною такъ по числу призрѣваемыхъ въ ней, со временъ Людовика Святаго, слѣпыхъ ($15 \times 20 = 300$).

Какъ ни старался Гаюи спасти свое созданіе, какъ онъ ни отстаивалъ его самостоятельное существованіе, всѣ его усилія оказались тщетными. Министръ, „въ видахъ экономіи“, провелъ свою преступную мѣру, оправдывая ее тѣмъ, что питомцы института Гаюи, которыхъ послѣдній, какъ мы видѣли, называлъ *aveugles-travailleurs* (и на дѣлѣ успѣлъ оправдать это названіе), выиграютъ (?) отъ подобнаго слитія двухъ учреждений, преслѣдовавшихъ совершенно различныя, почти противоположныя цѣли. Шанталь мотивировалъ свое мѣропріятіе тѣмъ, что питомцы института пока-

*) Читатель увидитъ, въ концѣ статьи, что Гаюи уплачивалъ ихъ даже во время пребыванія своего въ Петербургѣ, и узнаетъ, по поводу ихъ, интересный фактъ.—какъ дѣлался вычетъ изъ его жалованья.

жуть хороші примѣры слѣпымъ обитателямъ богадѣльни, проводившимъ жизнь въ праздности. Нетрудно было предвидѣть, что послѣдніе, привыкшіе къ ничего-недѣланію, не соблазнятся такимъ примѣромъ.

Случилось еще худшее. Бывшіе питомцы Гаюи, посреди празднаго населенія богадѣльни, мало по малу утратили любовь къ труду и стремленіе къ умственному развитію. Гаюи, вмѣсто прежней неустанной дѣятельности, получилъ приказаніе занимать своихъ бывшихъ воспитанниковъ уроками не болѣе часа въ день. Занятія ремеслами, имъ введенными, были оставлены; его слѣпые обречены были только ткать какую-то шерстяную матерію на станкахъ. Гаюи отказался разрушать собственными руками свое созданіе, стоившее ему столькихъ трудовъ, и оставилъ, въ 1801 г., вмѣстѣ со своими 9-ью слѣпыми сотрудниками, учителями и мастерами, *богадѣльню*, въ которой ни ему, ни его слѣпымъ нечего было дѣлать. Онъ же стремился создать *школу и мастерскую*.

Непогрѣшимый министръ, не смотря на сдѣланное имъ передъ человѣчествомъ преступленіе, остался при убѣжденіи въ своей непогрѣшимости. Декретомъ, предписывавшимъ присоединеніе училища къ *Quinze-Vingt*, уничтожалась самая должность, которую Гаюи въ немъ прежде занималъ (*instituteur de l'Institution des aveugles-travailleurs*). Такъ были прерваны его труды, погибли всѣ жертвы, принесенныя на пользу слѣпыхъ.

Въ сердцахъ послѣднихъ сохранилось однако благодарное воспоминаніе о виновникѣ ихъ умственного и нравственного возрожденія. Бесѣдуя о немъ между собою, они и въ новомъ помѣщеніи употребляли, вмѣсто его имени, слова: *notre père*. Нашлись оцѣнщики заслугъ Гаюи между новыми начальниками его учениковъ, которымъ подобный титулъ казался непозволительнымъ. Одинъ изъ нихъ формально запретилъ называть Гаюи этимъ словомъ. „Не Гаюи вамъ отецъ, а тѣ, которые кормятъ васъ!.. Мы васъ пропитываемъ“, заключилъ свое наставленіе официальный филантропъ, предполагавшій, вѣроятно, что наполненіемъ чрева призрѣваемыхъ исчерпываются ихъ потребности и его собственная задача.

Гаюи, оставивъ школу, превращенную министерскимъ предписаніемъ въ богадѣльню, рѣшился не покидать своей дѣятельности. Легче, однако, было принять это рѣшеніе, чѣмъ осуществить его. Онъ уже хорошо зналъ, какъ это трудно человѣку безъ средствъ. Прежнія попытки на этомъ пути ввели его только въ долги. Онъ приписывалъ эту неудачу тому, что тогда онъ искалъ питомцевъ въ средѣ людей бѣдныхъ, даже нищихъ. Не имѣя возможности и впредь ихъ содержать, а съ другой стороны—желая продолжать прерванныя занятія, Гаюи остановился на мысли: создать институтъ для слѣпыхъ дѣтей достаточныхъ родителей. Онъ и открылъ его, подъ названіемъ *Musée des aveugles*, въ улицѣ *Sainte-Avoye*. Гаюи и здѣсь ошибся! Оказалось, что, не смотря на его установившуюся извѣстность въ дѣлѣ воспитанія и образованія слѣпыхъ, къ нему поступало ихъ очень мало,

такъ мало, что содержаніе заведенія не окупалось. Стоило же оно не дешево, по причинѣ весьма понятной: пансіонеровъ изъ достаточныхъ классовъ нельзя было содержать также скромно, какъ онъ содержалъ прежде бѣдняковъ. Содержать же ихъ съ комфортомъ возможно было только при значительномъ ихъ числѣ; число же, какъ мы знаемъ, было очень небольшое. Недоумѣніе его насчетъ послѣдняго обстоятельства скоро выяснилось. Направленные въ эту сторону изслѣдованія убѣдили Гаюи, что слѣпота—привилегія бѣдности; между богатыми же классами она встрѣчается въ дѣтскомъ возрастѣ въ видѣ исключеній.

При такомъ незначительномъ контингентѣ, нечего было впредь и рассчитывать на преуспѣяніе его заведенія. Пришлось отказаться и отъ него. Въ эту трудную эпоху его жизни, онъ вдругъ получаетъ (въ 1803 г.), приглашеніе изъ Россіи.

III.

Объ одиннадцатилѣтнемъ періодѣ жизни Гаюи, проведенномъ въ Петербургѣ, и во Франціи никто ничего не знаетъ *). Сохранилось только свѣдѣніе, что онъ прибылъ сюда осенью 1806 года, а уѣхалъ—лѣтомъ 1817 года. Неужели этими двумя строками можно удовлетвориться біографамъ Гаюи? Я, впрочемъ, несправедливъ относительно ихъ. Нѣкоторые біографы присовокупляютъ еще три строки. Они упоминаютъ, что Гаюи основалъ въ Петербургѣ институтъ для слѣпыхъ и, при отъѣздѣ изъ Россіи, получилъ—орденъ Владиміра 4-й степени... Въ этихъ словахъ я нашелъ единственное указаніе на источникъ, изъ котораго можно было бы дополнить существующій пробѣлъ въ біографіяхъ Гаюи.

Надежды мои получить матеріалъ изъ основаннаго имъ института для слѣпыхъ (теперь находящагося въ вѣдѣніи Человѣколюбиваго Общества) не сбылись. Въ институтѣ не сохранилось никакихъ преданій объ его основателѣ. Пришлось странствовать по архивамъ. Поиски мои долго оставались тщетными, пока въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія не отыскалась связка съ ассигновками на полученіе институтомъ суммъ изъ казначейства.

Эти голыя цифры, конечно, не удовлетворяли меня; но это былъ пер-

*) Мнѣ сообщали за границею, что французы нѣсколько разъ пытались, черезъ посредство своего посольства, отыскать въ Петербургѣ матеріалы для біографіи своего выдающагося соотечественника, но поиски оказывались всякій разъ тщетными. По собственному опыту понимаю, почему такіе розыски не привели французовъ къ цѣли. Они искали матеріаловъ тамъ, гдѣ ихъ, казалось бы, естественно всего было найти. Въ этомъ, какъ увидитъ читатель ниже, и состояла ихъ ошибка и причина неудачи.

вый слѣдъ, по которому была надежда набрести на желаемое. Его, однако; не находилось. Я, вѣроятно, и не нашелъ бы ничего болѣе, еслибы не помогло мнѣ благосклонное вниманіе бывшего товарища министра народнаго просвѣщенія, Павла Алексѣевича Маркова.

Благодаря только ему, а впоследствии, послѣ оставленія имъ своей должности, г. министру народнаго просвѣщенія, Ивану Давыдовичу Делянову, съ одинаковою благосклонностью отнесемуся къ моимъ розыскамъ, удалось вывести на свѣтъ божій изъ архивной пыли матеріалъ, разработка котораго и предлагается въ настоящемъ очеркѣ.

Я сознаю, что онъ далеко не полонъ и не удовлетворитъ справедливой любознательности лицъ, заинтересовавшихся личностью Гаюи. Жизнь послѣдняго въ Россіи заслуживаетъ болѣе обстоятельной обработки, чѣмъ представляемая на слѣдующихъ страницахъ.

Пусть, однако, читатель, пробѣжавши ихъ, предложитъ самъ себѣ вопросъ: имѣлъ ли я возможность, по сохранившимся случайнымъ отрывкамъ чисто бюрократическаго содержанія, представить болѣе полный очеркъ дѣятельности у насъ этого человѣка?

Вѣроятно, онъ согласится со мною, что, къ сожалѣнію, это было совершенно невозможно *).

Главнымъ источникомъ служило, естественно, департаментское „дѣло“. Пользованіе имъ представляло немалыя затрудненія. Составленное изъ документовъ, писанныхъ на двухъ языкахъ—французскомъ и русскомъ,—оно, очевидно, было ведено невѣждою-чиновникомъ, не умѣвшимъ наблести даже простой хронологической послѣдовательности въ сборѣ матеріала. Обнимая періодъ времени отъ 1803 г. по 1817 г., матеріалъ разбросанъ въ страшномъ безпорядкѣ. Документы первоначальные очутились въ серединѣ или концѣ дѣла, и то не въ послѣдовательности хронологической, а какъ попали подъ руки, перемѣшанные съ до-

*) Матеріаломъ для составленія настоящаго очерка служили официальные источники, именно: дѣло департамента народнаго просвѣщенія, значащееся по архиву министерства за № 191, А, картонъ № 89. Подъ этимъ общимъ номеромъ, носящимъ заглавіе: „объ учрежденіи въ Петербургѣ института для слѣпыхъ и о передачѣ онаго въ вѣдомство Человѣколюбиваго Общества“, помѣщены четыре дѣла: 1) объ учрежденіи института слѣпыхъ, на 221 листѣ, начавшеся 3-го августа 1807 г., 2) переписка по представленію попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа о возвращеніи въ здѣшнюю гимназію употребленныхъ заимообразно на институтъ для слѣпыхъ, взятыхъ у нея денегъ, и о прибавкѣ суммы на это заведеніе (съ 3-го апрѣля 1814 по 9-е марта 1817 г.), на 48 листахъ, 3) отчетъ „иностранца“ Гаюи объ институтѣ слѣпыхъ (10-го марта 1807 г.), на 21-омъ листѣ, 4) дѣло по отношенію попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа о передачѣ института слѣпыхъ въ вѣдомство Человѣколюбиваго Общества (съ 29-го іюня 1818 по 23-е іюля 1819), на 28 листахъ.

кументами позднѣйшихъ годовъ, такъ что, прочитавъ все дѣло въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно официально перенумеровано и сохранилось въ архивѣ, изслѣдователь выноситъ только какое-то хаотическое представленіе о филантропическихъ побужденіяхъ отдѣльныхъ личностей начала нашего вѣка, затѣмъ о мелкихъ дрязгахъ, чиновничьихъ интригахъ, и въ этомъ канцелярскомъ чадѣ мелькаетъ личность филантропа Гаюи, попавшаго въ несвойственную его стремленіямъ среду. Пришлось поэтому, вслѣдствіе небрежно сохраненнаго матеріала, систематизировать его, не имѣя права посягать на страшную разрозненность и разбросанность оригинала. На такую черную работу необходимо было потратить, совершенно неизводительно, немало времени и труда.

Съ другой стороны, я пришелъ къ убѣжденію, что находившійся въ моемъ пользованіи матеріалъ далеко не полонъ. Онъ обнимаетъ собою, какъ упомянуто выше, періодъ времени отъ 1803 по 1817 годъ, но крайне неравнобѣрно представленный по годамъ. Болѣе всего источниковъ для дѣятельности Гаюи въ Петербургѣ нашелъ я за 1807 и 1808 годы. За остальные года уцѣлѣли только архивныя крохи, представленныя нѣсколькими документами на каждый годъ, по которымъ можно только догадываться о существованіи болѣе цѣннаго и подробнаго матеріала. За нѣкоторые годы, напримѣръ, за 1811, 1812, 1813, 1815, 1816 *) не нашлось ни одного документа, свидѣтельствующаго о дѣятельности Гаюи въ Россіи, между тѣмъ положительно извѣстно, что и въ это время онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Петербургѣ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на такую скудость біографическаго матеріала, налагающую на предлагаемый очеркъ печать отрывочности, я рѣшаюсь воспользоваться имъ, не смотря также на другой его недостатокъ—ябедническое содержаніе, пропитанное духомъ подбѣчества, при встрѣчѣ послѣдняго съ культурнымъ человѣкомъ. Въ этой окраскѣ я неповиненъ: ее наложили сами источники. Не виноваты въ этомъ и Гаюи. Наврядъ ли кто рѣшится утверждать, что факты, отталкивая своею мелочностью, не достойны сообщенія. Въ этомъ и состоятъ, на нашъ взглядъ, весь драматизмъ положенія такого человѣка, какъ Гаюи. Провозвѣстникъ высшихъ гуманныхъ стремленій падаетъ подъ бременемъ дрязгъ, создаваемыхъ на пути къ осуществленію его цѣли. Онъ крайне не симпатиченъ, но касается личности, имѣющей положительныя заслуги передъ человѣчествомъ, пытавшейся привить и на нашей родинѣ свои завѣтныя идеи добра и любви. Ему нельзя ставить въ упрекъ, что послѣ одиннадцатилѣтней дѣятельности, въ Россіи едва-едва остались слабые слѣды ея на нашей почвѣ. Мы, русскіе, все таки

*) Между тѣмъ, въ этомъ же картонѣ нашлось нѣсколько весьма цѣнныхъ документовъ за 1803, 1805 и 1806 годы. За 1804 г. тоже не оказалось ничего.

обязаны ему за добрыя желанія, намѣренія и труды, потраченные, хотя и бесплодно, на русской нивѣ несчастья...

Идеи этого сѣятеля добра, на болѣе воспримчивой и благодарной почвѣ, принесли плоды, богатые не только по своему общественно-экономическому, но и по нравственному значенію. Десятки тысячъ лишенныхъ зрѣнія, въ стѣнахъ заведеній, основанныхъ по его почину и примѣру, воспользовались благами воспитанія, образованія и достойнаго человѣка призрѣнія, а такіе результаты составляютъ не только достояніе исторіи, но и гордость человѣческой культуры, которая, по мѣрѣ нравственнаго и умственнаго развитія нашего рода, отводитъ дѣятелямъ на подобныя поприщахъ подобающее мѣсто.

Императоръ Александръ I, доступный, въ первые годы своего царствованія, всему человѣческому, узнавъ объ удаленіи Гаюи отъ должности, пожелалъ воспользоваться его знаніями и услугами для учрежденія института слѣпыхъ въ Петербургѣ. Многимъ русскимъ путешественникамъ (въ числѣ ихъ и Карамзину), какъ и другимъ иностранцамъ, посѣщавшимъ Парижъ, хорошо былъ извѣстенъ Гаюи и его созданіе, которому удивлялось, какъ диковинкѣ, все тогдашнее общество. Слухъ объ этой новинкѣ могъ, поэтому, заинтересовать Александра I, который, какъ видно изъ нашихъ источниковъ, имѣлъ, кромѣ того, особыхъ корреспондентовъ, путешествовавшихъ по Европѣ съ цѣлью — доносить ему о всѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ эпохи. Одною изъ такихъ личностей былъ генералъ-майоръ Хитрово. Въ матеріалахъ не находится свѣдѣній о началѣ переговоровъ русскаго генерала съ Гаюи, вѣроятно, изустныхъ, но такъ какъ тамъ встрѣчаемъ собственноручный проэктъ Гаюи „объ основаніи въ Петербургѣ заведенія для полезнаго занятія слѣпыхъ, по примѣру учрежденныхъ уже во Франціи заведеній въ пользу сихъ людей, столь несчастныхъ и достойныхъ сожалѣнія“, помѣченный 20-мъ августа 1803 г., въ Парижѣ, и присланный въ Петербургъ, — то можно предполагать, что эти переговоры начались вскорѣ послѣ увольненія Гаюи Наполеономъ.

Такъ какъ этотъ документъ представляетъ первую попытку на поприщѣ призрѣнія слѣпыхъ въ Россіи, то мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ его содержаніемъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ.

Указавъ на страшное положеніе слѣпцовъ, прозябающихъ безъ воспитанія, безъ занятій, посреди праздности, бѣдности и пороковъ, Гаюи, въ началѣ препровождаемаго имъ въ Петербургъ проэкта, настаиваетъ на обязанности каждой семьи, имѣющей въ средѣ своей слѣпцаго, а равно общества, и тѣмъ болѣе правительства, прилагать стараніе — дать этимъ несчастнымъ такое воспитаніе и образованіе, которое доставило бы имъ возможность — *трусами своими снискивать себѣ средства существо-*

ванія *). Мы видимъ, что цѣль институтовъ для слѣпыхъ была вполне вѣрно намѣчена первымъ основателемъ ихъ, хотя средства ея достиженія не были еще, да и не могли быть, по новости самаго дѣла, всесторонне уяснены.

Съ понятною гордостью Гаюи замѣчаетъ, что онъ, преодолевъ множество затрудненій и затративъ большія средства, первый положилъ, 30 лѣтъ тому назадъ, основы образованія слѣпыхъ, успѣху котораго были свидѣтелями — Парижъ, вся Франція и иностранцы, посѣщавшіе столицу этой страны. Изложены онѣ были въ сочиненіи его, изданномъ въ 1786 г. подъ заглавіемъ: *Essai sur l'éducation des aveugles (imprimé par les enfants-aveugles* — прибавлено на заглавномъ листѣ этой рѣдкой монографіи, которую мы имѣемъ передъ собою). На первомъ планѣ Гаюи ставитъ: обученіе слѣпыхъ доступнымъ имъ ремесламъ и производствамъ; затѣмъ — чтенію, письму, ариметикѣ, географіи, языкамъ, музыкѣ, искусству наборщика и т. п. Указывая на институтъ для слѣпыхъ въ Парижѣ, существовавшій подъ его завѣдываніемъ до закрытія при Наполеонѣ I, какъ на практическое осуществленіе его идеи, Гаюи, словно предчувствуя замѣчанія, которыми его могутъ встрѣтить въ странѣ, куда приглашаютъ, прибавляетъ о своемъ изобрѣтеніи, что на него не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на учрежденіе только любопытное и излишнее; польза его признана, и институты для слѣпыхъ дѣлаютъ честь странѣ, ихъ устраивающей. Эта предварительная самозащита не принесла ему, какъ увидимъ ниже, особенной пользы.

Военныя обстоятельства помѣшали основать въ Лондонѣ и Вѣнѣ учрежденія по образцу парижскаго. Гаюи съ тѣмъ болѣею радостью останавливается на томъ, что Александру I, извѣстному своею любовью къ наукѣ, искусству и человѣчеству, удалось предупредить на этомъ поприщѣ англичанъ и нѣмцевъ, и изъявляетъ полную готовность исполнить приглашеніе уполномоченнаго императоромъ лица (*d'un seigneur député par l'Empereur en France et autres pays de l'Europe, à l'effet d'y recueillir le résultat des découvertes utiles* **) — говорится въ подлинникѣ про Хитрово, предложившаго Гаюи, отъ имени своего монарха, устроить въ Россіи институтъ для слѣпыхъ.

Слѣдуя этому приглашенію, онъ излагаетъ свои предположенія и условія по этому вопросу въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Гаюи полагалъ нужнымъ заготовить, подъ своимъ непосредствен-

*) Этотъ взглядъ Гаюи на назначеніе института для слѣпыхъ сказанъ въ самомъ названіи, которое онъ далъ своему заведенію: *Etablissement des travailleurs-aveugles*.

**) „Вельможіи, посланнаго императоромъ во Францію и въ другія европейскія страны съ порученіемъ собрать въ нихъ результаты полезныхъ открытій“.

нимъ наблюдениемъ въ Парижѣ, всѣ необходимые приборы, приспособленія и аппараты для обученія слѣпыхъ названнымъ выше предметамъ и ремесленнымъ производствамъ.

2. Предполагая выѣхать въ Россію весною будущаго (1804) года, онъ проситъ разрѣшить ему привезти съ собою одного изъ питомцевъ своей школы, дабы при его посредствѣ дать понятіе о самомъ заведеніи и принятыхъ въ немъ методахъ и приемахъ преподаванія, и чтобы, кромѣ того, возбудить соревнованіе въ молодыхъ русскихъ слѣпцахъ. Гаюи соглашается пробыть въ Петербургѣ годъ, считая послѣдній со дня отъѣзда изъ Парижа.

3. Онъ обязуется, въ теченіе этого періода времени, обучить всѣмъ употребляемымъ имъ методамъ русскаго подданнаго, предназначеннаго для завѣдыванія институтомъ впоследствии.

4. На сдѣланныя ему со стороны русскаго правительства вопросы: а) относительно качествъ, которыми долженъ обладать будущій директоръ заведенія; б) относительно вознагражденія Гаюи за труды по устройству въ Петербургѣ института, и в) относительно издержекъ, необходимыхъ для содержанія послѣдняго, Гаюи отвѣчалъ: на *первый* вопросъ:—директоръ будущаго петербургскаго заведенія долженъ быть выбранъ между педагогами; онъ долженъ знать, кромѣ наукъ, русскій языкъ, французскій, а, если возможно, и нѣмецкій языки. Ему необходимо усвоить себѣ разныя производства, напр., вязаніе, пряденіе, филейныя работы и т. п.; знакомство съ книгопечатнымъ дѣломъ тоже весьма желательно. Специальныхъ свѣдѣній по музыкѣ отъ него не требуется. Довольно, если онъ будетъ знакомъ съ нею, какъ любитель. Гаюи налегаетъ при этомъ на нравственныя качества будущаго руководителя заведенія: кротость, терпѣніе, любовь къ ближнему и умъ. Даръ преподаванія предметовъ начальной школы подразумевается самъ собою.

На *второй* изъ предложенныхъ ему вопросовъ, Гаюи отвѣчалъ слѣдующими требованіями: 4,000 рублей въ годъ, половина которыхъ будетъ ему выплачена впередъ, при объявленіи объ утвержденіи его въ должности. Во время пребыванія въ Петербургѣ—даровая квартира съ мебелью, отопленіемъ и освѣщеніемъ. На проѣздъ до мѣста назначенія, вмѣстѣ съ его слѣпымъ воспитанникомъ,—2,000 рублей, уплачиваемые при отъѣздѣ изъ Парижа.

Въ отвѣтъ на *третій* вопросъ, Гаюи представилъ примѣрный штатъ содержанія 50 воспитанниковъ, мальчиковъ и дѣвушекъ вмѣстѣ, и притомъ полагалъ на обзаведеніе, въ видѣ *единовременныхъ* издержекъ, 4,532 фр., именно:

Приборы для ремесленныхъ производствъ	700	франковъ.
Два типографскихъ станка	1,200	"
Ящики для прифтовъ (касса?)	36	"

Доски	60	"
Шрифтъ.	1,000	"
Географическія карты	144	"
Рельефныя глобусы	72	"
Музыкальные знаки (ноты?)	1,200	"
Аппараты для письма	120	"

4,532 франка.

Ежегодныя издержки содержанія института, рассчитаннаго на 50 питомцевъ, по мнѣнію Гаюи, обойдутся казнѣ въ 54,700 фр.

1. Содержаніе 50 учениковъ	25,000	фр.
2. Бѣлье и одежда имъ же	7,500	"
3. Содержаніе и продовольствіе пяти служителей	4,000	"
4. Первому наставнику (директору).	6,000	"
5. Второму " (помощнику)	4,000	"
6. Учительницѣ женскихъ рукодѣлій	2,000	"
7. Завѣдующему обученіемъ ремесламъ	2,000	"
8. Учителю музыки	3,000	"
9. Завѣдующему типографіей	1,200	"

54,700 фр.

Мы не безъ умысла приводимъ здѣсь изложенный проэктъ штатовъ, которые, по наивному предположенію Гаюи, должны, по мнѣрѣ успѣховъ воспитанниковъ, уменьшаться.

Основываясь онъ это предположеніе на практикѣ парижскаго института, въ которомъ, по прошествіи двухъ лѣтъ съ его основанія, вырученныя за работы воспитанниковъ деньги обуславливали уменьшеніе первоначально проэктированныхъ расходовъ. Не зная страны, въ которую его приглашали, незнакомый съ нравами людей, посреди которыхъ предстояло ему дѣйствовать, Гаюи въ простотѣ сердечной предполагалъ, что практика его родины осуществима и въ Россіи! Мы увидимъ ниже, какъ горько пришлось ему разочароваться въ этомъ заблужденіи... Конечно, онъ могъ, не выѣзжая изъ Парижа, представить проэктъ расходовъ на первоначальное обзаведеніе Петербургскаго института, такъ какъ онъ намѣревался сдѣлать заказы въ самомъ Парижѣ; онъ долженъ былъ самъ, безъ посредниковъ, производить за нихъ уплаты, и потому эта часть его смѣты оказалась вѣрною, отвѣчая дѣйствительности затратъ. За то другая часть ея, касавшаяся ежегодныхъ издержекъ, составленная имъ безъ знанія мѣстныхъ условій и людей, была впоследствии яблокомъ раздора. Красною нитью тянутся, во все время пребыванія Гаюи въ Петербургѣ, разныя мелочныя дразги, порожденныя денежными расчетами, парализуя его дѣятельность и отравляя существованіе.

Не входя въ разборъ вопроса—можно ли было на 36,500 франковъ (по

первымъ тремъ статьямъ послѣдней смѣты) содержатъ въ Петербургѣ 55 человѣкъ, чего мы не беремся рѣшать, не будучи знакомы съ цѣнами того времени на первыя потребности въ нашей столицѣ, — мы невольно оста- навливаемся на статьѣ о 5-ти служителяхъ на цѣлый институтъ. Пять человѣкъ прислуги на заведеніе съ 50-ю воспитанниками въ рабовладѣль- ческой Россіи той эпохи! Мыслимо ли это? Это была первая и очень круп- ная ошибка Гаюи. Мы, по собственному наблюденію, очень хорошо знаемъ, что такое отношеніе между этими двумя факторами не только возможно, но и дѣйствительно существуетъ въ западной Европѣ; но то—Европа, а Гаюи собирался дѣйствовать въ Россіи, гдѣ и теперь, черезъ $\frac{3}{4}$ столѣ- тія послѣ описываемой нами эпохи, черезъ 25 лѣтъ послѣ отміны крѣ- постнаго права, основанное Гаюи заведеніе содержитъ, на 44 воспитан- ника, 35 служебныхъ геніевъ разныхъ наименованій и ранговъ, прислу- живающихся слѣпымъ, принятымъ въ институтъ съ цѣлью приготовить ихъ для трудовой жизни, для самостоятельности...

Но не будемъ забѣгать впередъ...

Вопросъ о вознагражденіи, ему предложенный, Гаюи имѣлъ неосторож- ность оставить открытымъ, предоставляя рѣшеніе его — милости импе- ратора *).

Невозможно предположить, чтобы въ продолженіе двухъ лѣтъ не было обмѣна мыслей между Гаюи и лицами, желавшими пригласить его въ Рос- сію. Вѣроятно же всего, что переписка за этотъ періодъ времени потеряна. Это можно заключить отчасти и изъ трехъ сохранившихся документовъ (всѣ отъ 22 іюня 1805 г.), первыхъ послѣ отвѣта Гаюи, отправленного имъ 20 августа 1803 г.:—двухъ писемъ Гаюи къ Лёзье (Mr de Leuzier, Con- seiller de Russie, какъ значится на адресѣ), письма къ генералу Хитрово и приложения къ нему, заключающаго новую записку Гаюи „о вѣрнѣйшемъ и скорѣйшемъ способѣ учрежденія въ Петербургѣ училища для слѣпыхъ“, которую генералъ Хитрово затребовалъ письмомъ 2—14 мая 1805 года (послѣдняго въ архивѣ не оказалось).

Кромѣ болѣе подробнаго развитія взглядовъ на условія успѣха заве- денія, —взглядовъ, изложенныхъ выше,—Гаюи проситъ официалаго увѣ- домленія о времени, когда онъ долженъ выѣхать изъ Парижа. Въ письмѣ къ Лёзье онъ объясняетъ и мотивъ этого желанія: необходимость забла- говременной сдачи его Cabinet d'interprète и небольшого частнаго заве-

*) Мы приводимъ заключительный періодъ его письма отъ 20 августа 1803 г. въ которомъ онъ говоритъ: „Qu'il (т. е. Гаюи) se repose sur la justice et la gé- nérosité si connues de sa Majesté Imperiale, du soin de récompenser un homme qui aura porté dans ses états une découverte bien chère sans doute au coeur de cet illustre souverain, puisqu'elle a pour objet tout-à-la fois le progrès des sciences et arts, et le soulagement de l'humanité“.

денія для слѣпыхъ (Musée des aveugles), основаннаго имъ послѣ закры- тія Наполеономъ казеннаго института. Этими двумя заведеніями Гаюи су- ществовалъ въ эту эпоху, и потому естественно, что, оставляя родину на сравнительно короткое время, онъ заботился о томъ, чтобы, послѣ возвра- щенія изъ временной отлучки, вернуться и къ прежней дѣятельности. Не измѣняя своихъ первоначальныхъ денежныхъ условій, Гаюи, какъ будто предчувствовавшій невзгоду, поручаетъ свою судьбу, черезъ посредство Лёзье, чувству справедливости и благоволенія русскаго правительства (je me recommande, par votre entremise, à la bienveillance de votre gou- vernement). Нельзя безъ волненія читать автографы этого человѣка. Въ нихъ, рядомъ съ фразами утонченной вѣжливости, свойственной бездушному французскому высшему обществу de l'ancien régime, бьются по временамъ ключемъ столько теплоты сердечной, столько преданности высокой цѣли, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, что вы по неволѣ удивляетесь, какъ при этой салонной изысканности слога, подъ которою вы привыкли видѣть пустоту, шумиху словъ, находится столько человѣчности и пони- манія страданій ближняго.

Такъ и въ письмѣ къ Лёзье, какъ будто въ оправданіе своей прось- бы—принять его послѣ пріѣзда въ Петербургъ подъ свое покровительство, Гаюи прибавляетъ: „Вамъ извѣстно, что я человѣкъ небогатый. Соору- женіе храмаи обездоленному природой человѣчеству поглотило всѣ мои денежные средства“.

Колебанія между опасеніями и надеждою на предстоящую въ Россіи дѣятельность волнуютъ неотступно Гаюи. Въ этомъ же письмѣ къ Лёзье, онъ проситъ его подробно опредѣлить, официальнымъ документомъ, всѣ условія, à sa charge et à son avantage. На слѣдующей страницѣ эти опасенія уступаютъ мѣсто радости, что ему предстоитъ поѣздка въ стра- ну, въ которой любовь къ наукамъ и искусствамъ, а равно чувства гу- манности, встрѣчаютъ такой радушный приемъ (où l'amour des sciences et des arts et les sentiments de l'humanité reçoivent un accueil si fa- vorable)...

Изъ письма Гаюи къ генералъ-майору Хитрово видно, что типограф- ской шрифтъ, равно какъ и нѣкоторые аппараты и пособія для обученія слѣпыхъ, упомянутые въ его первомъ предложеніи отъ 20 августа 1803 г., были уже доставлены изъ Парижа въ Петербургъ, и встрѣтилась необхо- димость дополнить ихъ новыми, придуманными имъ въ теченіе этого вре- мени, по образцамъ, существовавшимъ уже въ Парижѣ, на чтѣ потребо- вался расходъ въ 1,200 франковъ.

Въ этомъ же письмѣ, Гаюи вновь распространяется о необходимости приготовленія къ его пріѣзду нѣсколькихъ учителей, удовлетворяющихъ заявленнымъ имъ требованіямъ, повторяя, что одного знанія для успѣш- наго веденія дѣла недостаточно; безъ гуманности, доброты и терпѣнія со

стороны этихъ людей, успѣхъ немислимъ. Между ними онъ на мѣстѣ сдѣлаетъ выборъ. Тутъ же онъ проситъ, чтобы, не теряя времени, приготовить къ его прибытію два имѣнные списка слѣпыхъ, живущихъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, съ указаніемъ ихъ возраста и мѣста жительства; одинъ — слѣпцовъ изъ достаточныхъ семействъ, имѣющихъ средства платить за содержаніе и обученіе въ Петербургѣ; другой — немущихъ, которыхъ придется содержать на казенный счетъ. Не имѣя такихъ списковъ, Гаюи рискуетъ, прибывъ въ Петербургъ, оставаться безъ учениковъ. Найдя же ихъ готовыми, онъ обѣщаетъ, въ періодъ времени отъ 6-ти мѣсяцевъ до года, устроить институтъ такъ, что дальнѣйшее его пребываніе въ Россіи не будетъ необходимымъ. Послѣдующее укажетъ, насколько опасенія Гаюи были основательны.

Встрѣчается въ этой перепискѣ и комическій эпизодъ.

Гаюи спрашиваетъ Лёзье — какъ ему предпринять путешествіе, — моремъ или сухимъ путемъ? Если это не противно „видамъ правительства“, то онъ умоляетъ разрѣшить ему совершить путешествіе сухимъ путемъ. Очевидно, тутъ идетъ рѣчь о разницѣ въ цѣнѣ того и другаго путешествія, и Гаюи опасается, согласится-ли русское правительство платить, такъ сказать, премію за его трусость путешествовать моремъ...

2—14 сентября 1805 г. генераль-майоръ Хитрово сообщаетъ изъ Петербурга Гаюи, что всѣ его предложенія приняты императоромъ, который поручаетъ просить его прибыть въ Россію *безотлагательно*, но такъ какъ государю предстоитъ скорый отъѣздъ въ дѣйствующую армію, то чтобы Гаюи по пріѣздѣ не встрѣтилъ какихъ либо затрудненій, обусловленныхъ его отсутствіемъ, онъ обратилъ вниманіе императора на это обстоятельство. Императоръ повелѣлъ въ этомъ случаѣ своему статсъ-секретарю, управляющему народнымъ просвѣщеніемъ, М. Н. Муравьеву, принять Гаюи и оказать всевозможное содѣйствіе въ духѣ заключенныхъ съ нимъ условій. Кромѣ того, Лёзье поручено встрѣтить Гаюи и представить Муравьеву, который передастъ ему послѣдующія приказанія императора. Хитрово, извѣщая объ этомъ Гаюи, сообщаетъ, что денежные его требованія (выдача 2,000 р. за полгода впередъ, 1,000 р. на путешествіе и 400 р. на приобрѣтеніе дополнительныхъ аппаратовъ, — всего 3,400 р.) предписано немедленно удовлетворить, и проситъ, *не теряя ни минуты*, собираться въ путь. Въ остальномъ — завѣряетъ Хитрово — Гаюи можетъ вполне положиться на всѣмъ извѣстную справедливость русскаго монарха. *Tout ce qui est juste n'est jamais perdu auprès de sa majesté*, заключаетъ свое посланіе Хитрово.

Казалось бы, что послѣ такихъ постоянныхъ и внушительныхъ приглашеній мы должны бы, черезъ нѣсколько недѣль, найти слѣды пребыванія Гаюи въ Петербургѣ. Между тѣмъ проходитъ годъ, прежде чѣмъ Гаюи является въ нашу столицу (9 сентября 1806 г.). Какія были причины этого замедленія, кто ихъ создалъ? объ этомъ молчитъ архивъ. Продолжительность

путешествія, даже при тогдашнихъ средствахъ передвиженія, не можетъ ихъ объяснить.

Слухъ о поѣздкѣ Гаюи въ Петербургъ разнесся по всей Германіи. Всѣ владѣтельныя особы, которыми кишела въ то время эта страна, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались залучить его къ себѣ, любопытствуя познакомиться съ знаменитымъ филантропомъ и его методомъ. Король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ III, узнавъ о дѣятельности Гаюи отъ глазнаго врача, доктора Грапенгиссера, собственноручнымъ письмомъ зоветъ его въ Шарлотенбургъ; берлинская академія наукъ приглашаетъ въ свое засѣданіе

Но по своимъ послѣдствіямъ для страждущаго человѣчества важнѣе всѣхъ этихъ лестныхъ, но малосодержательныхъ заявленій вниманія, была встрѣча Августа Цейне въ Берлинѣ съ Гаюи. Воспользовавшись кратковременнымъ пребываніемъ послѣдняго въ столицѣ Пруссіи, Цейне, усвоивъ себѣ методы Гаюи, съ увлеченіемъ предался воспитанію и образованію слѣпыхъ своей родины. Въ ту пору, когда Гаюи, не смотря на то, что былъ приглашенъ императоромъ для опредѣленной дѣятельности въ Россіи, безъ толку странствовалъ по министерскимъ приемнымъ, Цейне успѣлъ уже открыть (13 октября 1806 г.), правда, съ однимъ только воспитанникомъ, училище для слѣпыхъ, которое однако послужило разсадникомъ для всѣхъ другихъ заведеній этого рода въ Пруссіи. На этомъ примѣрѣ можно лишній разъ убѣдиться, что частный человѣкъ, воодушевленный любовью и преданностью дѣлу, можетъ иногда принести больше пользы, нежели монархъ, хотя и проникнутый самыми лучшими стремленіями, но окруженный равнодушными къ добру исполнителями его воли. Но вернемся къ Гаюи. Переѣхавъ русскую границу, онъ, въ качествѣ вѣрнопопданнаго легитимиста, не преминулъ направиться въ Митаву, гдѣ жилъ тогда будущій король Франціи, Людовикъ XVIII. Фурнье, слѣпой ученикъ Гаюи, котораго онъ, согласно упомянутому выше условію, везъ въ Петербургъ, представилъ Людовику случай познакомиться съ методами обученія слѣпыхъ. Въ заключеніе онъ начертилъ, въ двухъ экземплярахъ, — одномъ, писанномъ рельефомъ, какъ онъ употребляется для корреспонденціи между слѣпыми, и въ другомъ — карандашомъ, для зрячихъ, слѣдующую фразу: „*que ce serait sous son règne que l'établissement des aveugles-travailleurs arriverait à sa perfection; que déjà même différents monarques s'empressaient à l'envie de favoriser d'avance l'accomplissement de cette heureuse prédiction, qu'il avait lue dans son coeur plutôt que dans l'avénir*“ *).

*) „Что въ его царствованіе учрежденіе слѣпцовъ-работниковъ достигнетъ полнаго своего развитія; что уже многіе государи наперерывъ спѣшатъ оказать содѣйствіе исполненію этого предсказанія, прочтеннаго имъ скорѣе въ собственномъ сердцѣ, чѣмъ въ предвидѣніи будущаго“.

Будущій король Франціи, прочитавъ поднесенныя ему записки слѣпца Фурнье, отвѣтилъ: „j'ai suivi à mesure dans les papiers publics le compte qu'ils rendaient de vos services pour l'humanité; dans quelque situation que je me trouve, je ne vous oublierai point“ *).

IV.

Изъ матеріаловъ нашихъ мы узнаёмъ, что Гаюи прибылъ въ Петербургъ 9-го сентября 1806 г. Черезъ 5 дней послѣ своего пріѣзда (13-го сентября 1806 г.), онъ обращается съ письмомъ къ императору, въ которомъ заявляетъ, что прежде чѣмъ онъ приступитъ къ исполненію возложеннаго на него лестнаго дѣла, ему необходимъ, какъ залогъ успѣха и въ видѣ ободренія, благосклонный взоръ монарха. Но онъ тутъ же прибавляетъ, что личное представленіе только смутило бы его, если ему не будетъ разрѣшено, во время его, представить результаты многолѣтнихъ трудовъ, предпринятыхъ на пользу человѣчества. Поэтому онъ проситъ позволенія явиться со своимъ 17-лѣтнимъ воспитанникомъ и разрѣшить ему продѣлать передъ глазами императора различныя приемы, при посредствѣ которыхъ ему удалось спасти слѣпыхъ отъ тунейства, утѣшить ихъ въ несчастіи и возвратитъ ихъ обществу. Гаюи льститъ себя надеждою, что не будетъ недостойнымъ монарха увидѣть впервые слѣпнаго, который не только можетъ исполнять разныя ремесленныя работы, но читать, писать, считать, печатать, демонстрировать по картамъ и т. п. Тутъ же онъ упоминаетъ о своемъ телеграфѣ, болѣе совершенномъ, чѣмъ всѣ употребляемые въ то время во Франціи и Англии.

Будучи глубоко убѣжденъ, что успѣхъ предстоящихъ ему занятій, имѣющихъ въ виду благо обездоленныхъ, зависитъ въ значительной степени отъ императора, онъ проситъ удѣлить ему минуту вниманія.

Въ нашихъ матеріалахъ не сохранилось положительныхъ свѣдѣній о томъ, какой послѣдовалъ отвѣтъ на эту просьбу, но, судя по одному позднѣйшему документу, можно заключить, что Гаюи уѣхалъ изъ Россіи, не удостоившись чести быть принятымъ императоромъ, который съ такою предупредительностью и настойчивостью вызывалъ его въ Петербургъ. Въмѣсто этого, съ первыхъ же почти дней пребыванія его въ нашей столицѣ, возникаютъ разныя дразги, обусловленныя, главнымъ образомъ, неисполненіемъ, со стороны нашихъ властей, указанныхъ выше условій Гаюи. Такъ, черезъ пять недѣль послѣ пріѣзда (11 октября 1806 г.), онъ вынужденъ

*) Я слѣдилъ по газетнымъ свѣдѣніямъ за услугами, оказанными вами человечеству. Въ какомъ бы положеніи я ни находился, я васъ не забуду.

подать докладную записку, содержаніе которой свидѣтельствуетъ отчасти объ этомъ. Онъ, пока, не жалуется открыто на оставленіе безъ вниманія его предшествовавшихъ условій, но сами статьи записки говорятъ объ этомъ. Еслибы условія были исполнены, ему не предстояло бы необходимости утруждать императора подобными ходатайствами. Стѣсненное положеніе, въ которое Гаюи былъ поставленъ такимъ невниманіемъ, вынудило его, человѣка, очутившагося на чужбинѣ, напомнить о себѣ. Въ запискѣ этой онъ проситъ: 1) выдать ему впередъ жалованье за второе полугодіе, начинающееся въ концѣ октября (2,000 р.); 2) уплатить 300 р. въ дополненіе путевыхъ расходовъ (тысячи рублей для переѣзда изъ Парижа въ Петербургъ, съ женою, сыномъ и воспитанникомъ Фурнье, оказалось недостаточнымъ). Гаюи основываетъ свое требованіе на обѣщаніи г.-м. Хитрово—возвратитъ ему издержки путешествія упомянутаго воспитанника. 3) Такъ какъ даровой квартиры, о которой онъ заблаговременно писалъ изъ Парижа, ни для него, ни для будущихъ питомцевъ приготовлено не было, то Гаюи ходатайствуетъ выдать ему, начиная съ 1-го ноября, для найма ея 2,500 рублей, изъ которыхъ онъ часть предполагаетъ употребитъ на покрытіе разѣздовъ, вмѣсто экипажа, обѣщаннаго ему г.-м. Хитрово именемъ императора. Гаюи въ это время стукнулъ уже (прибавимъ отъ себя) 61 годъ, и уже по этой одной причинѣ его требованіе, надѣлавшее какъ увидимъ впоследствии, столько бѣдъ,—выполнѣ понятно и извинительно. За эти деньги Гаюи обязывался нанять квартиру не только для себя, но и для будущихъ воспитанниковъ, пока число ихъ не потребуетъ значительнаго ея расширенія. Въ запискѣ онъ проситъ выдать ему деньги для этихъ двухъ статей за полгода впередъ, т. е. 1,250 руб. 4) Такъ какъ условленная квартира не была подготовлена, и Гаюи пришлось жить въ гостинницѣ (по Офицерской, въ Hôtel du Nord, № 4), то онъ проситъ возмѣстить ему эти непредвидѣнныя затраты, не входившія въ его расчеты при подписаніи договора. Онъ оцѣниваетъ эти издержки за 2 мѣсяца въ 500 руб. 5) Гаюи просилъ, кромѣ того, выдачи ему на приготовленіе недостающихъ аппаратовъ и пособій для обученія слѣпыхъ 1,000 р., отчетъ въ которыхъ онъ обязуется представить министру. 6) Наконецъ онъ ходатайствуетъ о выдачѣ его воспитаннику Фурнье, въ качествѣ помощника, 600 рублей въ годъ, каковая сумма будетъ покрывать издержки его содержанія и включать жалованье за труды. По этому расчету, если онъ будетъ одобренъ, слѣдуетъ получить, со дня прибытія въ Петербургъ по 1-ое ноября, 100 рублей за 2 мѣсяца.

Итогъ этихъ требованій Гаюи простирается до 5,150 рублей. На докладной запискѣ Гаюи находится, безъ подписи, слѣдующая помѣтка, сдѣланная,—если сличенія съ другими бумагами, на которыхъ этотъ почеркъ встрѣчается, не вводятъ меня въ заблужденіе,—министромъ народнаго

просвѣщенія, графомъ Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ: „Государь императоръ указалъ по сему счету учинить заплату изъ кабинета; найти мѣсто для предполагаемаго института и отыскать человѣка со способностями быть директоромъ и перенять способъ ученія (13-го октября)“. Черезъ недѣлю (20-го октября) сумма, препровожденная Д. Гурьевымъ гр. Завадовскому, была выдана Гаюи.

Нашелся вскорѣ и наставникъ. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, Н. Новосильцевъ, представилъ (31 октября 1806 г.) гр. Завадовскому на эту должность учителя одного петербургскаго уѣзднаго училища (введенскаго), Бушуева, который, имѣя, по его мнѣнію, достаточныя свѣдѣнія во французскомъ языкѣ и желая совершенно посвятить себя этому званію, готовъ употребить все свое стараніе, чтобы научиться методу Гаюи и со временемъ заступить его мѣсто. Сообщая гр. Завадовскому объ этой находкѣ, Новосильцевъ просилъ графа, при докладѣ императору о помѣщеніи Бушуева въ означенное училище—исходатайствовать ему слѣдующій чинъ, ибо въ настоящемъ (12-го класса) онъ почти прослужилъ назначенные годы; также жалованье по 800 рублей ежегодно, съ назначеніемъ ему казенной квартиры. Это жалованье ему слѣдуетъ, по мнѣнію Новосильцева, по двумъ уважительнымъ причинамъ: 1) потому что Бушуевъ, оставаясь при нынѣшней должности, могъ бы надѣяться вскорѣ быть переведеннымъ учителемъ въ гимназію, имѣя къ тому надлежащія познанія, гдѣ бы получалъ равное почти жалованье и квартиру; 2) что должность, къ которой онъ назначается, несравненно труднѣе обыкновенной учительской должности, такъ что при надлежащемъ исполненіи оной не будетъ оставаться ему нѣсколько свободнаго времени.

Мы увидимъ впоследствии, насколько Бушуевъ оправдалъ такой лестный отзывъ Новосильцева и чѣмъ кончилъ онъ свою педагогическую дѣятельность.

Представленіе Новосильцева вскорѣ (10 ноября) было утверждено императоромъ, исключая касающагося квартиры. Въ виду того, что Гаюи получаетъ плату на наемъ дома, гр. Завадовскій полагалъ отвести Бушуеву помѣщеніе въ его квартирѣ, пока „заведено“ будетъ училище.

Итакъ, педагогъ оказался налицо; затраты на заведеніе были произведены; не было только тѣхъ, ради которыхъ сдѣланы были всѣ эти издержки—не было слѣпыхъ учениковъ, между тѣмъ какъ они могли бы явиться и пользоваться знаніями Гаюи, еслибы заблаговременныя просьбы его не были оставлены безо всякаго вниманія.

Такая бездѣятельность должна была томить Гаюи. Онъ сознавалъ всю бесплодность своего пребыванія въ странѣ, ради которой онъ оставилъ свою родину, въ надеждѣ на предстоящую широкую дѣятельность. Это мы и видимъ изъ письма его къ гр. Завадовскому (29 ноября 1806 г.).

Онъ пишетъ ему, что, являясь въ Россію, онъ рассчитывалъ собрать

вокругъ себя слѣпыхъ дѣтей, спасти ихъ отъ праздности и тунеядства, обучить полезнымъ занятіямъ и заставить благословлять благотворительнаго монарха, управляющаго ихъ родиной, и достойныхъ его министровъ. Поэтому онъ напоминаетъ графу его обѣщаніе—оповѣстить, путемъ газетъ, о благихъ намѣреніяхъ императора и дать ему возможность исполнить свой долгъ, насколько это будетъ въ его силахъ. Письмо это Гаюи заключаетъ напоминаніемъ предоставить ему случай ознакомить самого графа и его сыновей,—согласно заявленію перваго, выраженному вскорѣ послѣ его прибытія въ Петербургъ,—со своими методами обученія слѣпыхъ. Изъ послѣдней просьбы мы можемъ заключить, что русскій министръ народнаго просвѣщенія, подъ непосредственное вѣдѣніе котораго поставленъ былъ приглашаемый императоромъ Гаюи, не удосужился въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ познакомиться, хотя поверхностно, со спеціальностью человѣка, котораго вся Европа встрѣчала съ любопытствомъ, любознательностью и желаніемъ поучиться у него.

Какая судьба постигла это обращеніе Гаюи къ министру просвѣщенія—объ этомъ источники наши молчатъ. До 9-го марта слѣдующаго (1807) года, они оставляютъ насъ въ полной неизвѣстности о дѣятельности Гаюи.

Подъ этимъ числомъ сохранилось только свѣдѣніе, что по докладу гр. Завадовскаго императоръ повелѣлъ выдать жалованье Гаюи и Фурнье изъ общей училищной суммы (прежде, какъ мы видѣли, оно выдавалось—изъ кабинета его величества)—и впередъ изъ этой же суммы содержать (несуществующее) училище для слѣпыхъ *).

Гораздо важнѣе другой документъ, поданный Гаюи 10-го марта 1807 г. „господамъ министрамъ и совѣтникамъ, до коихъ дѣло сіе касается“, какъ сказано въ весьма плохомъ русскомъ переводѣ. Изъ него мы узнаемъ многое, дополняющее отрывочныя свѣдѣнія, изложенныя выше, о первомъ полугодіи пребыванія Гаюи въ Петербургѣ **).

Кромѣ Бушуева, онъ принялъ подъ свое руководство еще нѣсколько лицъ, которыя должны были служить первому сотрудниками и помощниками, послѣ возвращенія Гаюи на родину. Имъ предстояло ознакомиться съ методами его преподаванія по избраннымъ ими спеціальнымъ отдѣламъ, числомъ 4, изъ которыхъ, по мнѣнію Гаюи, слагаются воспитаніе и занятія слѣпыхъ. Каждый изъ нихъ избиралъ спеціальность, ему болѣе подходящую; объектомъ же упражненій былъ, за отсутствіемъ туземныхъ

*) Изъ источниковъ нашихъ видно, что въ половинѣ марта 1807 г. такъ называемаго училищнаго капитала состояло 572,737 рублей.

**) Въ эту пору онъ жилъ въ Большой Милліонной, № 16, близъ Мраморнаго дворца.

слѣпыхъ, воспитанникъ Фурнье. По временамъ, Гаюи устраивалъ сеансы для высокопоставленныхъ особъ съ цѣлью -- ознакомить ихъ со своими методами, приемами обученія и упражненіями слѣпыхъ, во время которыхъ все тотъ же одинъ ученикъ его игралъ роль класса. Тогда онъ не терялъ надежды, что императоръ Александръ, согласно обѣщанію, пригласитъ его къ себѣ для ознакомленія съ его дѣятельностью. Видно, что въ началѣ высшее общество обоого пола интересовалось этими сеансами. На нихъ присутствовали, кромѣ того, нѣкоторые министры, члены академіи и пр. Но вскорѣ „мода“ на Гаюи миновала: на мѣсто ея выдвинулись неожиданныя препятствія. Въ числѣ первыхъ изъ нихъ, до слуха Гаюи доходить вѣсть, что въ Россіи—нѣтъ слѣпыхъ! Гаюи старается опровергнуть такое нелѣпое мнѣніе, указывая на главныя, извѣстныя ему, причины слѣпоты, которыя поражаютъ людей подъ всевозможными градусами широты и долготы; климатъ Россіи, говоритъ онъ далѣе, не можетъ предохранить отъ указанныхъ причинъ потери зрѣнія, а эти причины должны производить въ Россіи такія же послѣдствія, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Если же, заключаетъ онъ свои доводы, въ публичныхъ мѣстахъ „прекрасной столицы Россіи“ дѣйствительно не видно слѣпыхъ, то это обуславливается „мудрою политикою“, предписывающею помѣщикамъ и родителямъ этихъ несчастныхъ держать ихъ при себѣ, на родинѣ, а если это дѣти крестьянъ казенныхъ или сироты, то помѣщать ихъ въ богадѣльни.

Справедливость такихъ заявленій Гаюи не замедлила оправдаться. Онъ наталкивается вскорѣ на нѣсколькихъ слѣпыхъ нищихъ, скрывавшихся отъ бдительныхъ полицейскихъ взоровъ; онъ подаетъ имъ милостыню, съ намѣреніемъ привлечь ихъ въ число своихъ питомцевъ, но она, повидимому, не оказываетъ особаго дѣйствія, такъ какъ онъ жалуется на то, что готовъ бы учетверить свои подаванія, лишь бы слѣпые изъявили согласіе получать ихъ въ видѣ награды за свои ежедневные труды.

Между тѣмъ, вслѣдствіе публикацій, сдѣланныхъ въ „Лицеѣ“ Мартынова *) и въ „Вѣдомостяхъ“, къ Гаюи является Кинэ, бриллианщикъ, и

*) Приводимъ здѣсь, съ небольшимъ сокращеніемъ, это объявленіе въ подлинникѣ. Въ отдѣлѣ—„Разныя извѣстія“ *Лицея* за 1806 г., часть IV-я, стр. 74—77, читаемъ:

„Облегчить несчастную участь слѣпыхъ, научить ихъ средствамъ доставать трудами своими пропитаніе и, что еще болѣе того, самыя средства сіи сдѣлать для нихъ утѣшительными, есть намѣреніе, достойное просвѣщенныхъ вѣковъ. Правительство Франціи въ теченіе осмнадцатаго вѣка, если чѣмъ либо заслужило вѣчную признательность человѣчества, то наипаче приведеніемъ въ дѣйствіе сего благодѣтельнаго намѣренія. Незабвенный аббатъ де-л'Эне былъ первый въ семъ государствѣ основатель заведенія для воспитанія глухонѣмыхъ; неимовѣрные труды его оправданы успѣхами, и признательность потомства увѣнчала имя его безмер-

Дравже, декорационный живописецъ, очевидно, оба иностранцы, со своими слѣпыми сыновьями. Но и эта находка не представила ему удовлетворенія: оказалось, что дѣти эти были такъ малы, что невозможно было принять ихъ въ училище.

День 10 февраля 1807 г., казалось, долженъ былъ быть днемъ радости, днемъ перваго приступа къ плодотворной дѣятельности Гаюи на русской почвѣ. Въ этотъ день какая-то бѣдная женщина приводитъ къ нему своего слѣпаго сына изъ Смольной богадѣльни. По возрасту онъ годился для принятія въ училище, но, желая испытать способности его къ работѣ, Гаюи заставилъ мать приводить его къ себѣ нѣсколько дней сряду. Мальчикъ оказывается вполне годнымъ. Но этимъ не ограничивается радость Гаюи. Онъ узнаетъ отъ него, что въ Смольной богадѣльнѣ содержится болѣе сотни слѣпыхъ. Гаюи спѣшитъ по адресу, провожаетъ туда самъ своего слѣпаго путешественника, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ стариковъ и больныхъ, находитъ — множество слѣпыхъ дѣтей обоого пола, оказывающихся на первый взглядъ способными къ воспитанію и образова-

тіемъ. Аббатъ Сикарь въ Парижѣ и множество другихъ способныхъ наставниковъ въ нѣкоторыхъ столицахъ Европы продолжали потомъ съ успѣхомъ воспитаніе глухонѣмыхъ; но до 1783 года еще не знали никакой методы для обученія слѣпыхъ. Валентинъ Гаюи, переводчикъ для языковъ сѣверныхъ и полуденныхъ, бывший членъ комисіи народнаго наставленія, членъ многихъ ученыхъ обществъ, братъ аббата Гаюи, славнаго минералога, члена Института,—былъ первый, который, послѣ двѣнадцатилѣтняго размышленія и частыхъ опытовъ, сочинилъ разсужденіе о способѣ учить слѣпыхъ, и учредилъ въ пользу ихъ первое заведеніе, извѣстное подъ названіемъ: „Работающихъ слѣпыхъ“ и соединенное послѣ съ заведеніемъ 15×20 (Quinze-Vingts—богадѣльня въ Парижѣ, названная по числу—300—призрѣваемыхъ въ ней слѣпыхъ). Способъ его состоитъ въ томъ, чтобы слѣпыхъ выучить разнымъ работамъ, нужнымъ для художествъ и ремеслъ, писать, читать, исчислять, печатать, извѣстныя географію, заниматься языками, музыкою и проч. и проч.

„По желанію, изъявленному Государемъ Императоромъ, В. Гаюи заготовилъ въ Парижѣ всѣ приборы, нужные для обученія и занятія слѣпыхъ, какъ-то: станки, слова для тисненія счетовъ и печатанія, географическія карты, доски для письма и другія вещи; прибылъ сей благодѣтель человѣчества въ С.-Петербургъ съ однимъ изъ слѣпыхъ его воспитанниковъ, знающихъ способъ его воспитанія, чтобы основать здѣсь училище для слѣпыхъ, по примѣру учрежденнаго во Франціи въ пользу сихъ несчастныхъ, и для совершеннаго открытія способа своего ученія чиновнику (!), который назначенъ будетъ управлять Петербургскимъ заведеніемъ. Такой чиновникъ уже нашлся, именно: титулярный совѣтникъ (sic) Бушуевъ, одинъ изъ здѣшнихъ учителей, достойный похвалы и признательности за благородную свою готовность вспомоществовать страждущему человѣчеству. Г. Гаюи обѣщаетъ научить методъ своей черезъ годъ. Кто же теперь въ нашемъ отечествѣ будетъ носить имя несчастнаго, когда и сія, опредѣленные судьбою быть таковыми, присоединяясь къ милліонамъ благоденствующихъ, благословлять будутъ имя творца ихъ счастья—имя Александра?“

нію. Чтобы окончательно удостовериться въ этомъ, онъ проситъ директора богадѣльни разрѣшить ему—пріѣзжать и брать къ себѣ, по очереди, по два слѣпыхъ мальчика, а женѣ его — по двѣ слѣпыхъ дѣвочки, предлагая лично привозить ихъ обратно. Ему отвѣчаютъ на это отказомъ, предлагая разъ — обратиться съ прошеніемъ объ этомъ въ приказъ общественного призрѣнія, другой разъ—къ гражданскому губернатору. Послѣдній утѣшаетъ Гаюи обѣщаніемъ — разсмотрѣть его ходатайство въ первый „свободный часъ“.

Проходитъ мѣсяць — начальникъ губерніи, въ теченіе его, не удосужился найти „свободный часъ“. Источники наши молчатъ о томъ—сколько мѣсяцевъ потребовалось для пріисканія этого „свободнаго часа“, но довольно и того, что намъ извѣстно навѣрное: его многосложныя занятія, въ теченіе четырехъ недѣль, не позволяли ему рѣшить этотъ нехитрый вопросъ.

Въ этомъ же отчетѣ, 10-го марта 1807 г., Гаюи вновь затрогиваетъ вопросъ о помѣщеніи, жалуясь на то, что квартира его недостаточно просторна, чтобы помѣстить слѣпаго ребенка (изъ русскихъ), привезеннаго ему—въ періодъ безуспѣшныхъ переговоровъ насчетъ слѣпыхъ въ Смольной богадѣльнѣ—изъ Кронштадта, и еще другаго, изъ Москвы, посѣщающаго его въ качествѣ приходящаго ученика. Онъ проситъ министерство озаботиться пріисканіемъ подходящаго дома для заведенія.

Этотъ же отчетъ знакомитъ насъ съ первыми сотрудниками Гаюи изъ русскихъ, о которыхъ, кромѣ Бушуева, мы ничего до сихъ поръ не знали. Выборъ послѣдняго Гаюи считаетъ удачнымъ, доказывающимъ „мудрость“ правительства, такъ какъ онъ соединяетъ въ себѣ необходимыя предварительныя свѣдѣнія и необходимую прозорливость, равно кротость и чело-вѣколюбіе, — качества безусловно необходимыя для наставника слѣпыхъ. Не смотря на витіеватость этой похвалы, чувствуется недомолвка, кое-что недосказанное... Очевидно, Гаюи, какъ чело-вѣкъ новый, не рѣшается напрямки заявить свое откровенное мнѣніе насчетъ навязаннаго ему свыше чело-вѣка. Уже въ самомъ началѣ сотрудничества своего съ Бушуевымъ, Гаюи рѣшается намекнуть на слабое здоровье перваго, позволившее ему посвятить лишь *нѣсколько дней* изученію предмета, требующаго усидчивой работы не менѣе года.

Съ тѣмъ бѣльшей и, очевидно, искренней похвалой отзывается Гаюи о другихъ лицахъ, которыя помогли ему, въ отсутствіе Бушуева, положить первыя основы воздвигаемому зданію. Онъ перечисляетъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они начали отпирать свои обязанности.

22-го октября 1806 г., студентъ педагогическаго института, Галичъ, едва узнавъ о цѣли заведенія, является къ Гаюи и предлагаетъ ему свои услуги—обучать слѣпыхъ словесности (вѣроятно, здѣсь подразумѣвается обученіе чтенію, письму, грамматикѣ). Гаюи сознается, что безъ Галича

онъ не могъ бы приступить къ занятіямъ съ кронштадтскимъ слѣпцомъ, знавшимъ только русскій языкъ, такъ какъ Бушуевъ, хотя и началъ занятія съ нимъ, но вскорѣ же оставилъ.

Одновременно съ Галичемъ начинается обученіе музыкѣ въ институтѣ (состоящемъ изъ одного ученика) французскій эмигрантъ, принявшій русское подданство, Луэ (Louet).

Изъ нашихъ источниковъ видно, что Гаюи смотрѣлъ въ первое время на музыкальное образованіе не только какъ на предметъ общеобразовательный, но и имѣющій практическое значеніе въ жизни слѣпца:—мнѣніе, нераздѣляемое теперь, во всемъ его объемѣ, специалистами. Музыка введена въ послѣдствіи въ подобающіе ей предѣлы, и только немногіе институты для слѣпыхъ сохранили за нею первенствующую роль. Онъ неоднократно указываетъ на поразительные успѣхи своихъ бывшихъ парижскихъ питомцевъ, ставшихъ чуть ли не артистами въ своей спеціальности и со-державшими не только себя, но и свои семьи.

Его не слѣдуетъ обвинять за это. Онъ не имѣлъ еще опыта своихъ преемниковъ и, кромѣ того, не зналъ условій, при которыхъ возможно полезное и достойное чело-вѣка примѣненіе музыкальнаго знанія въ Россіи. Уже одно то обстоятельство, что русское богослуженіе не допускаетъ музыки, исключало примѣненіе знанія ея слѣпыми въ качествѣ органистовъ, какъ это видимъ въ странахъ протестантскихъ и католическихъ.

Тѣ же источники свидѣтельствуютъ, что Гаюи особенно налегалъ на ремесленное образованіе, какъ на главное средство обезпеченія будущности слѣпыхъ. Взглядъ этотъ нагляднѣе всего выразился въ самомъ названіи учрежденія, основаннаго имъ въ Петербургѣ. Онъ вездѣ называетъ его *Institution des aveugles-travailleurs*.

Странно, что въ петербургскомъ училищѣ для слѣпыхъ (Чело-вѣколюбиваго Общества), утратившемъ всякія преданія о своемъ основателѣ и первомъ директорѣ, музыкальное образованіе сохранилось въ первобытной силѣ, между тѣмъ какъ имъ-то можно было и даже слѣдовало, прежде всего, поступиться въ интересахъ большинства, приготавлиаемаго не только для снисканія матеріальныхъ средствъ къ жизни, безъ разбора между ними, но для снисканія ихъ способомъ, достойнымъ честнаго труженика*). Понятно, мы не относимъ сказаннаго къ случаямъ выдающихся изъ ряду музыкальныхъ талантовъ, но они между слѣпыми представляютъ, какъ и между зрячими, рѣдкія исключенія.

Кромѣ названныхъ предметовъ, Гаюи указывалъ на ремесла, въ которыхъ должны упражняться слѣпые, и на книгопечатаніе, какъ на источникъ

*) Изъ названнаго заведенія выходятъ, послѣ окончанія курса въ заведеніи тапѣры для публичныхъ домовъ!..

дохода для будущаго института. Относительно доходности послѣдняго онъ ссылается на примѣръ парижскаго института, въ которомъ, работами слѣпыхъ, покрыты были не только значительныя затраты на обустройство типографіи, простирившіяся отъ 50 до 60,000 франковъ, но, кромѣ того, онъ доставили значительную заработную плату воспитанникамъ.

Предположенія Гаюи по этой статьѣ показываютъ, что онъ успѣлъ уже присмотрѣться къ нашимъ порядкамъ и стараетъ примѣняться къ нимъ, въ интересъ заведенія. Такъ, указывая на необходимость печатанія рельефомъ учебниковъ для слѣпыхъ самими слѣпыми, онъ, кромѣ того, предлагаетъ, въ видѣ доходной статьи, занимать типографскіе станки печатаніемъ адресовъ, визитныхъ билетовъ и другихъ типографскихъ подѣлокъ, не требующихъ разрѣшенія цензуры... Для него было ясно, какую помѣху цензура могла оказать успѣшному веденію этой отрасли производства *).

Резюмируя изложенное, можно вывести заключеніе, въ виду несохранившейся программы заведенія, что Гаюи предполагалъ ввести въ немъ: обученіе наукамъ, ремесламъ, типографскому искусству и музыкѣ, въ сущности тѣмъ же предметамъ, которые преподаются въ институтахъ слѣпыхъ въ настоящее время, но усовершенствованнымъ—конечно—противъ того времени методамъ и, вѣроятно, въ болѣе обширномъ объемѣ.

Въ заключеніе своего отчета 10-го марта 1807 г., представленнаго, какъ мы упомянули выше, „господамъ министрамъ и совѣтникамъ, до коихъ сіе дѣло касается“, Гаюи проситъ: 1) назначить посредникомъ между ними и имъ, Гаюи, человека, пользующагося ихъ довѣріемъ и уполномоченнаго принимать просьбы о предметахъ, обусловливающихъ успѣхи заведенія, и представлять имъ доклады о дѣятельности послѣдняго; 2) уполномочить его, Гаюи, дѣлать выборъ слѣпыхъ, способныхъ къ образованію, изъ богадѣленъ, въ которыя они принимаются, и на первыхъ порахъ изъ Смольной; 3) разрѣшить ему прискать между незанятыми казенными зданіями домъ, подходящій для помѣщенія института, и, наконецъ, 4) назначить приличное жалованье поименованнымъ имъ лицамъ.

Гаюи жалуется въ концѣ своего представленія на то, что вызванный въ Россію на годъ для обученія своимъ методамъ, онъ потерялъ уже 6 мѣсяцевъ почти безъ дѣла, хотя успѣхи единственнаго воспитанника его изъ русскихъ могутъ убѣдить самыхъ недовѣрчивыхъ людей, что и въ Россіи возможно осуществить то, что уже достигнуто во Франціи. Онъ утѣшаетъ себя сознаніемъ, что время, потерянное имъ не по его винѣ, для устройства института слѣпыхъ, употреблено имъ съ пользою для разработки другаго вопроса, не менѣе важнаго—устройства телеграфа, предмета

*) Въ качествѣ преподавателей ремеслъ и типографскаго искусства, Гаюи помогали: Цярейнъ, Даненбергъ и Пожарскій.

важнаго во всякое время, но въ особенности при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Онъ намѣревается свое новое изобрѣтеніе посвятить императору Александру, какъ знакъ своего къ нему благоговѣнія (объ этомъ изобрѣтеніи Гаюи будетъ сказано подробнѣе въ другомъ мѣстѣ). Единственный слѣдъ этихъ жалобъ Гаюи сохранился въ отношеніи (5-го мая 1807 г.) Ивана Ростовцева къ какому-то Ивану Ивановичу, въ которомъ первый сообщаетъ послѣднему, что онъ въ теченіе 2-хъ недѣль осмотрѣлъ болѣе 20 домовъ и остановился на одномъ, на Васильевскомъ острову, на углу 2-й линіи и Большаго проспекта, принадлежащемъ купцу Раменцову. За средній этажъ купецъ проситъ 5500 руб., за верхній—4000 руб., съ дровами и водою. Хотя Гаюи нашелъ эти помѣщенія неудобными для заведенія, но Ростовцевъ находитъ доводы его—незаслуживающими вниманія. Затѣмъ Ростовцевъ распространяется уже болѣе подробно о симптомахъ своего недуга, причинахъ, его вызвавшихъ, мнѣніи врача и т. п.

Неугомонный Гаюи не перестаетъ нарушать покой властей. 6-го мая 1807 г., онъ обращается съ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому, въ которомъ напоминаетъ вновь, что только одно изъ условій, заблаговременно переданныхъ имъ ген.-майору Хитрово, именно выборъ учителей—исполнено; остальные, касающіяся сбора слѣпыхъ дѣтей, подходящаго помѣщенія—ждутъ и теперь своего осуществленія, не смотря на то, что онъ неоднократно напоминалъ объ нихъ гг. Муравьеву, Новосильцеву, и самому графу. *Отовсюду слышится онъ увѣренія, что въ Россіи нѣтъ слѣпыхъ дѣтей*; между тѣмъ, онъ почти ежедневно встрѣчаетъ ихъ, собирающихъ милостыню по домамъ и ускользающихъ отъ бдительности преслѣдующей ихъ полиціи. „Я даю имъ вспомошествованіе, поясняетъ Гаюи, и общаю продолжать его, если они только согласны трудиться. Это не помогаетъ. Они не являются вновь“.

Напоминаетъ онъ графу о своемъ открытіи въ богадѣльнѣ подъ Смольнымъ около 100 слѣпыхъ дѣтей школьнаго возраста и о просьбѣ, съ которой обращался къ губернатору—разрѣшить ему присылать за этими несчастными ежедневно свой экипажъ, съ обязательствомъ отвозить ихъ послѣ уроковъ. Онъ предлагалъ, кромѣ того, кормить ихъ завтракомъ и обѣдомъ на свой счетъ.

И эта просьба, жалуется горько Гаюи, остается, уже въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, безъ всякаго отвѣта...

„Наконецъ, мнѣ посчастливилось,—говоритъ онъ,—добыть нѣсколькихъ слѣпыхъ дѣтей, разбѣянныхъ въ частныхъ домахъ, изъ бѣдныхъ семей; я ихъ кормлю, снабдилъ постелями и обучаю“. Мы узнаемъ также изъ этого письма, что Бушуевъ совершенно не занимается съ Гаюи (по слабости здоровья); но Галичъ и Луэ помогаютъ ему съ большимъ рвеніемъ.

Въ виду изложеннаго, Гаюи, не смотря на очевидныя неудобства дома

Раменцова, соглашается переѣхать и въ него, но проситъ графа пригласить гражданскаго губернатора—разрѣшить ему какъ можно скорѣе сдѣлать выборъ между способными къ обученію слѣпыми дѣтьми подѣ Смольнымъ, такъ какъ, согласно условію, остается только 4 мѣсяца до отѣзда его изъ Россіи; 8 же мѣсяцевъ пропали почти безслѣдно для дѣла, ради котораго онъ прибылъ въ Петербургъ...

Къ этой же эпохѣ (лѣто 1807 г.) относится составленіе проекта штата для института слѣпыхъ. Такъ какъ его въ архивѣ министерства не оказалось, то намъ достоверно неизвѣстно—кто его составлялъ и въ какой первоначальной формѣ онъ появился. Однако изъ того обстоятельства, что тутъ же находятся замѣчанія на него Николая Фуса (отъ 12-го іюня 1807 г.), писанныя на французскомъ языкѣ, мы имѣемъ право заключать, что составителемъ проекта штата былъ Гаюи, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было надобности писать его на этомъ языкѣ, и, кромѣ того, имя послѣдняго встрѣчается въ запискѣ нѣсколько разъ. Не имѣя передъ собою первоначальнаго штата института, на который Фусъ дѣлалъ свои замѣчанія, мы считаемъ излишнимъ приводить послѣднія, тѣмъ больше, что, по мнѣнію самого Фуса, всѣ статьи штата, касающіяся содержанія дома, стола, одежды и мебели, составлены съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, надобностей заведенія и цѣль.

Замѣчанія касаются нѣкоторыхъ подробностей учрежденія института, рассчитаннаго на 25 воспитанниковъ.

По докладу гр. Завадовскаго (10 августа 1807 г.), императоръ утвердилъ примѣрный штатъ института слѣпыхъ—ежегодно въ 14,150 р. и на первоначальное обзаведеніе его отпущено одновременно 5,185 руб. Заведеніе предполагалось открыть только на 15 человѣкъ воспитанниковъ (вмѣсто 25, какъ рассчитывалъ проектъ, рассмотрѣнный Фусомъ). Суммы эти поручено отпускать по требованіямъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, Н. Н. Новосильцева, въ вѣдѣніе котораго институтъ и поступалъ.

V.

Утвержденіе штата должно было бы вполне регулировать отношенія Гаюи и вывести его, наконецъ, изъ періода неопредѣленности, въ которой находилось открывавшееся, но все таки не открытое еще заведеніе. Можно бы надѣяться, что для Гаюи настала эра спокойной и безмятежной дѣятельности.

Но таковы логическія предположенія; на практикѣ же видимъ, что самое утвержденіе штата создало для Гаюи новый источникъ заботъ, изъ котораго, какъ вода изъ-подъ Моисеева посоха, забила ключемъ канцелярская переписка. Разныя вѣдомства, разные министры вовлечены были въ

этотъ бюрократическій водоворотъ. Какъ ни бесплодно и мелочно описаніе этого эпизода, но онъ такъ характеристиченъ, что мы не можемъ не коснуться его.

Узнаемъ мы объ немъ впервые изъ отношенія Новосильцева къ графу Завадовскому (25-го января 1808 г.), въ которомъ первый сообщаетъ послѣднему, что, по словамъ Гаюи, при вызовѣ его изъ Парижа въ Петербургъ, ему были обѣщаны, кромѣ жалованья, деньги на квартиру и экипажъ, которыя и были выданы ему изъ государственнаго казначейства по 1-е января 1808 г., и что со времени утвержденія штата института слѣпыхъ (10-го августа 1807 г.), выдача 2500 руб., т. е. суммы, ассигнованной ему на квартиру и экипажъ, остановлена, а вмѣсто нея выдается по 3000 рублей на наемъ дома для института, въ число которыхъ включена даже и та часть денегъ изъ означенной суммы (2,500 р.), которая, еще до утвержденія штата, уже была ему отпущена, какъ сказано, по 1-е января 1808 г. Поэтому Гаюи, считая такое распоряженіе несогласнымъ съ условіями, заключенными съ нимъ при его вызовѣ, и для себя крайне обременительнымъ, проситъ: 1) чтобы выданные уже ему по 1-е января 1808 г. экипажныя и квартирныя деньги не были съ него взыскиваемы обратно, потому что онъ получилъ ихъ еще до утвержденія штатовъ и, считая ихъ своею собственностью, употребилъ на разныя надобности; 2) чтобы впредь ему была выдаваема ежегодно изъ 2,500 р., такая часть, которая, по расчету, окажется необходимою на содержаніе экипажа и достаточною для него по его лѣтамъ и слабости здоровья.

Представляя объ изложенномъ на усмотрѣніе министра, попечитель учебнаго округа присовокупляетъ, что условія, на которыхъ состоялось приглашеніе въ Россію Гаюи, въ точности ему неизвѣстны, что самый штатъ института слѣпыхъ составленъ былъ во время пребыванія его за границею, и что по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, получивъ отношеніе отъ государственнаго казначея касательно назначенія по оному суммы, онъ отвѣчалъ ему, чтобы только штатная сумма отпускаема была на институтъ со дня утвержденія штата, предполагая, что въ послѣднемъ означено было все, что было обѣщано на содержаніе Гаюи.

Черезъ нѣсколько дней (31-го января 1808 г.), графъ Завадовскій, отвѣчая Новосильцеву и перечисливъ всѣ выше показанныя издержки, сдѣланныя со дня приглашенія Гаюи въ Россію, объяснялъ, что въ заключенныхъ съ нимъ г.-м. Хитрово условіяхъ не было ничего болѣе обѣщано, т. е. о содержаніи экипажа не было имъ выговорено; когда же, въ августѣ 1807 г., составленъ былъ штатъ института, то условленные на содержаніе его 4,000 руб. обращены ему единственно въ жалованье, сверхъ котораго онъ получаетъ еще съ осени квартиру.

Не удовольствовавшись этимъ отказомъ, графъ Завадовскій предъявляетъ, если можно такъ выразиться, встрѣчный искъ Гаюи. Это видно

изъ порученія, даннаго имъ Новосильцеву и мотивированнаго слѣдующимъ образомъ: такъ какъ ему извѣстно, прибавляетъ министръ, что въ институтѣ находится еще малое число воспитанниковъ, а по штату сумма, на него отпускаемая, простирается до 14,150 руб., сверхъ 5,185 руб., назначенныхъ на одновременное его обзаведеніе, то онъ проситъ попечителя истребовать отъ Гаюя отчетъ, съ объясненіемъ, на что она сумма издерживается, каковой и впредь ежегодно представлять.

Такое требованіе, вполнѣ понятное и естественное со стороны министра, поражаетъ однако своею несвоевременностью и является какъ бы вызваннымъ случайно, въ отвѣтъ на поднятый Гаюемъ вопросъ о злосчастномъ экипажѣ. Дѣло ясное, что каждое учрежденіе обязано отдавать отчетъ о всякой ассигнованной на него копѣйкѣ, но отчеты эти представляются въ концѣ года, между тѣмъ какъ со времени утвержденія штатовъ института слѣпыхъ прошло лишь полгода, и министръ вдругъ уже озабочивается объ отчетности... Такое требованіе отчетности со стороны министра, обращенное къ Гаюю, тѣмъ болѣе странно, что, какъ видно изъ дѣла, денежною и экономическою частями завѣдывалъ Бушуевъ (рапортъ его отъ 1-го іюля 1808 г. директору департамента министерства народнаго просвѣщенія). Онъ даже выплачивалъ жалованье Гаюю... Затѣмъ, до 4-го іюля 1808 г., объ этомъ вопросѣ не находимъ никакихъ слѣдовъ въ нашихъ источникахъ. Подъ этимъ числомъ сохранилось собственноручное извлеченіе (extrait) Гаюемъ изъ разныхъ писемъ къ нему г.-м. Хитрово и официальной бумаги директора департамента И. И. Мартынова (издателя „Сѣвернаго Вѣстника“), подтверждающихъ основательность его требованій насчетъ экипажа. Хотя всѣхъ подлинныхъ актовъ, на которые Гаюю ссылается, за исключеніемъ *тремя*, впрочемъ, очень вѣскихъ, при дѣлѣ не оказалось, тѣмъ не менѣе, мы и на основаніи ихъ получаемъ увѣренность въ правотѣ его требованій. Помимо этого, невозможно предполагать, чтобы Гаюю, дѣлая изъ нихъ выписки en toutes lettres, когда лица, ихъ писавшія, были еще живы, рѣшился ссылаться на подложные или несуществующіе документы. Поэтому такое извлеченіе, даже въ виду отсутствія въ дѣлѣ всѣхъ подлинниковъ, заслуживаетъ на нашъ взглядъ полной вѣры, и мы можемъ смотрѣть на него, какъ на юридическое доказательство въ пользу Гаюя, не лишенное вѣскости въ данномъ случаѣ.

Въ подлинномъ письмѣ г.-м. Хитрово отъ 21-го августа 1803 г. къ Гаюю, въ Парижѣ (согласно этому извлеченію) читаемъ слова:... plus pendant son sejour à Pétersbourg, logement meublé, bois, lumière et voiture, fournis par la couronne...

Затѣмъ, въ выпискѣ изъ журнала главнаго правленія училищъ (14-го марта 1807 г.), въ статьѣ 12-ой, находимъ свѣдѣніе, что слушалось предложеніе министра объ учрежденіи училища слѣпыхъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминается объ ассигнованіи денегъ Гаюю „на наемъ экипажа“.

Въ донесеніи Голубцова, отъ 30 сентября того же года, гр. Завадовскому о состояніи училищнаго капитала, въ двухъ мѣстахъ упоминается объ отпускѣ Гаюю денегъ „на содержаніе экипажа“. Въ остальныхъ выпискахъ, на которыя ссылается Гаюю, мы, правда, не встрѣчаемъ слова *экипажъ*, а только говорится, что императоръ соглашается на *всѣ* его условія, причемъ онъ вправѣ былъ предполагать, что такъ какъ условіе его объ экипажѣ было въ числѣ поименованныхъ, то объ немъ не возникнетъ никогда спора.

Самымъ страннымъ представляется то обстоятельство (вѣроятно, оставшееся неизвѣстнымъ Гаюю, въ противномъ случаѣ онъ воспользовался бы имъ для подкрѣпленія своихъ доводовъ), что тотъ же министръ, гр. Завадовскій, отвергавшій право Гаюю на экипажъ, въ отношеніи своемъ къ Федору Александровичу Голубцову, писанномъ за 10 мѣсяцевъ передъ этимъ отказомъ (12-го марта 1807 г.), передавая ему высочайшее повелѣніе, *самъ* упоминаетъ объ *экипажѣ*, какъ о статьѣ, на которую императоръ приказалъ ассигновать деньги. Другими словами: министръ отвергаетъ сегодня то, что нѣсколько времени передъ тѣмъ утверждалъ самъ, основываясь на высочайшей волѣ.

Естественно, Гаюю долженъ былъ недоумѣвать, какъ сообщенное могло случиться, а потому и заключилъ упомянутыя „извлеченія“ предположеніемъ, что издержки на экипажъ ему не выплачиваются Бушуевымъ потому, что онѣ не внесены въ штаты 10-го августа 1807 г., какъ не составляющія правъ директора института, а ассигнованы, согласно предварительно заключеннымъ съ Гаюемъ условіямъ, только *ему лично*, на время пребыванія его въ Петербургѣ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, онъ въ докладной запискѣ, поданной по этому случаю въ видѣ упомянутаго „извлеченія“, ходатайствовалъ о продолженіи ему выдававшейся на указанный предметъ суммы, которою онъ пользовался до начала августа 1807 г., согласно обѣщанію, данному ему именемъ императора.

Много исписанной бумаги, по этому поводу, находимъ мы въ архивномъ дѣлѣ, въ видѣ справокъ, докладовъ, ничуть не измѣняющихъ изложеннаго взгляда по этому мелочному вопросу. Цѣлый годъ эти мелочи смущали покой труженика. Въ концѣ концовъ оказалось, что представленный имъ, въ подкрѣпленіе своихъ заявленій, главный официальный документъ исчезъ... Не зная о существованіи другихъ, случайно намъ попавшихся, свидѣтельствующихъ тоже въ его пользу, Гаюю, возмущенный такою недобросовѣстностью чиновничества, доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія императора. Не смотря на деликатность выраженія („la pièce s'est égarée des bureaux du ministère“, говорить онъ въ письмѣ своемъ, отъ 4-го іюля 1808 г., къ императору), наивная просьба его—издать, на основаніи представляемыхъ имъ другихъ шести второстепенныхъ документовъ, указъ, возстановляющій первый и главный,—оставлена безъ послѣдствій.

Какъ видно, препирательство это было окончательно рѣшено, послѣ доклада императору, слѣдующею на немъ помяткою, сдѣланною рукою гр. Завадовскаго отъ 22-го августа 1808 г.: „вѣлно поручить г.-м. Хитрово, дабы онъ посовѣтовалъ Гаюи вести себя пристойно, не затѣвая излишествъ“...

Вѣроятно, въ связи съ этимъ эпизодомъ, прежде даже, чѣмъ онъ получилъ эту лаконическую развязку, въ августѣ же назначена была гр. Завадовскимъ ревизія института, порученная барону Ивану Дольсту, директору гимназій и училищъ с.-петербургской губерніи.

Еще раньше этого времени, судя по письму Гаюи къ гр. Завадовскому (отъ 11 июля 1808 г.), видны первые слѣды неблаговоленія послѣдняго къ нему. Изъ него узнаемъ, что канцелярія министра взводила на него множество обвиненій (подлинникъ не сохранился), и Гаюи рѣшается въ этомъ письмѣ оправдаться передъ министромъ въ главнѣйшихъ изъ нихъ. Такъ, ему ставили въ вину, что, обязавшись приготовить будущаго директора, своего преемника, въ теченіе года или полугода, онъ не исполнилъ этого обѣщанія. Гаюи, вполне признавая это обязательство, возражаетъ однако, что оно было принято имъ подъ условіемъ: 1) что въ институтѣ будетъ достаточное число слѣпыхъ учениковъ, и 2) что будущій директоръ будетъ назначенъ по конкурсу изъ числа нѣсколькихъ, заявившихъ желаніе посвятить себя вновь создаваемой должности, такъ какъ для занятія ея необходимы извѣстные качества, не всегда присущія обыкновенному учителю.

Если Гаюи остается до сихъ поръ въ качествѣ *временнаго* директора заведенія, то это объясняется тѣмъ, что его сотрудникъ, хотя и увѣрившій начальство въ томъ, что онъ въ состояніи вести дѣло, — къ сожалѣнію, по сю пору не успѣлъ въ этомъ. Гаюи неоднократно доводилъ до свѣдѣнія Новосильцева о причинахъ такого неуспѣшнаго хода занятій Бушуева, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ нежеланіе его посвятить для этой цѣли достаточно времени.

„Наконецъ, если я, — заключаетъ Гаюи, — въ моихъ предшествовавшихъ обращеніяхъ умолялъ, во имя справедливости, обратить вниманіе на мои заявленія, то это не касалось ни лица императора, ни его министерства.“ По убѣжденію Гаюи, одинъ Бушуевъ виною, что правительство, само того не подозрѣвая, не исполнило данныхъ ему обѣщаній *). Баронъ Дольсть,

*) Въ матеріалахъ нашихъ сохранились данныя для характеристики этой личности. Приводимъ ихъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда Гаюи въ Петербургъ, является къ нему титулярный совѣтникъ Бушуевъ съ номеромъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ рукахъ, въ которомъ помѣщены были похвалы ему, какъ человѣку во всѣхъ отно-

въ своемъ упомянутомъ отчетѣ по ревизіи института (отъ 13 августа 1808 г.), заявляетъ, что домъ, занимаемый этимъ учрежденіемъ, отнюдь не соответствуетъ своему назначенію. Оно помѣщалось, какъ кажется, въ 4-мъ этажѣ; спальня расположена у самаго отхожаго мѣста; не было актовой залы для публичныхъ испытаній, которую баронъ Дольсть почему-то считалъ крайне необходимою въ такомъ маломъ, едва возникающемъ заведеніи. Мы имѣли случай узнать выше, что Гаюи, при наймѣ дома Раменцева, тоже указывалъ на разныя его неудобства, но мнѣніе его не было уважено Ив. Ростовцевымъ.

Баронъ Дольсть, производившій испытанія воспитанниковъ, убѣдился, что между Гаюи и Бушуевымъ, какъ испытателями, также и между ихъ учениками, какъ испытуемыми, нѣтъ никакого, по его мнѣнію, различія. Оставляя на отвѣтственности барона справедливость его оцѣнки относительно перваго сравненія, мы гораздо больше интересуемся сохранившимся въ отчетѣ извѣстіемъ о томъ, чему обучали, въ періодъ директорства Гаюи, въ институтѣ для слѣпыхъ, такъ какъ этимъ извѣстіемъ ограничивается матеріалъ по данному вопросу.

Дольсть упоминаетъ, что нѣкоторые ученики успѣли „изрядно“ въ чтеніи по заведенному Гаюи „обряду“, а также въ сочиненіи и печатаніи, но, по недостатку въ шрифтахъ, типографія прекратила свою дѣятельность.

Изъ ремеселъ преподавали, и — какъ свидѣтельствуется Дольстемъ — съ успѣхомъ, плетеніе корзинъ, стульевъ, дѣланіе сѣтокъ, филейныя работы (дѣвочкамъ). Изъ этого мы видимъ, что теперешній институтъ слѣпыхъ, состоящій въ вѣдѣніи Человѣколюбиваго Общества, не только не пошелъ далѣе, но даже забылъ преданія первоначальнаго періода своего существо-

шеніяхъ способному содѣйствовать заявленіямъ Гаюи. Насколько такія похвалы соответствовали дѣйствительности, можно заключить изъ вопроса, предложеннаго Бушуевымъ Гаюи, вслѣдъ за прочтеніемъ газетной статьи, именно онъ спрашиваетъ послѣдняго: идти ли дѣло, при предстоящихъ занятіяхъ, объ образованіи слѣпыхъ отъ рожденія, или же объ образованіи глухонѣмыхъ? Въ отвѣтъ на такой наивный вопросъ, Гаюи вручаетъ Бушуеву экземпляръ своего *Essai sur l'éducation des aveugles*, прося его ближе ознакомиться съ содержаніемъ этого сочиненія. Черезъ двое сутокъ, тотъ возвращаетъ книгу, ограничившись лаконическимъ отвѣтомъ: *я знаю все!*

— Вы очень счастливы, отвѣчалъ на такое самонадѣнное заявленіе Гаюи; — вамъ нельзя не позавидовать. Я — авторъ изложеннаго въ этой книгѣ метода; и болѣе 20 лѣтъ занимаюсь примѣненіемъ его, и я все таки недоволенъ собою.

По настоянію того же Бушуева, на послѣднее, оставшееся незанятымъ, мѣсто назначенъ былъ его другъ, Цуской. Пьянство, развратъ, картежъ свели перваго въ могилу; послѣдній оказался не болѣе способнымъ и подходящимъ для дѣла, для котораго былъ избранъ. Пользы отъ обоихъ, слѣдовательно, не было. Бушуевъ, кромѣ того, совершенно разстроилъ зарождавшееся, въ числѣ трехъ дѣвицъ, заведеніе для слѣпыхъ женскаго пола, основанное по почину Гаюи.

ванія, такъ какъ названныя производства, исключая женскихъ, не нашли мѣста въ его програмѣ *).

Успѣхами въ музыкѣ и пѣніи баронъ Дольсть не былъ удовлетворенъ. Онъ констатируетъ, что дѣти научились только 3-мъ французскимъ и 2-мъ итальянскимъ „пѣснямъ“, какъ онъ выражается, и игрѣ на роялѣ. Конечно, нельзя не согласиться съ Дольстомъ, что для русскихъ слѣпцовъ подобныя занятія были вполне неумѣстны, и онъ справедливо объясняетъ неуспѣхъ въ этой области тѣмъ, что учитель музыки (Луэ), не знаетъ русскаго языка. Но чтѣ оставалось дѣлать Гаюи, если къ совѣтамъ его, писаннымъ еще изъ Парижа, о приготовленіи учительскаго персонала ко времени его прибытія въ Петербургъ, были глухи? Понятно, не найдя условленнаго между туземцами, онъ обратился за помощью въ обученіи музыкѣ къ своему соотечественнику—эмигранту, который, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, если и не зналъ русскаго языка и потому неполнѣ удовлетворялъ своему назначенію, то едва ли однако былъ такъ неспособенъ, какъ заявлялъ баронъ. Для устраненія указаннаго имъ неудобства, Дольсть рекомендуетъ въ учителя какого-то музыканта, имени котораго не называетъ, изъявившаго желаніе служить безъ жалованья, и другаго слѣпца, Шилина, тоже не требующаго вознагражденія, побуждаемаго, какъ выражается баронъ, къ занятіямъ въ институтѣ „монаршею милостію, изливаемою черезъ посредство пожалованія ему пенсіона“.

Дольсть заключаетъ свой отчетъ сообщеніемъ, что Гаюи просить, въ

*) Матеріалы, которыми я располагалъ, не даютъ прямого отвѣта на вопросъ, вполне естественный: каковы были въ дѣйствительности успѣхи воспитанниковъ? Сохранился между ними, и то изъ позднѣйшаго времени, одинъ только документъ,—кромѣ упомянутыхъ выше заключеній Дольста при ревизіи,—свидѣтельствующій о единичномъ фактѣ. Слепая дѣвица Анна Тимофеева Измайлова, 49 лѣтъ, помѣщица Валдайскаго уѣзда, владѣвшая 19 душами, явилась 10-го января 1817 г. въ институтъ, изъявивъ желаніе научиться читать. Гаюи согласился на ея просьбу, но такъ какъ въ заведеніе принимались по уставу только лица мужскаго пола, то онъ отвелъ ей комнату въ своей квартирѣ. Черезъ 8 дней, она, не смотря на лѣта, выучилась читать, и затѣмъ по тому же методу стала набирать для себя книги священнаго писанія. Желая усовершенствоваться въ безошибочномъ ихъ наборѣ, но не имѣя, по незначительности доходовъ, средствъ содержать себя съ находящеюся при ней прислугою, Измайлова подала (кому?—не видно) докладную записку, прося вспоможенія. Изъ кабинета Е. В. и выдано было ей одновременно 500 рублей. Тутъ же сохранился автографъ благодарственнаго письма Измайловой къ какому-то графу или князю, судя по титулу „сіятельства“ (вѣроятно, кн. Голицыну), писанный карандашомъ, дѣйствительно свидѣтельствующій о замѣчательныхъ успѣхахъ этой слѣпой по части письма. Другихъ слѣдовъ успѣха воспитанниковъ института, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, въ источникахъ нашихъ не оказалось. Этими успѣхами, вѣроятно, никто и не интересовался.

виду окончанія его контракта, сообщить—продолжать ли ему его занятія, а въ случаѣ увольненія—разсчитать его, его питомца и учителя музыки, эмигранта Луэ. Баронъ, представляя эту просьбу на усмотрѣніе министра, находитъ съ своей стороны разрѣшеніе ея тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что по причинѣ несогласій, возникшихъ между Гаюи и Бушуевымъ, одного изъ нихъ слѣдуетъ уволить *).

Не смотря на это категорически заявленное мнѣніе ревизора, мы знаемъ, что Гаюи оставался на своемъ посту до 1817 г.; Бушуевъ, какъ видно, тоже не былъ смѣщенъ. Какъ осталось это *statu quo*—объ этомъ свѣдѣній мы не находимъ. Не находимъ также и подробной записки Гаюи, представленной имъ Дольсту и объясняющей причины замѣченныхъ имъ неурядицъ въ институтѣ, хотя она, какъ видно, была представлена барономъ министру.

Заго сохранилась другая, безыменная записка, озаглавленная: „Нѣкоторыя замѣчанія объ институтѣ слѣпыхъ“, безъ помѣты числа и года. Не смотря на это, по тону ея, мы едва ли ошибемся въ предположеніи, что она — доносъ Бушуева на Гаюи или, по меньшей мѣрѣ — возраженіе перваго на потерянную записку послѣдняго, врученную имъ Дольсту. Въ неприглядномъ свѣтѣ рисуетъ она автора, но такъ какъ въ этой запискѣ отражается среда, посреди которой Гаюи пришлось дѣйствовать, и такъ какъ въ ней разбѣяны свѣдѣнія о первомъ времени существованія института, то мы не вправѣ обойти ее молчаніемъ, хотя отъ нея несетъ сыкомъ. Изъ нея мы узнаемъ, что въ институтѣ предполагалось принимать

*) Мы познакомились отчасти съ личностью непосредственнаго помощника Гаюи по институту, Бушуева. Дѣла архива попечителя округа (№ 47,248, картона № 1480) даютъ намъ понятіе и о ближайшемъ начальникѣ, баронѣ Дольстѣ. Сообщимъ, для освѣщенія среды, въ которой пришлось дѣйствовать нашему филантропу, нѣкоторыя данныя и объ этой личности. Въ ноябрѣ 1809 г., Н. Н. Новосильцевъ получаетъ десятки жалобъ отъ разныхъ поставщиковъ, ремесленниковъ, служащихъ въ гимназій (въ которой Дольсть былъ директоромъ) о неуплатѣ имъ долга, простиравшагося въ то время до 14,425 рублей. Не ранѣ февраля 1811 г., баронъ, по высочайшему повелѣнію, отрѣшается отъ должности и передается уголовному суду. Наряженная слѣдственная комісія выясняетъ, что долги Дольста по должности (частныхъ она не касалась), въ видѣ неуплаты поставщикамъ, подрядчикамъ и жалованья служащимъ, простираются до 52,814 руб. По институту слѣпыхъ баронъ оказался должнымъ 8,142 р. Вину послѣдняго долга онъ сваливалъ на тогда уже умершаго Бушуева, завѣдывающаго экономическою частью. И изъ этого обстоятельства мы видимъ, что Гаюи былъ правъ, утверждая, что хозяйственная сторона заведенія была изъята изъ его вѣдѣнія. Весь экономическій капиталъ гимназій, равно какъ и пенсіонный, оказались недостаточными для покрытія этого долга барона. Болѣе 19,000 р. употреблены были для этой цѣли изъ общаго училищнаго капитала въ дополненіе къ двумъ первымъ.

Въ обезпеченіе этого взыскаія, наложено было запрещеніе на эстляндское

бѣдныхъ и богатыхъ. Первые обучались рукодѣліямъ, чтенію, книгопечатанію и музыкѣ; послѣдніе, предполагая въ нихъ способности, сверхъ этого, будутъ заниматься: письмомъ, исторіею, географіею, поэзіею и пр.; и тѣ и другіе—Закономъ Божиимъ. Засимъ слѣдуютъ обвинительные пункты противъ Гаюи. Авторъ „замѣчаній“, въ противность мнѣнію послѣдняго и барона Дольста, находитъ домъ Раменцева удобнымъ для института, но жалуется на то, что Гаюи занимаетъ большую его часть, а слѣдые окружены неудобствами. Спальня ихъ, говоритъ неизвѣстный авторъ, зимою холодна, лѣтомъ невыносимо душна; онъ иллюстрируетъ эти неудобства сообщеніемъ антигигиеническихъ частныхъ, неудобныхъ для печати. Сосѣдственная комната предназначена для публичныхъ собраній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и типографіей, и музыкальной залой, и наборною, и классомъ „для свободныхъ наукъ“, такъ что на одномъ столѣ учатся чтенію и грамматикѣ, на другомъ занимаются ариmetikой; въ одномъ углу набираютъ шрифтъ, въ другомъ—печатаютъ, а по срединѣ играютъ на фортепіано и скрипкѣ; иногда, и всегда (?) „на смѣхъ“,—прибавляетъ авторъ „записки“,—сытъ Гаюи или воспитанникъ его Фурнье, для большаго шума, работаютъ на токарномъ станкѣ, съ тонкою хитростью, въ томъ намѣреніи, чтобы русскимъ учителямъ „препятствовать въ занятіяхъ ихъ съ дѣтьми, остановить ихъ успѣхи, „показать, что они не постигли еще методы воспитанія слѣдныхъ, и тѣмъ „продлить пребываніе свое (т. е. Гаюи) здѣсь“.

имѣніе Дольста, купленное имъ за 100,000 р. Оказалось, однако, что оно уже было обременено частными долгами, и казнѣ нечего было взять съ этого источника. Тогда сыновья директора, бароны Александръ и Павелъ, въ порывѣ сыновней любви и благородства, представляютъ, въ обезпеченіе долговъ отца, свое имѣніе, оцененное въ 112,000 руб.

Въ 1813 г. умираетъ ихъ отецъ, не дождавшись судебного приговора. Уголовная палата тинетъ дѣло болѣе 20 лѣтъ, постановивъ по оному три разнорѣчивыя рѣшенія. Первымъ она опредѣлила взыскать съ Дольста или его поручителей, молодыхъ бароновъ, всю растрату сполна въ 52,814 р. Вторымъ, черезъ 4 года, освобождаетъ сыновей отъ всякой отвѣтственности; по послѣднему рѣшенію, черезъ новыя 9 лѣтъ, выяснилось, будто бы, что хотя Дольстъ и растратилъ указанную слѣдствіемъ сумму, но и казна тоже состоитъ должникомъ барона, такъ что сыновьямъ его приходится уплатить казнѣ за отца только 5,500 руб... Но она не получила и этихъ денегъ! Это послѣднее рѣшеніе, представленное на заключеніе министра народнаго просвѣщенія, князя Карла Ливена, вызвало съ его стороны такое заключеніе: еслибы уголовная палата не тянула дѣла 20 лѣтъ, то слѣдовало бы, по справедливости, взыскать съ барона или его сыновей всѣ 52,814 р.; но такъ какъ тѣмъ временемъ состоялся коронаціонный манифестъ 22-го августа 1826 года (освобождавшій отъ взысканія—прибавимъ отъ себя—лицъ, растратившихъ казенныя суммы, не свыше 2,000 р.), то князь Ливень полагалъ: освободить отъ всякой отвѣтственности какъ барона, такъ и его сыновей-поручителей! Въ этомъ смыслѣ и состоялся, въ сентябрѣ 1835 года, сенатскій указъ. Молодые бароны ничѣмъ не заплатили за благородный порывъ сыновняго увлеченія.

Въ этихъ словахъ звучитъ очень откровенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень несочувственная нота — видѣть мѣсто Гаюи скорѣе очищеннымъ, чтобы, какъ можно предполагать, скорѣе занять его... Такъ какъ Бушуевъ назначался въ преемники Гаюи, то мы уже по этому обстоятельству, въ совокупности съ извѣстными намъ враждебными отношеніями между этими лицами, можемъ еще съ болѣшимъ основаніемъ заключить, что безыменная „записка“ составлена именно имъ, а не къмъ либо другимъ. Авторъ этой „записки“ приходитъ тоже въ негодованіе, что посѣтителы часто проводятъ параллель относительно успѣховъ между русскими воспитанниками, обучающимися сравнительно короткое время, и воспитанникомъ Гаюи, Фурнье, привезеннымъ имъ изъ Парижа и обучавшимся болѣе 10 лѣтъ. Съ насмѣшкою относится этотъ авторъ и къ рукодѣліямъ, которымъ обучаютъ въ институтѣ. Такъ, онъ указываетъ примѣры: одного воспитанника болѣе года учатъ плетенію тесемки, которой онъ не въ состояніи выплести болѣе полуаршина въ день, между тѣмъ какъ аршинъ ея стоить едва 10 коп. Другой воспитанникъ учится почти 2 года сплетать палочки и веревочки на машинкѣ *), зарабатывая 25 копѣекъ въ сутки. Третій вяжетъ сѣтки. Въ заключеніе авторъ „записки“ негодуетъ, что не обучаютъ дѣтей работамъ болѣе производительнымъ, чѣмъ вязаніе кошелековъ („вѣнецъ парижской мудрости“—прибавляетъ онъ не безъ злости), за что слѣпой работникъ выручаетъ 50 коп. въ день. Авторъ утверждаетъ, что Гаюи „съ досадою“ узналъ о томъ, что этой премудрости двое мальчиковъ и двое дѣвицъ обучены сестрою Бушуева, которая желаетъ поднести эти кошельки императору въ знакъ своей „всеподданнической благодарности“ за полученное ею и другою сестрою въ Смольномъ монастырѣ воспитаніе. Въ этихъ словахъ опять сквозитъ очень прозрачно личность Бушуева, предполагаемаго нами автора „безыменной“ записки...

О судьбѣ книгопечатанія въ институтѣ онъ тоже не оставляетъ насъ въ неизвѣстности, сообщая, что въ первое время типографія занималась наборомъ и тисненіемъ брошюры Гаюи подъ заглавіемъ: „Историческое замѣчаніе о телеграфахъ“ *), и когда было отпечатано нѣсколько экземпляровъ, буквы на станкѣ найдены сплюснутыми. Винникъ этой порчи не обнаруженъ, но авторъ „записки“ инсинуируетъ, что имъ, по всей вѣроятности, былъ воспитанникъ Гаюи, Фурнье, не представляя, впрочемъ, кромѣ своего предположенія, никакихъ доказательствъ... Такимъ образомъ, за-

*) Мы, будучи знакомы съ техническими производствами, находящимися въ употребленіи въ институтахъ слѣдныхъ за границей, затрудняемся однако сказать, какое именно ремесло авторъ имѣлъ въ виду.

**) Мы имѣли въ рукахъ эту весьма рѣдкую брошюру и можемъ заявить, что и по этому поводу авторъ говоритъ неправду. Она напечатана въ типографіи Плюшара, какъ значится на ея заглавномъ листѣ.

ключаетъ этотъ авторъ, кончилось книгопечатаніе въ институтѣ—впередъ до новыхъ буквъ! Такую же участь предсказываетъ онъ и токарному станку, нѣкоторыя принадлежности котораго, очень дорогія, замѣчаетъ онъ, уже изломаны. При этомъ онъ сѣтуетъ на то, что станокъ этотъ, приобретенный для упражненія дѣтей, рѣдко бываетъ имъ доступенъ, потому что Гаю запираетъ его въ отдѣльной комнатѣ. Очевидно, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если станокъ этотъ хранится въ особомъ помѣщеніи, то это, конечно, дѣлалось съ цѣлью предохранить его отъ случайной порчи воспитанниками, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы онъ вполне исключался изъ пользованія ихъ при обученіи. Поломка его принадлежностей, о которыхъ упоминаетъ съ такою болью авторъ „записки“, доказываетъ то же. По его мнѣнію, было бы, вѣроятно, цѣлесообразнѣе—охранять станокъ отъ всякаго прикосновенія, для представленія въ должномъ порядкѣ начальству, не заботясь о томъ, что воспитанники не пользуются станкомъ, какъ средствомъ ремесленного развитія.

Покончивъ съ ремеслами, авторъ „Записки“ обрушился всею тяжестью своихъ обвиненій на преподаваніе музыки въ институтѣ. Если не со всѣми, то съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться. Вполнѣ основательными кажутся намъ его замѣчанія насчетъ того, что иностранецъ, не знающій русскаго языка, не можетъ съ успѣхомъ преподавать музыку русскимъ дѣтямъ, знающимъ только родной языкъ. Между тѣмъ, такимъ учителемъ былъ, съ пріѣзда Гаю въ Петербургъ, эмигрантъ Луэ (Louet). Не смотря, однако, на свое иностранное происхождение, онъ научилъ слѣпыхъ, по словамъ самого автора „Записки“, въ сравнительно короткое время, 4 французскимъ, 1 итальянской и 1 русской пѣснями. Если же ни одинъ изъ нихъ, въ теченіе года, не научился, по его словамъ, *ишь*, то едва-ли кто либо рѣшится поставить это въ вину учителю. Только музыкальный невѣжда въ состояніи сдѣлать такой упрекъ. Но нельзя безъ улыбки читать исполненныя комизма обвиненія Гаю въ томъ, что слѣпые исполняютъ свѣтскія пѣсни въ перемежку съ пѣснями духовными. Мы не можемъ воздержаться отъ того, чтобы не привести здѣсь подлинныя слова автора „Записки“.

Сообщивъ французскіе стихи, воспѣвающіе во вкусѣ XVIII вѣка бога любви, онъ говоритъ: „пѣсенки эти поются на молитвѣ, подъ музыку, и послѣ каждой читается псаломъ царя Давида, переложенный на стихи господиномъ Ломоносовымъ, напримѣръ: „Услыши, Господи, мой гласъ, когда къ Тебѣ взываю“. Послѣ чего опять начинается что нибудь подобное, а иногда и русская пѣсня: „какъ у нашихъ, у широкихъ у воротъ“ и проч. Хотя и представляемо было, что это противно религіи, но такъ дѣлалось въ Парижѣ, по образцу котораго и здѣсь долженъ быть основанъ институтъ сей—и никто не смѣетъ противорѣчить сему. Таковыя успѣхи въ музыкѣ!“

Кому неизвѣстно, что при обученіи пѣнію, особенно хорошъ, пѣсни свѣтскаго содержанія чередуются съ пѣснями духовными? По мнѣнію же автора „Записки“, такое смѣшеніе—противно религіи!..

Исинуаціи этой личности проглядываютъ еще и въ слѣдующихъ словахъ: „за таковыя-то успѣхи въ музыкѣ учитель оной получаетъ 600 рублей жалованья и не стыдится еще просить награжденія“, а равно и въ упрекѣ, что, кромѣ игры на фортепіано, онъ ни за что принятъ не умѣетъ. Авторъ „Записки“ дѣлаетъ, кромѣ того, остроумное предположеніе, что „инструментъ этотъ избранъ преимущественно передъ прочими по двумъ причинамъ: для усовершенствованія парижскаго воспитанника и сына Гаю, съ которыми, по увѣренію автора, учитель только и занимается, и для помѣщенія учителя, какъ француза и сродника, при институтѣ“. Приводятся и „дерзновенныя поступки французовъ, выходящіе изъ предѣловъ“. Такъ, авторъ „Записки“ рассказываетъ, что „сынъ мадамы“, играя дѣтскою шляпою, вышибъ изъ нея тулью и впоследствии—свалилъ этотъ ребяческій поступокъ на своихъ сверстниковъ, которые и оправдались въ немъ передъ Гаю. „Мадама“ же, заявляетъ авторъ, вошла въ такое изступленіе, что, кинувшись на нихъ, дала по нѣсколько пощечинъ, отъ которыхъ одинъ воспитанникъ жаловался на боль въ ухѣ; другой—взять былъ отцомъ домой, гдѣ лежалъ больнымъ, а третій—никакъ не хотѣлъ оставаться долѣе въ институтѣ.

На основаніи изложеннаго, авторъ „Записки“ предлагаетъ приступить къ немедленнымъ переменамъ въ институтѣ, изъ которыхъ главнѣйшею, для приведенія его въ лучшее состояніе, считаетъ—распредѣленіе комнатъ по плану архитектора Захарова... Затѣмъ настаиваетъ на замѣнѣ учителя музыки—француза—другимъ, знающимъ по русски, и знанія котораго не ограничивались бы какимъ нибудь однимъ инструментомъ; наконецъ онъ предлагалъ поручить воспитаніе слѣпцовъ русскимъ преподавателямъ, увѣряя, что вслѣдствіе одной этой замѣны институтъ въ три мѣсяца придетъ въ несравненно лучшее состояніе, нежели то, въ какомъ онъ находится послѣ двухлѣтняго управленія Гаю, который,—прибавляетъ авторъ не безъ ехидства,—занимается еще, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, въ интересахъ военнаго и морскаго вѣдомствъ, разработкой вопроса объ устройствѣ телеграфовъ.

Объ учителѣ музыки мы уже имѣли случай высказать наше мнѣніе выше. Что дѣятельность его, не смотря на недостатки, о которыхъ шла рѣчь, не была совершенно бесполезною и даже вредною, какъ заявляетъ безымянный авторъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ интересной, для характеристики нравовъ того времени, переписки по поводу увольненія того же учителя Луэ.

Вздорный эпизодъ „съ тулей шляпы“, конечно, не рекомендуетъ „мадамы“, но составляетъ ли онъ, для той эпохи, такой обвинительный

актъ противъ ея мужа, чтобы на основаніи его считать всю его дѣятельность бесполезною, въ особенности посреди обстановки, въ которой приходилось ему дѣйствовать? И теперь, чрезъ 75 лѣтъ, подобные эпизоды встрѣчаются, по временамъ, въ лѣтописяхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Никто не осмѣлится ихъ оправдывать, но, съ другой стороны, едва ли справедливо не признавать, ради ихъ, существенныхъ услугъ, оказываемыхъ полезнымъ дѣятелемъ. Фактъ этотъ очень прискорбный, но, очевидно, не нашлось въ жизни Гаюи *болѣе крупныхъ и многочисленныхъ фактовъ если враждебная „записка“ ограничивается сообщеніемъ эпизода, составляющаго въ сущности вину его жены.

Какъ основательны были надежды автора на успѣхъ преподаванія, обусловленная замѣною иностранцевъ русскими, это доказала послѣдующая исторія заведенія... Не національность учителей, а ихъ знанія, преданность дѣлу и серьезное, безкорыстное къ нему отношеніе вліяютъ на успѣхъ. Также несостоятельнымъ оказывается дѣлаемый Гаюи упрекъ въ томъ, что онъ посвящалъ свои досуги телеграфному вопросу. Винить человѣка за то, что онъ, сидя почти безъ дѣла не по своей винѣ, выходитъ за предѣлы своей специальности; что онъ интересуется*), кромѣ нея, другими вопросами, и притомъ имѣющими такое мировое и общечеловѣческое значеніе, какъ телеграфъ,—можетъ только узкая бездарность, заскорузлая рутинная завистливое невѣжество. Такія личности оказываются вполне неспособными понять всю широту взглядовъ, всю ясность предвидѣнія, всѣ послѣдствія трудовъ людей, задающихся подобными задачами. Они могутъ, въ данную минуту, причинить послѣднимъ много вреда, отравить жизнь, одержать даже верхъ надъ ними, но, въ концѣ концовъ, гибнуть въ ничтожествѣ, между тѣмъ какъ ихъ случайныя жертвы, много отъ нихъ пострадавшія, сохраняются въ памяти потомства. Кому изъ занимающихся судьбою обездоленныхъ слѣпцовъ неизвѣстны имя и заслуги Гаюи? А кто знаетъ имя Бушуева? О заслугахъ его мы не говоримъ; объ нихъ знало развѣ его непосредственное начальство, принимавшее его доносы и вскорѣ исключившее его приказомъ изъ числа своихъ подчиненныхъ, какъ скончавшагося отъ пьянства.

Какъ ни мелоченъ приведенный нами эпизодъ изъ жизни Гаюи въ

*) Этимъ словомъ не выражается, конечно, настроеніе Гаюи при занятіяхъ телеграфіей. Очевидно, мысль объ усовершенствованіяхъ въ этой области занимала его еще на родинѣ; она сказывается во всѣхъ его автографахъ, удѣлявшихъ за періодъ пребыванія въ Россіи, объ ней онъ упоминаетъ въ послѣднемъ письмѣ, въ которомъ прощается съ нашимъ отечествомъ (письмо къ князю Голицыну 27-го іюня 1817 г.). Лучше всего онъ выразилъ эту мысль словами: „je ne me suis pas moins saigné pour mettre au jour une autre opération, utile à la Russie, celle de mon télégraphe“.

Петербургѣ, онъ сильно задѣлъ его. Мы видимъ это изъ письма Гаюи (отъ 19-го августа 1808 г.) къ графу Завадовскому, въ которомъ онъ обращается—во имя челоуѣческаго достоинства, ради славы добраго императора Александра, ради чести самого министерства народнаго просвѣщенія—съ мольбой — поручить барону Дольсту *продолжать* свою ревизію института слѣпыхъ, не ограничиваясь показаніями Бушуева*); но онъ проситъ при этомъ, чтобы ревизія и экзамены произведены были *по французски*, и чтобы были допрошены свидѣтели. Перваго Гаюи домогался, очевидно, съ цѣлью имѣть возможность возражать противъ взводимыхъ на него обвиненій, чтѣ было бы для него невыносимо, еслибы дознанія производились на неизвѣстномъ ему русскомъ языкѣ; послѣднее доказываетъ—его увѣренность въ правотѣ своего дѣла. Онъ не опасался свидѣтельскихъ показаній, увѣренный, что ими будутъ опровергнуты извѣты и клеветы Бушуева. Гаюи заключаетъ свою просьбу графу Завадовскому заявленіемъ, что если эта желаемая имъ ревизія, только начатая, не будетъ доведена до конца, то онъ повторяетъ въ послѣдній разъ то, чтѣ было имъ уже столько разъ заявлено министру, — что институтъ не имѣетъ будущности.

Черезъ нѣсколько дней послѣ подачи этой записки гр. Завадовскому, Гаюи подаетъ (27 августа) барону Дольсту подобную же, съ цѣлью разъяснить ему—какимъ путемъ можно достигнуть окончательной организаціи института слѣпыхъ.

Въ письмѣ, сопровождающемъ эту записку, Гаюи ссылается на собственные слова барона, сказанныя ему при посѣщеніи заведенія въ послѣднюю субботу: *qu'il faut écrire lorsqu'on veut obtenir quelque succès de sa demande*. Гаюи по этому поводу замѣчаетъ, что онъ уже два года обращается,—къ сожалѣнію, безъ малѣйшаго успѣха,—къ этому рекомендованному и будто-бы надежному средству, и будетъ счастливъ, если на этотъ разъ оно окажется дѣйствительно успѣшнымъ...

Причину неудачъ онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ томъ обстоятельствѣ, что данные имъ еще изъ Парижа совѣты не удостоились вниманія подлежащихъ властей. Этимъ объясняются: непроизводительная затрата ассигнованныхъ на институтъ средствъ; постоянныя дразги, препирательства, интриги, подъ гнетомъ которыхъ онъ утратилъ покой, а вмѣсто уваженія и признанія пользы его дѣятельности, сопровождавшихъ его за границею, возникли разнообразнѣйшія огорченія, въ особенности со стороны челоуѣка (Бушуева), назначеннаго ему въ сотрудники и вообразившаго,

*) Эта ссылка на Бушуева служитъ, кажется, лишнимъ подтвержденіемъ нашего предположенія, что упомянутая выше „записка“ была именно имъ составлена.

что онъ, не сдѣлавъ еще ничего, способенъ уже замѣнить своего руководителя. Гаюи просить, поэтому, барона Дольста—устранить препятствія, которыя поставлены на его пути, и исправить зло, причиненное уже заведенію другими лицами. Безъ этого содѣйствія, оно никогда, не смотря на никакія денежныя затраты, не достигнетъ своей цѣли и не сравнится по успѣхамъ съ подобнымъ же заведеніемъ, устроеннымъ во Франціи.

Переходя къ перечисленію препятствій, Гаюи повторялъ уже извѣстныя намъ изъ предшествующаго: о негодности помѣщенія, объ отсутствіи слѣпыхъ воспитанниковъ, которыхъ будто-бы въ Россіи не существуетъ, о неспособности Бушуева къ занятію должности, требовавшей совершенно иныхъ качествъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ отличался. Конечно, Гаюи былъ уже на первыхъ порахъ удивленъ, что выборъ ему помощника палъ на такую личность. Но начальное невѣдѣніе могло быть восполнено послѣдующимъ трудомъ и занятіями. Между тѣмъ Бушуевъ является въ заведеніе, весь круглый годъ, не болѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ. Естественно, что самоиѣние заносчиваго и лѣниваго невѣжды должно было показаться страннымъ творцу метода обученія слѣпыхъ, посвятившему 39 лѣтъ своей жизни на ея созданіе, причемъ онъ пользовался совѣтами просвѣщеннѣйшихъ людей своей эпохи. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ, услышавъ изъ устъ своего мнимаго помощника заявленіе о полной подготовленности вести это дѣло,—заявить, что не смотря на свою въ немъ долгодѣльную опытность, онъ былъ все таки недоволенъ самимъ собою.

Едва-ли Бушуевъмъ понялъ смыслъ этого возраженія... По поводу своихъ отношеній къ этой личности, Гаюи распространяется довольно подробно въ запискѣ къ барону Дольсту. Сами по себѣ, разсужденія эти вращаются вокругъ мелкихъ вопросовъ, но они интересны для насъ потому, что характеризуютъ Гаюи, рисуютъ среду, въ которую онъ попалъ, передаютъ возрѣнія свѣжаго человѣка, иностранца, на существовавшіе у насъ порядки, которые, не смотря на $\frac{3}{4}$ столѣтія, съ тѣхъ поръ протекшія, не во многомъ измѣнились къ лучшему. Кромѣ того, записка эта заключаетъ взгляды Гаюи на призваніе учителя слѣпыхъ, и потому представляетъ особенный интересъ для общества, совершенно незнакомаго съ дѣятелями на этомъ поприщѣ. По этимъ причинамъ мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ ея содержаніемъ.

Изъ нея мы узнаемъ, что Гаюи неоднократно доводилъ до свѣдѣнія Мартынова, Новосильцева, Вронченко и Тургенева объ упомянутыхъ выше недостаткахъ Бушуева. Тургеневъ заявилъ открыто, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ знаютъ не только объ нихъ, но и о главномъ его пороѣкѣ (пьянствѣ), но, тѣмъ не менѣе, служебное его положеніе упрочено, потому что онъ пользуется—расположеніемъ министра! Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ предлагали Гаюи просто потребовать увольненія Бушуева. Про-

тивъ такой мѣры онъ вооружился, объясняя, что она претитъ его характеру, и заявляя, что *j'ai toujours été d'avis d'améliorer et non de détruire*. Лучшею мѣрою, въ этомъ случаѣ, онъ находилъ—дать Бушуеву другое назначеніе, даже съ повышеніемъ оклада, болѣе соотвѣтствующее его развитію, такъ какъ, судя по испытанному, нельзя предполагать, что оно когда либо будетъ удовлетворять требованіямъ, необходимымъ для веденія столь труднаго дѣла. Гаюи ссылаясь на опытъ свой во Франціи. Во время его дѣятельности на родинѣ, было два случая, что лица, стоявшія во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше Бушуева, убѣдившись, что призваніе это не приходится имъ по плечу, сами отказывались отъ продолженія своихъ занятій по воспитанію и образованію слѣпыхъ, не смотря на то, что затратили на свое приготовленіе довольно много времени. Если же,—продолжаетъ онъ,—начальство Бушуева остается при своемъ намѣреніи поручить ему, послѣ возвращенія Гаюи во Францію, завѣдываніе институтомъ слѣпыхъ, то необходимо, чтобы онъ проникся извѣстными убѣжденіями, безъ усвоенія которыхъ успѣхъ на этомъ поприщѣ немислимъ. Указывая на себя, Гаюи заявляетъ, что успѣхомъ своимъ на родинѣ онъ обязанъ тому обстоятельству, что, воспитанный съ ранняго возраста въ любви къ труду, онъ посвящаетъ ему ежедневно все свое время съ 5—6 часовъ утра до 10—11 часовъ ночи; что, какъ семьянинъ, онъ предпочитаетъ занятія при домашнемъ очагѣ развлеченіямъ въ обществѣ, которыхъ онъ, впрочемъ, отнюдь не порицаетъ въ другихъ, но каждый учитель слѣпыхъ долженъ быть проникнутъ сознаніемъ, что жизнь его—есть жизнь труженическая, полная служенія дѣлу, для котораго необходимо не только запасъ физическихъ силъ, но и много нравственной энергии. Что Гаюи не опасался контроля своей дѣятельности, видно изъ того обстоятельства, что онъ просилъ барона Дольста какъ можно чаще посѣщать его заведеніе, и притомъ не только во время публичныхъ выставокъ работъ его питомцевъ, но въ разные часы дня, когда всего менѣе можно ожидать такого посѣщенія. Онъ лично не боялся такого надзора; для его же сотрудниковъ онъ былъ, по его мнѣнію, крайне необходимъ и полезенъ.

Изъ этой же записки мы узнаемъ, что Бушуевъ, не смотря на полнѣйшее небреженіе къ своимъ обязанностямъ, вздумалъ вводить разныя мнимыя усовершенствованія и улучшенія въ орудіяхъ производства, которыя, при его полномъ невѣжествѣ, причинили заведенію только убытки и были оставлены, какъ бесполезныя. Изъявляя готовность принять съ радостью всякое усовершенствованіе въ дѣлѣ, ему столь близкомъ, Гаюи тѣмъ не менѣе просилъ барона Дольста посоветовать Бушуеву—не устраняться отъ него, по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ затѣяхъ, сообщая ему предварительно свои намѣренія. Въ противномъ случаѣ, онъ будетъ только вводить институтъ въ непроезводительные и бесполезные расходы. Находя, что число праздниковъ, какъ церковныхъ, такъ и табельныхъ, непомѣрно

велико въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Гаюи, какъ иностранецъ, не дерзалъ предложить сократить ихъ для педагогической цѣли института, но считалъ вполне цѣлесообразнымъ, чтобы въ такіе дни, по крайней мѣрѣ, его сотрудники занимались съ нимъ, для усовершенствованія себя въ методахъ обученія слѣпыхъ. Сожалѣя, что Луэ признанъ министромъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе заявленій чиновниковъ его вѣдомства, неподходящимъ учителемъ музыки, не смотря на его спеціальныя достоинства, личныя качества и заслуги въ этой отрасли преподаванія съ самаго открытія института, Гаюи предлагалъ замѣнить его учителемъ русскимъ, одинаковыхъ съ нимъ достоинствъ. Онъ указалъ на Жилина, композитора, наставника, способнаго преподавать сольфеджію, композицію, игру на струнныхъ инструментахъ. Кромѣ этихъ преимуществъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что опредѣленіе человѣка, лишеннаго зрѣнія, на эту должность послужитъ стимуломъ для соревнованія между воспитанниками института. На замѣчаніе барона Дольста, что необходимо распространить музыкальное преподаваніе на большее число инструментовъ, Гаюи возражалъ, что оно отчасти уже осуществилось. Молодой слѣпонецъ Фурнье обучаетъ двухъ воспитанниковъ игрѣ на скрипкѣ и одного на контробасѣ. Обученіе на духовыхъ инструментахъ тоже возможно, но не введено, такъ какъ, по малочисленности воспитанниковъ, некого обучать... Баронъ Дольстъ легко пойметъ причину указаннаго въ отчетѣ неудовлетворительнаго состоянія института. Число принятыхъ въ него слѣпыхъ, сумма, ассигнованная на ихъ содержаніе и вознагражденіе наставниковъ, не соотвѣтствуютъ представленію, которое обыкновенно соединяютъ съ идеей русской имперіи...

Покончивъ съ детальными возраженіями, Гаюи заключилъ свою записку соображеніями, лично его касающимися. Въ нихъ онъ провелъ параллель между почетомъ и признаніемъ его заслугъ на родинѣ и оцѣнкою ихъ въ Россіи. Строки эти звучатъ не только оскорбленнымъ самолюбіемъ, но и чувствомъ возмущеннаго человѣческаго достоинства. „Заслуги мои на поприщѣ воспитанія и образованія слѣпыхъ въ теченіе 37 лѣтъ—говоритъ онъ—удостоились похвалъ и признанія со стороны парижской академіи наукъ, института Франціи; дѣятельность моя подробно разобрана въ двухъ энциклопедіяхъ, объ ней разные журналы сообщали отчеты, ученые иностранцы знакомили съ нею своихъ соотечественниковъ, общественное мнѣніе интересовалось ею, французское правительство назначило мнѣ за нее пенсію. Людовикъ XVI приглашалъ меня въ Версалъ съ 24 воспитанниками, для ознакомленія съ методами моего обученія; республика тоже сочувственно относилась къ моей дѣятельности, даже Наполеонъ призывалъ къ себѣ и, кромѣ того, посѣтилъ заведеніе лично... Ни одинъ изъ французскихъ министровъ просвѣщенія не считалъ недостойнымъ своего положенія посѣтить институтъ слѣпыхъ. Между тѣмъ здѣсь, въ Петер-

бургѣ, въ теченіе 2-лѣтняго пребыванія—прибавляетъ Гаюи—мнѣ не только не удалось предстать передъ лицомъ русскаго императора, но даже министръ народнаго просвѣщенія ни разу не заглянулъ въ институтъ слѣпыхъ!“

Записку свою Гаюи заключилъ ораторскимъ обращеніемъ, ошибочно разсчитаннымъ. Въ средѣ, въ которой ему приходилось дѣйствовать, риторическіе приемы неумѣстны. Какую пользу могло принести ему или дѣлу слѣдующее его обращеніе: „въ ту пору, когда я провожу безсонныя ночи, занимаясь, помимо моей спеціальности, другимъ дѣломъ, имѣющимъ такое важное значеніе для общества (Гаюи, очевидно, намекалъ на свои занятія телеграфомъ), мою жизнь отравляютъ, меня на каждомъ шагѣ унижаютъ. О, добрый Александръ! О, вы, достойные министры! О, ты, честный русскій народъ! Вы, конечно, не вѣдаете, что, благодаря самовнѣнію молодого человѣка, хвастающаго качествами, для пріобрѣтенія которыхъ онъ до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлалъ (здѣсь, конечно, подразумѣвается Бушувъ), мнѣ оказанъ на вашей гостепріимной территоріи столь несправедливый пріемъ. И онъ оказанъ человѣку, котораго удостоиваютъ въ другихъ мѣстностяхъ названія „служителя страждущаго человѣчества“, и который явился въ Россію, по зову ея монарха, для того чтобы оправдать и въ этой странѣ свой скромный титулъ“.

Подобныя ораторскіе приемы могли вызвать только улыбку на устахъ заскоружилыхъ офиціозовъ, но понять стремленія и цѣли этого „служителя страждущаго человѣчества“,—какъ его называли,—или облегчить путь, по которому ему пришлось идти, они не только были неспособны, но не имѣли, вслѣдствіе ограниченности своего умственнаго и нравственнаго кругозора, ни малѣйшаго желанія. Умѣли и желали они только проявлять свою власть, и притомъ въ самой грубой, невѣжественной и нахальной формѣ.

Другой источникъ, кромѣ указанныхъ въ началѣ моего очерка, находящійся въ архивѣ того же министерства (№ 39,340, № картона 1,051), озаглавленъ: „Объ учрежденіи и штатѣ института слѣпыхъ и объ отпускѣ суммъ на содержаніе онаго и о прочихъ по оному распоряженіяхъ“ (съ 12 марта 1807 г. по 1-е декабря 1810 г.). Изъ него мы узнаемъ, впрочемъ, для нашей цѣли, очень немного. Штаты вновь открываемаго заведенія дѣйствительно находятся здѣсь во всей ихъ подробности; остальное же состоитъ изъ требованій, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, изъ государственнаго казначейства, по третямъ, ассигнованныхъ суммъ и извѣщеній объ ихъ полученіи. Только два эпизода, мелочные по своему характеру, нарушаютъ однообразіе казначейскихъ документовъ: столкновеніе Гаюи, по поводу квартиры, съ комитетомъ с.-петербургской гимназіи (оза-

главное: „дѣло о самопроизвольномъ распоряженіи Гаюи по институту слѣпыхъ“) и смерть Бушуева, личности котораго суждено было играть въ жизни Гаюи въ Петербургѣ такую печальную роль.

19 августа 1810 г., комитетъ петербургской гимназіи доносить главному правленію училищъ, что, по заявленію Бушуева, Гаюи самовольно приказалъ смотрителю за воспитанниками, Протопопову, очистить занимаемую имъ квартиру и хочетъ ее занять полицейскими (?) служителями. Вслѣдствіе этого, комитетъ поручилъ разузнать это дѣло на мѣстѣ своему сочлену, титулярному совѣтнику Козловскому, который, на слѣдующій же день, донесъ комитету, что узналъ отъ самаго Гаюи: 1) что онъ дѣйствительно принуждаетъ Протопопова оставить квартиру, намѣреваясь употребить ее для своихъ телеграфическихъ занятій; но Козловскій не могъ узнать отъ него — какіе люди, по его назначенію, должны жить въ ней; 2) что Гаюи для такого поступка отъ начальства никакого позволенія не имѣетъ, и 3) Гаюи заявилъ, что онъ имѣетъ предписаніе отъ военнаго губернатора, и даже отъ самого императора, но показать ихъ не согласился, отзываясь, что это ему невозможно. (Между пунктомъ 2-мъ и 3-мъ явное противорѣчіе). Тогда Козловскій напомнилъ Гаюи, что подобныя предписанія онъ долженъ принимать только отъ своего начальства, а если они именныя высочайшія, то до приведенія въ исполненіе онъ обязанъ ихъ предъявлять, какъ того требуетъ подчиненность. По словамъ Козловскаго, Гаюи не только не хотѣлъ слушать сдѣланнаго ему предложенія, но съ „духомъ буйства и неистовства“ поднялъ противъ Козловскаго такой шумъ и такъ оскорбительно сталъ съ нимъ говорить, что онъ оставилъ Гаюи, не узнавъ отъ него — какими людьми онъ хочетъ занять комнату Протопопова.

Комитетъ гимназіи, считая такой поступокъ Гаюи обиднымъ не только для себя, но и для всего высшаго начальства, „почтительнѣйше“ представилъ на благоусмотрѣніе главнаго правленія училищъ *), которое (6-го октября) предписало Гаюи: оставить Протопопова въ занимаемыхъ имъ комнатахъ впредь до усмотрѣнія правленія, и чтобы онъ, до постановленія объ этомъ высшаго начальства, не дѣлалъ по институту, безъ дозволенія комитета гимназіи, никакихъ новыхъ распоряженій. Что же касается до сдѣланнаго Гаюи Козловскому показанія объ имѣющихся у него повелѣній императора и предписаній военнаго губернатора, то чтобы онъ немедленно представилъ ихъ въ копіи въ правленіе училищъ.

Чѣмъ кончилось это столкновение Гаюи съ бюрократіей: представилъ ли онъ затребованные отъ него документы или нѣтъ, въ чемъ они состояли, объ

*) Документы наши сохранили имена лицъ, подписавшихъ это предписаніе Н. Озерниковскій, экспедиторъ *Буруковъ* и титулярный совѣтникъ *Труневъ*.

этомъ наши источники умалчиваютъ. Мы можемъ только догадываться, что во всей этой исторіи не личные счеты Гаюи съ Протопоповымъ играютъ роль, такъ какъ черезъ 3 мѣсяца послѣ нея (въ ноябрѣ 1810 г.) самъ Гаюи усиленно ходатайствуетъ объ опредѣленіи Протопопова на мѣсто умершаго Бушуева. Вѣроятно же всего будетъ предположеніе, что очистка квартиры состояла въ какой либо связи съ возложеннымъ на Гаюи порученіемъ: заняться телеграфнымъ дѣломъ, потребовавшимъ свободного помѣщенія.

Смерть Бушуева всколыхала чиновничьи вождельнія. Мы это узнаемъ изъ отношенія Гаюи (въ ноябрѣ 1810 г.) въ комитетъ гимназіи. Онъ пишетъ, что до свѣдѣнія его дошло, что нѣсколько лицъ *) *пытаятся получить жалованье* (les appointements), которымъ пользовался умершій. Едва-ли можно болѣе меткимъ словомъ оцѣнить сущность стремленій нашего чиновничества. Гаюи молить небо, чтобы лица эти прониклись сознаніемъ, что жалованье должно служить наградою: *способностей, приобрьтеннаго таланта и хорошаго поведенія*. Въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ считаетъ своею обязанностью, чрезъ посредство комитета, объяснить высшему правительству свое мнѣніе о выборѣ человѣка, достойнаго занять подобную должность. Его честолюбіе, говоритъ Гаюи, сводится на то, чтобы русскій подданный могъ отличиться на томъ поприщѣ, открыть которое въ Россіи поручилъ ему императоръ, а это нелегко, какъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ самой Франціи. Послѣ этой оговорки, доказывающей, какъ добросовѣстно Гаюи относился къ дѣлу, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, онъ рекомендуетъ комитету молодаго Протопопова — русскаго по происхожденію и воспитанію.

Протопоповъ дѣйствительно поступилъ на мѣсто Бушуева. Горечь, вызванная воспоминаніями о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя нанесъ 65-ти-лѣтнему труженику, обезсмертившему свое имя, Бушуевъ, очевидно, не сознававшій, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, не умѣя цѣнить услугъ, оказываемыхъ человѣчеству, — горечь эта сказалась въ Гаюи и по поводу кончины послѣдняго. Онъ заключаетъ свое представленіе о Протопоповѣ словами: „Да проститъ Господь Бушуеву его прегрѣшенія, но еслибы я былъ спрошенъ (!) онъ не причинилъ бы заведенію столько вреда!“

*) Въ картонѣ подъ № 1,051-мъ сохранилось, между прочимъ, прошеніе одного изъ такихъ соискателей, нѣкоего Якова Пожарскаго, поданное имъ въ комитетъ гимназіи. Въ немъ онъ проситъ представить его на мѣсто Бушуева съ рекомендаціей, какой онъ по своей службѣ достоинъ. Изъ тѣхъ же документовъ явствуетъ, что всѣ его права на занятіе просимой должности сводятся на то, что онъ „слушалъ“ лекціи французскаго языка...

Слова эти лишній раз бросаютъ свѣтъ на оцѣнку въ извѣстной средѣ даже такихъ личностей, за которыми упрочено имя „благодѣтеля человѣчества“. Кромѣ того, личность эта—иниціаторъ дѣла, для котораго вызвана. И что же оказывается? Въ вопросахъ, касающихся этого дѣла, о которыхъ никто, на всемъ пространствѣ обширной Россіи, не имѣетъ никакого понятія, даже не спрашиваютъ его мнѣнія. Отвѣчаетъ на нихъ человѣкъ пошиба Вушуева!

Печальная, по истинѣ, непостижимая судьба постигаетъ на нашей родинѣ самыя благія начинанія: на зовъ русскаго императора является одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей филантропіи прошедшаго вѣка, и благія намѣренія ихъ обоихъ разбиваются—чиновничьими происками самаго низменнаго свойства!...

VI.

Почему Гаюи оставался въ Петербургѣ, посреди такой неприглядной обстановки, въ средѣ, такъ враждебно настроенной, вмѣсто года, какъ онъ предполагалъ, болѣе 10 лѣтъ,—узнать изъ архивныхъ матеріаловъ мы тоже не могли. Желалъ ли онъ этого самъ, удерживало ли его министерство народнаго просвѣщенія, или какія либо лица—не знаемъ. Только въ маѣ 1817 г. начинаются хлопоты его получить разрѣшеніе возвратиться на родину. Правда, изъ письма его къ князю Голицыну (отъ 6-го мая 1817 г.) видно, что просьба объ этомъ была имъ подана уже въ апрѣлѣ, вмѣстѣ съ Фурнье, но она не сохранилась, и потому мотивы ея остаются неизвѣстными. Между матеріалами находятся два письма (2 и 7 мая) на французскомъ языкѣ, подписанныя начальными буквами *O. H.* (не Хитрово ли? онъ подписывалъ свою фамилію на этомъ языкѣ *Hitrowo*), адресованныя князю Голицыну, и письмо маркиза де-Ноаля (французскаго посланника) къ нему же (3 мая), которыми и начинается ходатайство этихъ двухъ лицъ объ увольненіи Гаюи во Францію—совсѣмъ, а Фурнье—въ 6-ти-мѣсячный отпускъ. *O. H.* предлагалъ князю Голицыну уволить Гаюи въ виду дряхлости и слабости его здоровья. Лучше, прибавлялъ авторъ записки, предоставить ему возможность умереть посреди семьи.

O. H. обращалъ вниманіе князя на необходимость, послѣ возвращенія Фурнье изъ отпуска, удвоить его жалованье, находя его очень полезнымъ для института слѣпыхъ, который въ сущности, по его мнѣнію, n'est qu'un hopital un peu élégant; la charité y gagnera plus que les sciences. Де-Ноаль тоже ходатайствовалъ передъ княземъ Голицынымъ скорѣе отпустить обоихъ своихъ соотечественниковъ на родину и просилъ разрѣшить имъ совершить это путешествіе до береговъ Франціи на судахъ нашего флота, отирававшагося въ плаваніе.

На увольненіе Гаюи въ отставку и Фурнье въ отпускъ послѣдовало немедленно разрѣшеніе императора. Въ изъявленіе же благоволенія къ усердію, съ какимъ первый исполнялъ должность свою, ему пожалованъ былъ орденъ Владиміра 4-й степени..

Тысячи формальностей, съ которыми сопряженъ былъ тогда выѣздъ за границу: прочитаніе въ газетахъ, полицейскіе запросы, съ кѣмъ кто выѣзжаетъ, сношеніе по этому поводу съ министромъ полиціи, доставленіе пошлины за орденъ, за паспортъ,—всѣ эти бюрократическія мелочи лишили Гаюи и Фурнье возможности воспользоваться даннымъ имъ разрѣшеніемъ совершить путешествіе на военномъ кораблѣ. Эскадра наша ушла къ берегамъ ихъ родины, не дождавшись ихъ паспортовъ.

Изъ переписки князя Голицына съ С. С. Уваровымъ оказывается однако, что первый приписываетъ вину этой неудачи отнюдь не несвоевременной выдачѣ паспортовъ, а собственному отказу Гаюи и Фурнье отъ возможности совершить путешествіе на военномъ суднѣ. Князь сдѣлалъ по этому поводу помѣтку на письмѣ къ нему Попова, которую мы передаемъ съ сохраненіемъ правописанія министра народнаго просвѣщенія и безъ знаковъ препинанія, отсутствующихъ въ подлинникѣ: „отправте паспорта при запискѣ а мѣсто на корабляхъ онѣ сами отказали мнѣ кажется ветренъ „Гаюи хотя старъ“.

Покончивъ свои счеты съ правительствомъ, которое могло пользоваться, но не воспользовалось его услугами въ вопросахъ воспитанія и образованія слѣпыхъ, Гаюи въ запискѣ, поданной имъ князю Голицыну (6-го мая 1817 г.), изложилъ свои взгляды и совѣты касательно учрежденія, которому онъ посвятилъ одиннадцать лѣтъ жизни и труда, и ради котораго испыталъ столько мелочныхъ придирокъ.

Это,—если можно такъ выразиться,—завѣщаніе свое на русской почвѣ Гаюи выразилъ слѣдующими предложеніями:

- 1) Онъ просилъ назначить на свое мѣсто Протопопова, прекраснаго семьянина и человѣка дѣйствительно изучившаго всѣ отрасли знаній, необходимыхъ для директора института слѣпыхъ.
- 2) Въ помощники ему онъ просилъ опредѣлить молодаго Ваганова, юношу способнаго и прекраснаго поведенія.
- 3) Должность инспектора, существующую при институтѣ, не только бесполезную, но даже вредную, уничтожить, замѣнивъ ее наставникомъ, способнымъ обучать слѣпыхъ введеннымъ въ институтѣ ремесламъ.
- 4) Обязанности, которыя исполнялъ при немъ Фурнье, Гаюи предлагалъ раздѣлить между тремя слѣпыми воспитанниками: Смуровымъ, Венбладомъ и Стягинымъ, раздѣливъ между ними и получаемое Фурнье жалованье по ровну.

Онъ обращалъ, при этомъ, вниманіе министра на то обстоятельство, чтобы уномянутые имъ зрячіе служащіе, а равно и трое слѣпыхъ воспи-

танниковъ, уповали на свои собственные силы, не полагаясь на содѣйствіе постороннихъ.

Наконецъ, 5) для успѣха основаннаго имъ института, Гаюи считалъ необходимымъ значительно увеличить число находящихся въ немъ воспитанниковъ. 12 человѣкъ,—крайній предѣлъ, до котораго возрасло число слѣпыхъ воспитанниковъ въ послѣднее время пребыванія Гаюи,—онъ считалъ вполне недостаточнымъ. Для исполненія работъ, предпринятыхъ въ заведеніи, необходимо было, по его мнѣнію, не менѣе 60. Этимъ обстоятельствомъ, кромѣ изложенныхъ выше трехъ причинъ, существенно мѣшавшихъ осуществленію задуманнаго и обѣщаннаго,—Гаюи объяснял и невозможность исполнить принятое имъ на себя, совместно съ Фурье, обязательство, въ теченіе года, пустить заведеніе въ ходъ. Для этой цѣли пришлось ему посвятить почти 12 лѣтъ, оставляя его все таки невыполненнымъ и необезпеченнымъ относительно будущаго преуспѣянія.

Подъ конецъ своей жизни, за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда изъ Россіи, Гаюи издалъ (въ февралѣ 1817 г.) небольшую брошюру подъ заглавіемъ: „Extrait abrégé servant de Prospectus de la seconde édition de l'essai sur l'éducation des aveugles“ (первое изданіе, какъ извѣстно, вышло въ Парижѣ, въ 1786 г.). Мы не знаемъ, осуществилось ли его намѣреніе издать, по объявленной имъ подпискѣ, этотъ трудъ въ двухъ томахъ. Такъ какъ мы нигдѣ не нашли на это указаній, не смотря на тщательный просмотръ литературы предмета, то смѣемъ заключить, что намѣреніе его осталось на степеніи пожеланій.

Поэтому, и краткій очеркъ, въ формѣ брошюры, не лишень интереса, какъ результатъ его трудовъ, опыта, наблюденій цѣлой жизни, посвященной вопросу воспитанія и образованія слѣпыхъ, и остановиться на немъ не будетъ лишнимъ.

Цѣль учрежденія задуманныхъ имъ институтовъ, часто ложно понимаемую даже людьми образованными, онъ формулируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Необходимо дать возможность всѣмъ слѣпымъ *заниматься*, избавивъ ихъ отъ тяжкаго и опаснаго бремени *праздности*, способствующей усвоенію худыхъ *привычекъ* и даже *пороковъ*. 2) Должно занимать ихъ отдѣльно, а еще лучше—*съобща*, *работами* полезными для общества и *ихъ самихъ*. 3) Бѣднымъ между слѣпцами слѣдуетъ доставить источникъ заработка, спасающій ихъ отъ прошенія милостыни и отъ нищеты. 4) Необходимо возвратитъ обществу *праздныхъ*, но здоровыхъ *руки* поводырей, существующихъ на счетъ *благотворительности*. 5) Слѣпымъ изъ среды достаточной слѣдуетъ доставить возможность *заниматься науками, литературой и искусствами*, достигая этихъ цѣлей при помощи такихъ

же пособій, какими достигаютъ ихъ зрячіе. Для того же, чтобы они были въ состояніи, кромѣ этихъ способовъ, запасаться свѣдѣніями и путемъ собственного чтенія, необходимо снабдить ихъ книгами, печатанными рельефомъ, и научить ихъ письму, которое послужитъ имъ средствомъ закрѣплять собственные мысли на бумагѣ. Оно можетъ служить пособіемъ и для ихъ дѣловыхъ замѣтокъ. 6) Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что слѣпой, потерявъ такой важный органъ, *имѣетъ право на утѣшеніе*, которое ему необходимо доставлять всѣми средствами, выработанными въ области образованія слѣпыхъ. 7) Дѣятельность слѣпыхъ слѣдуетъ *приводить, какъ примѣръ*, всѣмъ, имѣющимъ наклонность къ *лени*. 8) Они должны служить *примѣромъ соревнованія для зрячей молодежи*, между которою могутъ попадаться отличающіеся кажущейся *неспособностью* въ наукахъ или ремеслахъ. 9) Людямъ съ сердцемъ представляется случай оказывать свою *благотворительность*, доставляя слѣпымъ возможность заработка, пользуясь ихъ знаніями по преимуществу передъ зрячими и не уменьшая противъ нихъ заработной платы, въ такихъ случаяхъ, когда первые, въ качествѣ ремесленниковъ или наставниковъ, не уступаютъ послѣднимъ. 10) Наконецъ, устройствомъ института для слѣпыхъ представляется каждому *правительству*, сочувствующему полезнымъ изобрѣтеніямъ и не лишенному челоуѣколюбивыхъ стремленій, возможность расширить область *призрѣнія несчастныхъ*, обиженныхъ природой. Его заботы будутъ состоять, главнымъ образомъ, въ возбужденіи между ними полезной дѣятельности.

Въ заключеніе Гаюи обращалъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Онъ спрашиваетъ: неужели нельзя назвать заслугою передъ ближнимъ тѣхъ, хотя бы рѣдкихъ случаевъ, когда слѣпецъ, воспитанный и образованный, какъ человѣкъ, вступая въ бракъ и имѣя дѣтей, выноситъ сознание, что они, унаслѣдовавъ его дарованіе, не погружены въ ту бездну несчастія, въ которой находится онъ самъ?

Обращаясь, по этому поводу, къ людямъ сострадательнымъ, онъ спрашиваетъ: скажите, не увѣнчалъ ли я трудъ цѣлой своей жизни, сдѣлавъ возможнымъ, что мои, лишенные зрѣнія, ученики способны своими качествами и талантами пробудить въ дѣвушкахъ съ сердцемъ рѣшимость—соединить свою судьбу съ ними и утѣшать въ постигшемъ ихъ несчастіи съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ это удалось бы мнѣ самому? И что такой, прежде бесполезный, членъ возвращается ему съ качествами посильнаго дѣятеля? Естественно, что отвѣта на поставленный вопросъ заранѣе предвидѣть нельзя. Онъ будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго умственнаго и нравственнаго развитія отвѣчающаго. Найдутся люди, которые отвѣтятъ на него улыбкой, можетъ быть—насмѣшкой; назовутъ вопрошающаго идеалистомъ не отъ міра сего..

Этимъ документомъ и заканчиваются матеріалы, относящіеся къ спе-

ціальної діяльності Гаюї в Петербурзі. Вони обриваються, власне говоря, уже на 1808 г. Сохранилось еще кое-что, касающееся удаления из института Луэ и треволнений, сопровождавших его замещение.

Было бы интересно проследить, в какой мере завещанные Гаюї советы удостоились у нас внимания. Задача эта выходит за пределы настоящей статьи. Мы можем, однако, сообщить, какие педагогические взгляды водворились в стенах основанного Гаюї заведения, через семь лет после его отъезда. Директор его, Мартын Пилецкий, ходатайствует (27 апреля 1824) пред попечителем Д. П. Руничем о введении телесного наказания в институт слепых, как средства „укрощения“ слепых, не покоряющихся начальству и „возмущающихся“ против своих обязанностей и порядка. Это „возмущение“, как видно из дальнейшего объяснения Пилецкого, сказывалось в том, что слепые воспитанники, предавались „своеволию“, требовали перемещения их в богадельню, предпочитая ее „благодетельнейшему и отеческому призраку“ в институте. Пилецкий жалуется еще на то, что от такого выхода воспитанников из института „разстроивается шбне в институтской церкви и музыкальный хор“. Со введением телесного наказания, русский тифлопедагог ручался за „совершенную тишину, благонравие и беспрекословную подчиненность питомцев“. Это наказание и было разрешено Руничем и советом Человѣколюбиваго Общества *).

Если сообщенное выше не представляет полной картины деятельности Гаюї в Петербурзі, то следующие строки изображают только отдельные эпизоды из последующей жизни его на берегах Невы. Все таки он дополняет сказанное выше, знакомя нас как с повседневными тревогами этого труженика, так и с его стремлениями, выходящими за пределы созданной им специальности. Эти мотивы искупают, надѣюсь, отрывочность их содержания.

VII.

Затраты, сделанные Гаюї, после закрытия Наполеоном I парижского института слепых, на основанный им Musée des aveugles, легли на него тяжелым бременем. Гаюї вошел в долги, которые ему пришлось уплачивать и в бытность его в Россіи.

Мы узнаем об этом из документов, находящихся в архиве по-

*) Русская Старина, 1871 г. т. IV-й, стр. 592—594.

целителя петербургского учебного округа *). Петербургский гражданский губернатор Бакунин сообщил в сентябре 1811 г. министру просвещения, графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, что мальтийский уроженец Грек предъявил, по векселю, взыскание в 3,000 франков с Гаюї. Вследствие этого, сделано было распоряжение об удержании из получаемого последним жалования законной части, пока покроется указанная сумма, по курсу на ассигнации. В декабре 1812 г., сделано было министром такое же распоряжение о новом вычете из жалования Гаюї по заемному письму, данному им иностранцу Ивану Минье, на 10,000 рублей. Экономическому комитету гимназии, завѣдывавшему хозяйственной частью института, предписано было попечителем доставлять ежемесячно из жалования Гаюї триста двадцать рублей **), для отсылки их губернатору, на удовлетворение кредиторов. Такие вычеты производились до марта 1817 г., не смотря на то, что жена Гаюї еще в 1813 г. расплатилась с займодавцами, в чем и представлены были расписки. Всего удержано было с него, до 15-го февраля 1817 г., 5,172 рубля. Документы по этому делу интересны не только потому, что свидетельствуют о долгах, сделанных им для своего второго заведения в Париже ***) и тяготивших его почти до самой кончины, но также о наивной или преступной недобросовестности лиц, которым поручено было делать вычеты из жалования Гаюї. Из донесения экономического комитета гимназии (24-го марта 1817 г.) попечителю учебного округа, С. С. Уварову, потребованному у комитета объяснения: каким образом он делал, в течение 5 лет, вычеты из жалования Гаюї, в то время, когда он удовлетворил своих кредиторов 4 года тому назад, выяснился странный факт. Оказалось, что за период времени с 1-го октября 1812 г. по 1-ое марта 1817 г., комитет взыскал, в удовлетворение уплаченных им уже долгов, 5,830 рублей. Из этой суммы только 770 рублей были отправлены комитетом гимназии по принадлежности; остальные деньги — застряли в комитете гимназии, и с 1-го мая 1813 г. бывшие кредиторы Гаюї

*) Дела: (за № 213, в сентябре 1811 г.) по отношению министра народного просвещения, графа Разумовского, к С. С. Уварову о спросе Гаюї, должен ли он иностранцу Греку 3,000 франков; другое (№ 204, в сентябре 1812 г.) по отношению этого же министра к тому же попечителю, о взыскании с Гаюї по векселю 3,000 франков Греку и 10,000 рублей иностранцу Минье, и, наконец, последнее (№ 68, в марте 1817 г.) о возвращении Гаюї удержанных из его жалования денег.

**) Сам же Гаюї, в письме от 21-го февраля 1817 г. к князю Голицыну, говорит о вычете по 120 руб. в месяц.

***) Из них видно, что они всплыли в Россіи вследствие сделки Гаюї с парижскими кредиторами, сделавшими перевод на своих знакомых, живших в Петербурзі, Грека и Минье.

не были удовлетворяемы комитетомъ, вѣроятно, потому, что самъ должникъ ихъ удовлетворилъ!..

Необыкновенно своеобразно объясненіе, данное по этому поводу экономическимъ комитетомъ попечителю. Комитетъ донесъ, того же 24 марта 1817 г., что онъ не отсылалъ вычетовъ съ Гаюи кому слѣдуетъ по той простой причинѣ, что институтъ для слѣпыхъ уже съ 1811 г. нуждался въ необходимыхъ суммахъ на расходы *), и еслибы комитетъ ежегодно удовлетворялъ кредиторовъ Гаюи вычтенными изъ его жалованья деньгами, по 1,320 рублей въ годъ, то тогда не было бы возможности удовлетворить прочихъ „чиновниковъ“ института жалованьемъ, по крайней мѣрѣ, по 4 мѣсяца ежегодно... Прибавимъ къ этому, что судебное мѣсто (надворный судъ), по опредѣленію котораго производились вычеты съ Гаюи, своевременно сообщилъ комитету о состоявшемся уже полномъ удовлетвореніи (еще въ 1813 г.) кредиторовъ Гаюи и о прекращеніи съ него вычетовъ. Нельзя предполагать, чтобы и самъ Гаюи не заявилъ комитету объ этомъ. Странно, что попечитель, какъ видно изъ донесенія его новому министру, князю А. Н. Голицыну (23 апрѣля 1817 г.), находилъ причины, представленныя ему комитетомъ, весьма уважительными.

Экономическій комитетъ предполагалъ выдать обратно Гаюи 3,000 рублей въ текущемъ году, а остальные 2,060 рублей—только въ 1818 г. Къ счастью послѣдняго, министръ предписалъ (8 мая 1817 г.), въ виду предстоящаго возвращенія Гаюи во Францію, уплатить ему неправильно удержанную сумму сполна, и еслибы институтскихъ средствъ на это не хватило, взять ихъ заимообразно изъ гимназической суммы, съ обязанностью покрыть ее впоследствии институтскими суммами, оставшимися отъ жалованья Гаюи, послѣ его увольненія. Эпизодъ этотъ характеристиченъ, какъ картина бюрократическихъ нравовъ, и потому, не смотря на его частный характеръ, заслуживаетъ сообщенія.

Извѣстно, какое мѣсто занимаетъ Гаюи между людьми, задавшимися стремленіемъ облегчить участь страждущаго человѣчества. Каждый образованный человѣкъ знаетъ, что онъ первый поднялъ „новъ“ на нивѣ несчастія, остававшейся до него нетронутою. Но, кромѣ этой области, на которой Гаюи является инициаторомъ, онъ зорко слѣдитъ за успѣхами и въ другой, смежной области. Мы знаемъ, что онъ присутствуетъ при самомъ началѣ попытокъ аббатовъ де-л'Эпе и Сикара по вопросамъ воспитанія и образованія глухонѣмыхъ, изучая ихъ сочиненія и педагогическіе приемы.

*) Сохранимъ, въ назиданіе потомству, имена этихъ членовъ комитета гимназіи: Иванъ Тимковскій, Ѳ. Миддендорфъ, Е. Константиновъ, Мих. Зубакевичъ.

Эти занятія наводятъ его потомъ на мысль — примѣнить ихъ къ усовершенствованію телеграфа, о которомъ сказано будетъ нѣсколько словъ ниже.

Гаюи, какъ мы узнаемъ изъ сохранившихся матеріаловъ, не ограничился только научною стороною образованія глухонѣмыхъ. Самъ аббатъ де-л'Эпе поручилъ ему развитіе одного глухонѣмага, найденнаго, въ 1784 г., на берегахъ Нормандіи и получившаго въ свое время извѣстность подъ именемъ дикаря (*prétendu sauvage*). Не смотря, однако, на такую теоретическую подготовку, свидѣтельствующую о его пытливости и любознательности въ области разумной филантропіи, Гаюи не считалъ себя вполне компетентнымъ въ дѣлѣ образованія глухонѣмыхъ. На русской почвѣ ему пришлось однако испробовать вновь свои силы и на этомъ поприщѣ. Въ октябрѣ 1807 г., является къ нему одна русская барыня, желающая познакомиться съ его методомъ. Случайно замѣтивъ на его рабочемъ столѣ монографію аббата Сикара о воспитаніи глухонѣмыхъ, она предположила, что Гаюи можетъ предпринять обученіе ея глухонѣмой отъ рожденія дочери. Напрасно Гаюи заявлялъ, что это занятіе не составляетъ его специальности, что онъ не довѣряетъ своему знанію въ этой области—мать настойчиво требовала приступить къ попыткамъ. Гаюи пришлось уступить. Не имѣя подъ рукою знаменитой „теоріи знаковъ“, Сикара, тогда еще не напечатанной, онъ принужденъ былъ довольствоваться прежними его трудами: „Cours d'instruction d'un sourd-muet“, и „Grammaire générale“, дополняя ихъ пробѣлы изъ „Histoire de la parole par Court de-Gebelin, les synonymes de Girard, Cellarius'a“, знаменитаго датскаго этимологиста, и „Vocabulaire analytique de Charles Coutelle“.

Такой усовершенствованный методъ обученія глухонѣмыхъ былъ новинкою на русской почвѣ. Правда, въ Павловскѣ уже тогда обучалъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ какой-то священникъ, — имени котораго, къ сожалѣнію, не сохранили наши источники, — и обучалъ съ успѣхомъ, но по первоначальному методу аббата де-л'Эпе, съ тѣхъ поръ значительно усовершенствованному. Между тѣмъ Сикаръ, которому Гаюи сообщилъ о своихъ вынужденныхъ занятіяхъ по его специальности, доставилъ ему, въ началѣ 1810 г., свой только что вышедшій изъ печати трудъ, оказавшійся большимъ подспорьемъ при его занятіяхъ. Кромѣ того, онъ прислалъ одного изъ своихъ лучшихъ учениковъ, Жоффре (*Jaufret*), для ознакомленія русскихъ съ его приемами, и само Павловское училище, по предложенію Гаюи, едѣланному императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, перенесено было вскорѣ изъ Павловска въ Петербургъ. Но пока состоялся этотъ вызовъ Жоффре, Гаюи занимался со своею ученицею, удивлявшею современниковъ своими успѣхами. Благодаря имъ, вокругъ него образовалась и школа глухонѣмыхъ, рядомъ съ начатками института для слѣпыхъ.

Невѣжество и тутъ старалось умалить его заслуги. Послѣ одного изъ засѣданій, въ которыхъ онъ представлялъ своихъ глухонѣмыхъ, какъ до-

казательства, что они способны къ образованію, заключивъ свою демонстрацію указаніемъ заслугъ въ этой области педагогики де-л'Эпе и Сикара,—одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ ему: „ваши глухонѣмые повторяютъ только, какъ попугай, то, чѣмъ вы начинили ихъ память; умственные же способности при этомъ едва-ли находятся въ игрѣ“.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова невѣжды на бѣднаго Гаюи. Онъ совершенно справедливо считалъ ихъ оскорбленіемъ заслугъ де-л'Эпе и Сикара, оправданныхъ уже на практикѣ во Франціи, и тутъ же, на глазахъ присутствовавшихъ, въ Петербургѣ. Неужели—замѣтилъ Гаюи—исполненіе глухонѣмыми передаваемыхъ имъ приказаній, полученіе отъ нихъ отвѣтовъ на задаваемые имъ вопросы, все это не свидѣтельствуетъ объ умственномъ развитіи этого класса несчастныхъ, развитіи, достигнутомъ новымъ методомъ ихъ обученія?? Очевидно, всего этого было недостаточно для невѣжды. Чтобы убѣдить его въ ошибочности заключеній, Гаюи рѣшился дать новыя доказательства того, какое вліяніе оказываетъ на глухонѣмыхъ новый методъ обученія. На публичномъ испытаніи, на которомъ присутствовали представители науки, литературы, искусствъ (11-го мая 1810 г.), находился, между прочимъ, и турецкій посланникъ. Лицо это и послужило темою для задуманныхъ Гаюи опытовъ. Первый изъ нихъ состоялъ въ томъ, что онъ написалъ глухонѣмой предложеніе, наполненное орфографическими ошибками, по 3—4 въ каждомъ словѣ, съ ошибочною же разстановкою знаковъ препинанія. Глухонѣмой было предложено поправить эти ошибки, въ родѣ того, какъ ихъ исправляютъ корректоры, и затѣмъ написать все предложеніе совершенно правильно. Предложеніе это было продиктовано, со словъ турецкаго посланника, его драгоманомъ, переводившимъ съ турецкаго. Гаюи написалъ его на доскѣ со слѣдующими ошибками: *Sonne E que sel anse, étrait qu'on tantes: daitre venue vouaire lez traveau de mo sieux le parofaiceure Haÿu.*

Названной нами, первой ученицѣ его поручено было сдѣлать корректуру. Улыбаясь по поводу столькихъ ошибокъ, сдѣланныхъ ея учителемъ, она ихъ отмѣтила мѣломъ и возстановила предложеніе въ слѣдующемъ видѣ: *Son excellence est très-content d'être venu voir les travaux de monsieur le professeur Haÿu.*

Гаюи замѣтилъ ученицѣ, что ей слѣдовало оставить нѣкое *e*, оканчивающее слова *contente* и *venue*; что она напрасно считаетъ ихъ ошибками. На это ученица возразила, что турецкій посланникъ—не женщина! Очевидно, она не могла понять, почему слова, выражающія титулы лицъ мужскаго пола, употребляются въ женскомъ родѣ, напр., *majesté, altesse, excellence.*

Считая этотъ опытъ недостаточно доказательнымъ для людей, такъ скептически и вмѣстѣ невѣжественно относившихся къ трудамъ его зна-

менитаго соотечественника Сикара, Гаюи усложнилъ его значительно въ послѣдующій разъ. Онъ писалъ на таблицѣ, со словъ постороннихъ лицъ, любое предложеніе не въ порядкѣ, требуемомъ синтаксисомъ, но смѣшавъ входящія въ него слова, безъ всякаго порядка и, слѣдовательно, безъ смысла. Задача глухонѣмаго состояла въ томъ, чтобы, путемъ размышленія и соображенія, возсоздать изъ хаоса предложеніе, которое составляли эти слова. Подобная задача должна была, конечно, служить пробнымъ камнемъ для невѣровавшихъ въ методъ Сикара. До насъ дошла фраза, продиктованная, въ то же засѣданіе, чрезъ драгомана турецкаго посла, со словъ послѣдняго, въ присутствіи тѣхъ же членовъ академіи наукъ и другихъ лицъ, и предложенная для разбора глухонѣмой дѣвущкѣ, въ слѣдующемъ хаотическомъ безпорядкѣ: *Et sourds deux il bacha autre dire retournera belles Pétersbourg l'a vu aveugles quand dès il des son saint l'a dans institution qu' capitan pays muets doit une nés le.*

Понятно, что разобраться въ этомъ наборѣ словъ, какъ бы вышнаннымъ изъ мѣшка, можетъ только человѣкъ, одаренный не только здравымъ смысломъ, но и извѣстною долею сообразительности и находчивости. Глухонѣмая ученица Гаюи тоже не сразу возстановила синтаксическій и логическій порядокъ словъ, но при помощи метода Сикара, ей удалось сочетать слова въ той зависимости и послѣдовательности, какую они занимали въ первоначальномъ предложеніи. Послѣ нѣкотораго раздумья, она, примѣняя правила усвоеннаго ею метода, написала на таблицѣ слѣдующій періодъ: *Quand le capitan-bacha retournera dans son pays, il doit dire qu'il a vu à Saint-Petersbourg deux belles institutions, l'une des sourds-muets, et l'autre des aveugles-nés.*

Подобныя задачи, неоднократно съ одинаковымъ успѣхомъ предлагаемыя ученицѣ Гаюи, должны были, наконецъ, убѣдить и невѣрующихъ, что, при посредствѣ метода Сикара, глухонѣмые не только не отвѣчаютъ, подобно попугаямъ,—какъ думали невѣжды и хулители всего недоступнаго ихъ пониманію,—но способны къ общечеловѣческому развитію. Съ наименьшимъ успѣхомъ Гаюи занимался въ Петербургѣ образованіемъ дочери генерала Михельсона и юнаго Польнера, тоже глухонѣмыхъ.

Какъ ни скромна была его дѣятельность на этомъ поприщѣ, не составлявшемъ, по его собственному признанію, его прямой специальности, но мы знаемъ также, что, благодаря его указаніямъ и содѣйствію, вдовствующая императрица Марія Фёдоровна старалась, приглашеніемъ изъ Франціи дѣятелей, вывести образованіе глухонѣмыхъ въ Россіи на настоящую дорогу. Насколько оказались удачными эти попытки обоихъ лицъ, мы не беремся судить. Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ люди, въ немъ компетентные. Пусть они заявятъ, если могутъ, что дѣло воспитанія и образованія глухонѣмыхъ въ Россіи, первыя сѣмена котораго брошены были на нашу почву Гаюи, принесли на ней лучшіе плоды, чѣмъ тѣ, ко-

торые зрѣютъ въ устроенномъ у насъ институтѣ слѣсныхъ. Если они даже окажутся не лучше послѣднихъ, то отъ этого все таки не умалятся заслуги инициатора на поприщѣ этихъ двухъ областей филантропіи. *Tamen est laudanda voluntas*, говорили въ подобныхъ случаяхъ уже древніе.

Уже за нее, за эту добрую волю, за хорошія намѣренія, наша родина должна бы помянуть имя человѣка, чтимаго и поминаемаго на всемъ земномъ шарѣ тѣми, для которыхъ ученіе Великаго Назарянина не составляетъ пустой обрядности.

VIII.

Въ архивныхъ матеріалахъ уцѣлѣли слѣды другой дѣятельности Гаюи, кромѣ той, которою онъ обезсмертилъ свое имя. По сохранившимся отрывкамъ, мы не въ состояніи составить себѣ отчетливаго понятія объ ней. Не знаемъ тоже, осуществилась ли она въ подобающихъ размѣрахъ на практикѣ. Вѣроятно же всего, что нѣтъ, судя потому, что, кромѣ нѣсколькихъ его автографовъ, не находимъ ни одного слова въ отвѣтъ на ихъ содержаніе. Можно, поэтому, предполагать, что и эти его стремленія были встрѣчены безучастнымъ равнодушіемъ и недостаточнымъ пониманіемъ. Мы говоримъ о его попыткахъ создать телеграфъ.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, онъ представилъ записку (1-го іюня 1807 г.), посвященную императору, озаглавленную: „Телеграфъ, простой и экономическій, устроенный по новой системѣ, годный для передачи, точно и быстро, въ отдаленныя мѣста, изустной рѣчи или писаннаго текста, на какомъ бы то ни было языкѣ, недоступный пониманію даже изобрѣтателя, какъ только онъ сообщить правительству лежащую въ основѣ его изобрѣтенія мысль; приводимый въ движеніе даже людьми безграмотными, весьма важный для цѣлей военныхъ, на сушѣ и на морѣ; непонятный неприятелю, притомъ очень простаго устройства, безъ особенно сложныхъ аппаратовъ и сооружаемый очень скоро, почти мгновенно, по мѣрѣ надобности“.

Приведенное заглавіе выражаетъ только программу изобрѣтателя, развиваемую имъ въ приложенной запискѣ. Такъ какъ она не заключаетъ никакихъ техническихъ подробностей, то невозможно—повторяемъ—сказать, какъ эта программа выполнена была на дѣлѣ. Мы узнаемъ только, что Гаюи просилъ доставить ему возможность, въ присутствіи людей компетентныхъ, демонстрировать практически свое изобрѣтеніе.

Гаюи заявляетъ, что въ брошюрѣ, предназначенной для высшихъ чиновъ и въ то время еще не появившейся въ печати *), указаны имъ

*) Брошюра эта представляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Озаглавленная: „Mémoire historique abrégé sur les télégraphes“ (56 страницъ), она отпечатана у Плюшара, въ 1810 году.

только главныя основанія изобрѣтенія; частности же изложены въ особой рукописи, которая должна была составить правительственную тайну. Хотя оптической телеграфъ, по свидѣтельству Полибія, былъ уже въ употребленіи у римлянъ, извѣстенъ былъ и на Западѣ, но нуждался, еще въ началѣ нашего столѣтія, въ усовершенствованіяхъ. Гаюи старался, въ теченіе 40 лѣтъ, достигнуть ихъ. Они основаны на изученіи имъ древнихъ и новыхъ языковъ, на разборѣ старинныхъ рукописей, сокращеній, изобрѣтенныхъ знаковъ, стенографіи, пассиграфій *), сигналовъ и т. п. Выходя изъ положенія, что телеграфное искусство основано на чтеніи словъ посредствомъ знаковъ вмѣсто буквъ,— Гаюи изобрѣлъ списокъ слоговъ (*syllabaire*), составленный по лучшимъ образцамъ. Гаюи говоритъ, что телеграфъ его: 1) очень простъ, стоить дешево, приспособленъ для быстрого сообщенія и легко управляется, какъ на главной, такъ и на промежуточныхъ станціяхъ. 2) Таблица, извѣстная только двумъ служащимъ на конечныхъ станціяхъ, знающимъ содержаніе депеши, лежитъ въ основѣ его системы. Въ ней указаны кратко, но ясно, восемь основныхъ сигналовъ, взаимное ихъ положеніе и направленіе. Кромѣ того, эти служащіе руководствуются: а) спискомъ слоговъ, б) словаремъ, в) таблицей чиселъ, г) грамматической таблицей, д) формуляромъ. 3) На промежуточныхъ станціяхъ необходимо имѣть трехъ человѣкъ. Двое должны быть постоянно на часахъ; третій предназначенъ для смѣны. Нѣтъ надобности, чтобы они были грамотны. Не смотря на то, что они не умѣютъ ни писать, ни читать, они въ состояніи вѣрно передавать депеши. При согласованіи между собою всѣхъ списковъ по страницамъ, строкамъ и словамъ, достаточно одного урока для усвоенія всей системы главными агентами и ихъ помощниками. 4) Кромѣ главныхъ агентовъ на конечныхъ станціяхъ, всѣ служащіе на промежуточныхъ не знаютъ содержанія передаваемой депеши. Въ случаѣ измѣны, можно тотчасъ же перемѣнить ключъ, мѣняя его такъ часто, какъ заблагоразсудится. Сообщивъ императору свое изобрѣтеніе, говорилъ Гаюи, самъ изобрѣтатель не въ состояніи узнать государственной тайны. 5) По его системѣ, можно передавать извѣстія днемъ и ночью, звукомъ трубы, пушечными выстрѣлами, барабаннымъ боемъ или звономъ колоколовъ. 6) Какимъ бы изъ этихъ средствъ извѣстіе ни передавалось, азбука состоитъ всегда изъ восьми основныхъ знаковъ, удовлетворяющихъ своимъ положеніемъ, порядкомъ, формою и цвѣтомъ всѣмъ возможнымъ комбинаціямъ. 7) На какомъ бы языкѣ ни передавалась депеша, она доходитъ по назначенію въ совершенной точности. Агентъ, принимающій депешу,

*) Пассиграфіей (отъ греческаго *pas, pasa, pan*) называютъ искусство изображать мысли рядомъ общеизвѣстныхъ знаковъ. Этимъ вопросомъ занимались Лейбницъ, Уилькинсъ, Сикаръ и другіе.

читаетъ ее совершенно понятно, даже не зная языка, на которомъ она написана. 8) Въ случаѣ нужды, по системѣ Гаюи, можно передавать депешу безъ аппарата, пользуясь ближайшими къ отправителю ея предметами. Но въ такихъ случаяхъ приходится умножить число промежуточныхъ станцій, и депеша передается медленнѣе, но при этомъ можно скрыть дѣйствія телеграфа отъ постороннихъ. 9) Такія депеши передаются начальникамъ армій и флотовъ, и даже коменданту осажденной крѣпости. 10) То же самое относится и къ сообщенію столицы съ пунктами, лежащими на границѣ государства. 11) Наконецъ, знаки, придуманные Гаюи для передачи словъ на бумагѣ, будучи также малочисленны, какъ и его телеграфные сигналы, по своей простотѣ и легкости изображенія, могутъ служить прекраснымъ сокращеннымъ шифромъ для тайной переписки правительства, измѣняемымъ по произволу. Для этого достаточно восьми основныхъ знаковъ, годныхъ для всѣхъ языковъ.

Всѣ сообщенія выше положенія Гаюи изъявлялъ готовность доказать и оправдать опытами на изготовленныхъ имъ небольшихъ моделяхъ. Если система его будетъ принята, онъ предлагалъ правительству сообщить теорію своей системы и касающіяся ея наставленія. Предвидя, что она встрѣтитъ возраженія, которыя укажутъ на препятствія, находящіяся на поверхности земли (лѣса, а также отсутствіе естественныхъ возвышеній въ такой странѣ, какъ Россія), Гаюи указывалъ на возможность устранить эти препятствія. Касательно лѣсовъ, онъ предлагалъ пригласить лѣсовладѣльцевъ, производящихъ порубки въ своихъ дачахъ, дѣлать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ проходитъ телеграфная линия, отводя ее, при приближеніи къ лѣсу, нѣсколько въ сторону, или устраивать, на счетъ казны, каланчи. Въ мѣстностяхъ же ровныхъ неудобство, отъ этого происходящее, можно устранить увеличеніемъ числа станцій или помѣщеніемъ служащихъ на колокольняхъ, кровляхъ высокихъ зданій и т. п.

Гаюи оправдывается, что призванный въ Россію для устройства института слѣпыхъ, онъ занимается чуждымъ его прямой обязанности дѣломъ, касающимся больше политики и войны, нежели облегченія судьбы обездоленного человѣчества. Лицамъ, которыя сдѣлали бы подобное замѣчаніе, онъ рѣшается возразить, что заниматься своими прямыми обязанностями ему пока не представляется возможности, такъ какъ слѣпые, ради обученія которыхъ онъ прибылъ въ Россію, все еще не являются (вспомнимъ, что записка его о телеграфѣ была издана въ первой половинѣ 1807 г.), и потому онъ рѣшился употребить свои досуги на дѣло, при посредствѣ котораго также можно оказать услугу человѣчеству. Притомъ Гаюи, сидя безъ дѣла и получая жалованье, желалъ употребить свободное время на пользу государства, уплачивающаго ему содержаніе; и ему казалось, что она достигалась путемъ усовершенствованія такого изобрѣтенія, какъ телеграфъ, столь необходимый не только для цѣлей военныхъ, но и торговыхъ.

Этотъ плодъ своихъ трудовъ онъ предназначалъ для государя обширной имперіи, желая, чтобы въ рукахъ его изобрѣтеніе это сдѣлалось новымъ, въ особенности же мирнымъ средствомъ къ доставленію спокойствія Европѣ, страдающей уже 18 лѣтъ отъ ужасовъ войны, вышедшей изъ предѣловъ его отечества, которое само стало первою ея жертвою.

Это послѣднее пожеланіе Гаюи,—какъ каждому извѣстно,—осталось на степени неосуществившихся *via desideria*. Вѣроятно, и первое, болѣе скромное, состоявшее въ томъ, чтобы на его изобрѣтеніе было обращено правительствомъ должное вниманіе, слѣдуетъ отнести къ той же категоріи непонятыхъ современниками стремленій чловѣка, опередившаго свой вѣкъ.

Сопровождающій записку чертежъ, при отсутствіи въ ней техническихъ подробностей, остается для насъ непонятнымъ. Всемирная азбука, о которой упоминается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ матеріаловъ, состоитъ, какъ видно изъ нихъ, въ связи съ предлагаемою Гаюи системою телеграфовъ, оставаясь для насъ іероглифами, чающими своего Шамполіона.

Не удовольствовавшись этими теоретическими заявленіями, Гаюи, при помощи механика Вейцельмейера, построилъ небольшую модель своего телеграфа, на которой онъ демонстрировалъ его примѣненія въ квартирѣ президента академіи наукъ, Новосильцева, знакомя съ ними всѣхъ желающихъ, въ особенности ученыхъ. Когда, въ февралѣ 1808 г., морской министръ Чичаговъ предложилъ совѣту своего министерства на обсужденіе вопросъ: какая система телеграфовъ, англійская или французская, оказывается самую пригодною, Гаюи принялъ также участіе въ конкурсѣ, ознаменованъ адмирала (3 мая 1808 г.) съ подробностями своего изобрѣтенія.

На запросъ, сдѣланный Гаюи министромъ, чрезъ посредство генерала Карбоньера и графа де-Мастена: чтѣ онъ желаетъ получить за сообщеніе своего изобрѣтенія, онъ отвѣчалъ въ смыслѣ, упомянутомъ выше, что, будучи вызванъ императоромъ въ Россію для того, чтобы стать въ ней орудіемъ высокой благотворительности, онъ считаетъ время свое всецѣло принадлежащимъ его величеству. Такъ какъ, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, Гаюи не могъ до того времени посвятить себя вполне непосредственному призванію, то онъ, въ часы досуга, и занялся телеграфомъ, желая, чтобы и послѣдній принесъ странѣ пользу. Поэтому изобрѣтатель приподноситъ его императору, полагаясь въ остальномъ на его справедливость и доброту.

22-го мая 1808 г., Чичаговъ представилъ телеграфную модель Гаюи императору, а спустя нѣсколько дней, поручаетъ инженеру Бочкину построить по этой модели, въ Галерной гавани, телеграфъ въ настоящую величину. Ему отданъ былъ, кромѣ того, въ распоряженіе отрядъ матросовъ для обученія приемамъ обращенія съ аппаратами и веденію журнала телеграфной переписки.

Между тѣмъ Гаюи узнаетъ, что за Ораніенбаумомъ, возлѣ Бронной,

уцѣлѣли остатки прежнихъ телеграфныхъ приспособленій, за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ построенныя для неудавшихся опытовъ. Въ Кронштадтѣ и на противоположномъ берегу были мачты съ реями и 22-мя черными сигнальными шарами. Гаюи спѣшить къ министру, прося приостановить постройку въ Галерной гавани и заявляя, что въ видахъ экономіи онъ удовольствуется для своихъ цѣлей и тѣмъ, что уцѣлѣло отъ прежнихъ попытокъ. Хотя министръ изъявилъ на это согласіе, но, по независящимъ отъ Гаюи обстоятельствамъ, онъ могъ приступить къ своимъ опытамъ не ранѣе 20 іюля слѣдующаго года. Для нихъ онъ потребовалъ только 7 сигнальных шаровъ изъ 22, сохранившихся въ Кронштадтѣ.

Вслѣдствіе назначенія на мѣсто Чичагова новаго министра, маркиза де-Траверсе, эти опыты опять нѣсколько замедлились. Наконецъ, въ Кронштадтѣ, на берегу, обращенномъ къ Петербургу, установлена мачта съ тремя реями и 7 сигнальными шарами; фрегатъ „Церера“, отданный въ распоряженіе Гаюи, сталъ на якорь въ 6—7 верстахъ отъ столицы, и между Гаюи и капитаномъ фрегата Наумовымъ открылись, 26 августа 1809 г., переговоры. Они поразили быстротою и точностью, тѣмъ болѣе удивительными, что велись на языкѣ, капитану незнакомомъ, при пособіи ключа, который ежеминутно можно измѣнить, если представляется въ этомъ необходимость. Гаюи прибавлялъ, что поразившая присутствовавшихъ легкость, съ которою дѣйствовалъ его телеграфъ, не есть собственно его заслуга, а плодъ трудовъ его предшественниковъ, и не подозрѣвавшихъ, что ихъ изслѣдованія окажутъ такія услуги быстротѣ сообщений. Простота ихъ, скорость, точность передачи и соблюденіе тайны, достигнутыя при посредствѣ аппарата Гаюи, составляли, конечно, такія достоинства, которыя и требовались отъ хорошаго телеграфа.

Заинтересовался изобрѣтеніемъ Гаюи и петербургскій военный губернаторъ Балашовъ, навѣстившій его и пожелавшій ввести это изобрѣтеніе на каланчахъ сѣвѣжныхъ домовъ для подачи пожарныхъ сигналовъ.

Удовлетворяя заявленнымъ имъ требованіямъ—дешевизны и простоты,—Гаюи предложилъ Балашову, вмѣсто значительнаго количества шаровъ, выкидываемыхъ съ этою цѣлью, и еще флаговъ въ помощь имъ,—замѣнить эту сложную сигнальную систему однимъ только шаромъ на мачтѣ, безъ рей, перекладинъ и т. п. вспомогательныхъ знаковъ. Всѣ необходимыя для этой сигнальной службы сообщенія выражались, какъ сказано, однимъ шаромъ. Различныя разстоянія, на которыхъ онъ появлялся въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ, а также отъ дровка, передавали всѣ необходимыя приказанія и отвѣты.

22-го ноября 1809 г., 16-лѣтній сынъ Гаюи и другой юноша, Лакость, помѣщенные на разныхъ полицейскихъ каланчахъ, должны были подвергнуть испытанію это устройство. Балашовъ, въ запечатанномъ конвертѣ, отправлялъ какую нибудь фразу на одну станцію, съ которой она пере-

давалась на другую и доставлялась ему. Лишь одна депеша, послѣдняя была перепутана. Въ словѣ, состоявшемъ изъ 5 буквъ, только 3 первыя буквы были правильно переданы. Гаюи объясняетъ это тѣмъ, что солнце сѣло уже въ 3 часа 1 м., между тѣмъ какъ депеша была отправлена въ 4-мъ часу. Кромѣ наступившей темноты, Гаюи приписываетъ неудачу 16° мороза (по Реомюру), отъ котораго сынъ его сильно страдалъ на высотѣ. Наконецъ, кромѣ этихъ физическихъ помѣхъ, оказалось, что упомянутыя буквы, нарочно, вслѣдствіе злорадства или ради шутки, не изображали собою никакого слова ни на русскомъ, ни на какомъ другомъ языкѣ.

Въ мартѣ слѣдующаго года, Гаюи вторично воспользовался каланчами на сѣвѣжныхъ домахъ для производства своихъ опытовъ, которые были также удачны, какъ и сдѣланные имъ между Кронштадтомъ и фрегатомъ.

Какъ самое устройство, такъ и шифровка телеграфа (состоявшая только изъ трехъ знаковъ) остаются, какъ сказано, непонятными для человѣка, имѣвшаго въ рукахъ только автографы и брошюры Гаюи о телеграфахъ. Возможно, что въ архивахъ министерствъ морскаго и военнаго сохраняются матеріалы, ихъ касающіеся. Было бы желательно,—если они тамъ находятся,—чтобы они были опубликованы. Конечно, въ вѣкъ электричества, изобрѣтеніе Гаюи утратило свой практическій смыслъ, но для исторіи развитія телеграфнаго дѣла оно все таки представляетъ интересъ. Изобрѣтатель увѣрялъ, что при помощи его телеграфа можно, отправивъ депешу изъ Петербурга въ Астрахань, получить, въ теченіе 24 часовъ, отвѣтъ на нее—быстрота, для тогдашняго времени, поразительная.

Были ли какіе нибудь практическіе результаты отъ этихъ попытокъ Гаюи или нѣтъ и, въ послѣднемъ случаѣ, произошла ли неудача отъ недостатковъ его изобрѣтенія, или по винѣ другихъ, для насъ теперь это совершенно безразлично. Важно было констатировать фактъ—какими задачами задавался этотъ пытливый и многосторонній умъ, безъ устали работавшій надъ высшими вопросами человѣческаго благосостоянія.

IX.

Между сотрудниками Гаюи, въ первый же годъ его дѣятельности, встрѣчаемъ, какъ видно изъ сообщеннаго выше, учителя музыки, французскаго эмигранта, принявшаго русское подданство, Луэ (Louet), прибывшаго въ Петербургъ четырьмя годами ранѣе Гаюи. Судьба этого человѣка представляетъ для насъ интересъ въ томъ смыслѣ, что въ ней принималъ участіе Гаюи. Кромѣ того сохранившіеся въ нашихъ матеріалахъ отрывки бросаютъ свѣтъ на отношеніе къ нему властей, въ зависимости которыхъ состояли оба иностранца.

А. Скребицкій.—В. Гаюи.

Мы считаемъ, поэтому, не лишнимъ коснуться, въ видѣ эпизода, опредѣленія и удаленія Луэ изъ института для слѣпыхъ.

27 апрѣля 1807 г. Александръ Луэ, въ письмѣ къ гр. Завадовскому, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, объяснялъ, что, потерявъ все свое состояніе во Франціи, онъ прибывъ, три года тому назадъ, съ семьей въ Россію, разсчитывалъ, преподаваніемъ музыки, которую онъ знаетъ основательно (чему доказательствомъ служатъ разныя его музыкальныя произведенія), снискивать средства существованія. Естественно, говоритъ Луэ, что казенное мѣсто, на которомъ онъ имѣлъ бы случай примѣнять свои познанія, соотвѣтствовало бы болѣе всего его цѣлямъ.

Узнавши, что Гаюи, по приглашенію императора, явился въ Петербургъ основать здѣсь институтъ для слѣпыхъ, Луэ предложилъ ему свои услуги. Въ теченіе полугода онъ обучалъ ученика Гаюи, Фурнье, и еще двухъ слѣпыхъ воспитанниковъ его заведенія, совершенно безвозмездно, разсчитывая, что успѣхи, ими оказанные (при этомъ онъ ссылался на одобреніе императрицы-матери, Маріи Феодоровны, въ присутствіи которой Луэ дирижировалъ 5 апрѣля), доставятъ ему возможность быть зачисленнымъ на коронную службу. Заслуживъ подобное признаніе своихъ заслугъ, подтверждаемыхъ и одобреніемъ самого Гаюи, Луэ просилъ гр. Завадовскаго опредѣлить его преподавателемъ музыки при вновь открытомъ институтѣ для слѣпыхъ.

Изъ прошенія, поданнаго Луэ на имя императора (въ іюнѣ 1808 г.), оказывается, что онъ получилъ желаемое назначеніе, но жалованіе (600 рублей въ годъ), стали ему выдавать только съ 10 августа 1807 г., дня утвержденія штатовъ, между тѣмъ какъ всѣ его сослуживцы получали его со дня начала занятій, хотя и штаты ихъ должностей были утверждены одновременно съ должностью учителя музыки. Находя это несправедливымъ, Луэ просилъ императора сравнить его въ этомъ отношеніи со своими сослуживцами.

Гаюи подтверждалъ (11 іюня 1808 г.), что Луэ началъ свои занятія съ немногочисленными слѣпыми, которыхъ ему удалось собрать, съ 29 сентября 1806 г.

На сколько этотъ несчастный находился въ затруднительномъ положеніи, видно изъ его прошенія (3 сентября 1808 г.) гр. Завадовскому, котораго онъ умоляетъ выдать ему жалованье за треть впередъ, какъ это разрѣшалъ Новосильцевъ, находившійся въ то время въ отпуску.

Министръ направилъ его къ барону Дольсту, который въ свою очередь, направилъ просителя къ министру, заявивъ, что безъ его письменнаго разрѣшенія ходатайство Луэ не можетъ быть удовлетворено.

Послѣдній, исполняя это, обращается къ гр. Завадовскому (11 сентября 1808 г.) съ вторичной просьбой, присовокупляя, что до него дошли

слухи, что въ услугахъ его больше не нуждаются. (Смотри выше донесеніе барона Дольста, ревизовавшаго институтъ).

Луэ приводитъ въ защиту: свою 2-хъ-лѣтнюю службу, успѣхи воспитанниковъ, играющихъ и поющихъ болѣе 20 пьесъ, большую часть имъ же для нихъ нарочно сочиненныхъ, занятія съ ними три, даже 4 раза въ недѣлю по два часа; если же хоровое пѣніе идетъ неуспѣшно, то это происходитъ какъ отъ того, что число воспитанниковъ незначительно, такъ и потому еще, что не было средствъ создать рельефныя ноты. Тѣмъ не менѣе Луэ надѣялся, что черезъ полгода слѣпые его ученики будутъ въ состояніи пѣть русскую обѣдню.

Не подозрѣвая близкой бѣды, Луэ просилъ гр. Завадовскаго приказати отвести ему, наравнѣ съ другими преподавателями, квартиру въ самомъ заведеніи, обѣщанную ему Новосильцевымъ. Оставаясь, какъ и прежде, чуждымъ какого либо рода интригъ, онъ готовъ сообразоваться съ предъявленными ему измѣненіями въ преподаваніи музыки, тѣмъ болѣе, что онъ чувствуетъ себя способнымъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ въ этой области искусства. Проситель сомнѣвается въ справедливости слуха, что его намѣреваются замѣнить невѣжественнымъ скрипачемъ, или слѣпымъ музыкантомъ, неспособнымъ (?), по причинѣ своего физическаго недостатка, обучать музыкѣ слѣпыхъ же, или наконецъ, безкорыстнымъ любителемъ, предлагающимъ безвозмездно свои услуги, едва ли могущія обѣщать успѣхъ преподаванія (письмо гр. Завадовскому 14 сентября 1808).

Гаюи отстаиваетъ Луэ не съ точки зрѣнія кумовства или землячества, а по побужденіямъ педагогическаго свойства. Въ двухъ, поданныхъ имъ министру заявленіяхъ (3 августа и 13 сентября 1808 г.) онъ напоминаетъ ему о заявленныхъ имъ еще въ Парижѣ генералу Хитрову (въ 1803 г.) условіяхъ, необходимыхъ для успѣшнаго веденія заведенія. Гаюи ссылается на то, что онъ, между прочимъ, требовалъ, во 1-хъ, чтобы ни одинъ преподаватель не былъ опредѣляемъ въ его заведеніе безъ предварительнаго приготовленія и испытанія, и притомъ по конкурсу, и во 2-хъ, 30-ти-лѣтній опытъ убѣдилъ его, что институтъ для слѣпыхъ не можетъ быть приравниваемъ какому либо иному учебному заведенію съ учителями входящими. По мнѣнію Гаюи всѣ преподаватели такого учрежденія обязаны жить въ стѣнахъ его *).

Выходя изъ этихъ положеній, онъ находитъ, что Луэ удовлетворяетъ этому требованію въ томъ отношеніи, что изъ числа 5 преподавателей,

*) Въ этомъ отношеніи столѣтняя послѣдующая практика институтовъ всѣхъ странъ не подтвердила послѣдняго положенія Гаюи, по крайней мѣрѣ относительно учителей музыки, которые вездѣ входящіе, исключая такихъ заведеній, которыя носятъ характеръ консерваторій.

Мы считаемъ, поэтому, не лишнимъ коснуться, въ видѣ эпизода, опредѣленія и удаленія Луэ изъ института для слѣпыхъ.

27 апрѣля 1807 г. Александръ Луэ, въ письмѣ къ гр. Завадовскому, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, объясняетъ, что, потерявъ все свое состоянiе во Франціи, онъ прибывъ, три года тому назадъ, съ семьей въ Россію, разсчитывалъ, преподаваніемъ музыки, которую онъ знаетъ основательно (чему доказательствомъ служатъ разныя его музыкальныя произведенія), списывать средства существованія. Естественно, говоритъ Луэ, что казенное мѣсто, на которомъ онъ имѣлъ бы случай примѣнять свои познанія, соответствовало бы болѣе всего его цѣлямъ.

Узнавши, что Гаюи, по приглашенію императора, явился въ Петербургъ основать здѣсь институтъ для слѣпыхъ, Луэ предложилъ ему свои услуги. Въ теченіе полугода онъ обучалъ ученика Гаюи, Фурнье, и еще двухъ слѣпыхъ воспитанниковъ его заведенія, совершенно безвозмездно, разсчитывая, что успѣхи, ими оказанные (при этомъ онъ ссылался на одобреніе императрицы-матери, Маріи Феодоровны, въ присутствіи которой Луэ дирижировалъ 5 апрѣля), доставятъ ему возможность быть зачисленнымъ на коронную службу. Заслуживъ подобное признаніе своихъ заслугъ, подтверждаемыхъ и одобреніемъ самого Гаюи, Луэ просилъ гр. Завадовскаго опредѣлить его преподавателемъ музыки при вновь открытомъ институтѣ для слѣпыхъ.

Изъ прошенія, поданнаго Луэ на имя императора (въ іюнѣ 1808 г.), оказывается, что онъ получилъ желаемое назначеніе, но жалованіе (600 рублей въ годъ), стали ему выдавать только съ 10 августа 1807 г., дня утвержденія штатовъ, между тѣмъ какъ всѣ его сослуживцы получали его со дня начала занятій, хотя и штаты ихъ должностей были утверждены одновременно съ должностью учителя музыки. Находя это несправедливымъ, Луэ просилъ императора сравнить его въ этомъ отношеніи со своими сослуживцами.

Гаюи подтверждалъ (11 іюня 1808 г.), что Луэ началъ свои занятія съ немногочисленными слѣпыми, которыхъ ему удалось собрать, съ 29 сентября 1806 г.

На сколько этотъ несчастный находился въ затруднительномъ положеніи, видно изъ его прошенія (3 сентября 1808 г.) гр. Завадовскому, котораго онъ умоляетъ выдать ему жалованье за треть впередъ, какъ это разрѣшалъ Новосильцовъ, находившійся въ то время въ отпуску.

Министръ направилъ его къ барону Дольсту, который въ свою очередь, направилъ просителя къ министру, заявивъ, что безъ его письменнаго разрѣшенія ходатайство Луэ не можетъ быть удовлетворено.

Послѣдній, исполняя это, обращается къ гр. Завадовскому (11 сентября 1808 г.) съ вторичной просьбой, присовокупляя, что до него дошли

слухи, что въ услугахъ его больше не нуждаются. (Смотри выше донесеніе барона Дольста, ревизовавшаго институтъ).

Луэ приводитъ въ защиту: свою 2-хъ-лѣтнюю службу, успѣхи воспитанниковъ, играющихъ и поющихъ болѣе 20 пьесъ, болшею частью имъ же для нихъ нарочно сочиненныхъ, занятія съ ними три, даже 4 раза въ недѣлю по два часа; если же хоровое пѣніе идетъ неуспѣшно, то это происходитъ какъ отъ того, что число воспитанниковъ незначительно, такъ и потому еще, что не было средствъ создать рельефныя ноты. Тѣмъ не менѣе Луэ надѣялся, что черезъ полгода слѣпые его ученики будутъ въ состояніи пѣть русскую обѣдню.

Не подозрѣвая близкой бѣды, Луэ просилъ гр. Завадовскаго приказать отвести ему, наравнѣ съ другими преподавателями, квартиру въ самомъ заведеніи, общанную ему Новосильцевымъ. Оставаясь, какъ и прежде, чуждымъ какого либо рода интригъ, онъ готовъ сообразоваться съ предъявленными ему измѣненіями въ преподаваніи музыки, тѣмъ болѣе, что онъ чувствуетъ себя способнымъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ въ этой области искусства. Проситель сомнѣвается въ справедливости слуха, что его намѣреваются замѣнить невѣжественнымъ скрипачемъ, или слѣпымъ музыкантомъ, неспособнымъ (?), по причинѣ своего физическаго недостатка, обучать музыкѣ слѣпыхъ же, или наконецъ, безкорыстнымъ любителемъ, предлагающимъ безвозмездно свои услуги, едва ли могущія обѣщать успѣхъ преподаванія (письмо гр. Завадовскому 14 сентября 1808).

Гаюи отстаиваетъ Луэ не съ точки зрѣнія кумовства или землячества, а по побужденіямъ педагогическаго свойства. Въ двухъ, поданныхъ имъ министру заявленіяхъ (3 августа и 13 сентября 1808 г.) онъ напоминаетъ ему о заявленныхъ имъ еще въ Парижѣ генералу Хитрову (въ 1803 г.) условіяхъ, необходимыхъ для успѣшнаго веденія заведенія. Гаюи ссылается на то, что онъ, между прочимъ, требовалъ, во 1-хъ, чтобы ни одинъ преподаватель не былъ опредѣляемъ въ его заведеніе безъ предварительнаго приготовленія и испытанія, и притомъ по конкурсу, и во 2-хъ, 30-ти-лѣтній опытъ убѣдилъ его, что институтъ для слѣпыхъ не можетъ быть приравниваемъ какому либо иному учебному заведенію съ учителями приходящими. По мнѣнію Гаюи всѣ преподаватели такого учрежденія обязаны жить въ стѣнахъ его *).

Выходя изъ этихъ положеній, онъ находитъ, что Луэ удовлетворяетъ этому требованію въ томъ отношеніи, что изъ числа 5 преподавателей,

*) Въ этомъ отношеніи столѣтняя послѣдующая практика институтовъ всѣхъ странъ не подтвердила послѣдняго положенія Гаюи, по крайней мѣрѣ относительно учителей музыки, которые вездѣ приходящіе, исключая такихъ заведеній, которыя носятъ характеръ консерваторій.

изъявившихъ желаніе попытать свои силы на поприщѣ обученія слѣпыхъ, онъ самый старшій изъ пользовавшихся его совѣтати и руководствомъ. Гаюи не говоритъ ничего ни о Бушувѣ, ни о Прусскомъ, принятыхъ имъ безъ предварительнаго испытанія, изъ уваженія къ выбору правительства.

Начавъ свои занятія 29 сентября 1806 г. Луэ, одновременно съ своими спеціальными занятіями пѣніемъ, сольфеджіо, композиціей и игрою на фортепiano, очень прилежно обучался у Гаюи способамъ передачи слѣпымъ правилъ своего искусства, и пока ихъ не усвоилъ вполне, преподавалъ имъ тѣ части его, которыя одинаково доступны какъ слѣпымъ, такъ и зрячимъ. Гаюи свидѣтельствовали, что Луэ пропускалъ уроки только по случаю разведенія мостовъ на Невѣ и одно время, по случаю несчастія, постигнаго его жену. Такою аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей не можетъ похвалиться ни одинъ изъ тѣхъ, которые упрекаютъ его теперь въ нерадѣніи къ нимъ.

Для характеристики политическихъ убѣжденій Гаюи не лишено интереса передать еще слѣдующіе доводы его въ пользу благонадежности Луэ, правда, довольно шаткіе, съ которыми не все согласятся. Гаюи говоритъ въ заключеніе своего защитительнаго объясненія предъ министромъ: наконецъ, я долженъ указать еще на обстоятельство, которое заставляетъ меня замолвить за Луэ слово: онъ жертва своей преданности несчастному семейству Вурбоновъ. Кромѣ того, прибавляетъ Гаюи, господинъ министръ не упуститъ изъ виду и того, что въ ту пору, когда правительство русское требовало отъ французскихъ эмигрантовъ доводовъ своей благонадежности, Луэ принялъ русское подданство...

Притомъ квартира, предназначенная для Луэ отсутствующимъ Новосильцевымъ, остается до сихъ поръ никѣмъ незанятою. Это причиняетъ заведенію ежегодный убытокъ въ 200 рублей, чего экономя (Бушувѣ), не смотря на неоднократныя представленія Гаюи, не желаетъ принять въ соображеніе.

Онъ совѣтуетъ Луэ обратиться, черезъ посредство барона Дольста, къ министру, предполагая, что оно окажется полезнымъ не только для просителя, но и для самого института, какъ это случалось во Франціи, гдѣ подобныя ходатайства всегда увѣнчивались успѣхомъ, главнымъ образомъ потому, что между правительствомъ и учрежденіемъ въ качествѣ посредниковъ являлись люди, замѣчательные не столько знатностью происхожденія, сколько отличавшіеся благородствомъ характера и умомъ.

Все эти представленія не привели ни къ чему.

Баронъ Дольстъ, письмомъ отъ 19 сентября 1808 г., увѣдомилъ Гаюи, что Луэ запрещено продолжать свои музыкальныя занятія въ институтѣ... На его мѣсто назначены (16 сентября), министерствомъ, вслѣд-

ствіе причинъ, изложенныхъ въ рапортѣ Дольста, дворянинъ Жилинъ, съ отводомъ ему квартиры въ заведеніи, которой напрасно добивался Луэ, и нѣкто Эттеръ, согласившійся служить безъ жалованья, за что ему и была объявлена признательность министра...

Изъ послѣдующаго выясняется, что тотъ самый баронъ Дольстъ, на справедливое заступничество котораго предъ графомъ Завадовскимъ въ этомъ дѣлѣ рассчитывалъ наивный французскій легитимистъ, былъ главною причиною испытанной имъ неудачи.

Считая дѣло свое потеряннымъ, Луэ вновь отправился къ министру (7 октября) съ просьбой — удовлетворить его по крайней мѣрѣ за музыкальный репертуаръ, состоящій изъ 30-ти пьесъ, составленный имъ, въ бытность его учителемъ музыки, исключительно для слѣпыхъ воспитанниковъ. Онъ уже не жалуется на то, что его оставили, черезъ 5 недѣль послѣ начала учебнаго года (который считали въ то время съ 10 августа — дня подписанія устава), не предупредивъ даже его о предстоящемъ увольненіи и не объяснивъ даже причины увольненія. Онъ сообщаетъ только графу Завадовскому, что, не ожидая подобной неудачи, онъ отказался отъ уроковъ, совнадавшихъ, по времени, съ его обычными занятіями въ институтѣ. Полагая, что предстательство за него графа Павла Александровича Строганова и его русское подданство (!) будутъ достаточными мотивами, чтобы вознаградить его за упомянутые труды (о непуплоченномъ ему жалованьи за все время его занятій до утвержденія устава, онъ уже не упоминаетъ!), по мѣрѣ великодушія его сіятельства и согласно тому, какъ графъ признаетъ справедливымъ.

Черезъ три недѣли (26 октября) Луэ рѣшается напомнить министру, графу Завадовскому, не столько о своемъ правѣ, сколько объ данномъ имъ обѣщаніи графу Строганову вознаградить его за оставленный имъ институту репертуаръ, вокальный и инструментальный, которымъ воспитанники продолжаютъ пользоваться при вновь назначенныхъ учителяхъ, его преемникахъ, составленіе котораго не входило непосредственно въ кругъ его обязанностей. Полагая, что правительство не воспользуется даромъ плодами его труда, оставленными заведенію, Луэ надѣется, что министръ не сочтетъ вознагражденіе по 20 рублей за каждую пьесу (ихъ всѣхъ было 30) чрезмѣрнымъ. Онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему еще жалованья за послѣднюю треть (200 руб.), въ началѣ которой онъ занимался съ воспитанниками. Луэ считалъ эту просьбу тѣмъ болѣе справедливою, что при внезапномъ увольненіи министерство не указало какихъ либо мотивовъ своего неудовольствія.

Заключительное обращеніе Луэ къ гр. Завадовскому бросаетъ свѣтъ на жалкое положеніе, въ которомъ находились нѣкоторые французскіе эмигранты, искавшіе обѣтованной земли въ Россіи. „Графъ“ молитъ министра, „я пользовался на родинѣ громаднымъ состояніемъ, револ-

лишила меня его. Нынѣ, принявъ русское подданство, мнѣ приходится, для содержанія моей семьи, рассчитывать только на мое знаніе, на мой талантъ. Я уповаю на русское гостепріимство и на покровительство правительства!“

Луэ пришло горько разочароваться въ своихъ надеждахъ. Если многіе его соотечественники тогдашней эпохи нашли у насъ даже больше, чѣмъ ожидали и больше, чѣмъ заслуживали, то съ другой стороны, какъ мы видимъ изъ судьбы самого Гаюи, знаніе и таланты не всегда оцѣнивались достойнымъ образомъ.

Допустимъ, что Луэ вполнѣ заслуживалъ, за свои труды, немногого, чего добивался, о чемъ просилъ. Съ нимъ, положимъ, поступили несправедливо, незаслуженно. Но если сравнить заслуги Гаюи и сдѣланную ему оцѣнку въ Россіи, то, при сравненіи судьбы обоихъ, окажется, что Гаюи могъ позавидовать Луэ. Последний, по своему развитію, былъ не болѣе какъ аристократъ, превратностями судьбы заброшенный на чужбину, гдѣ ему пришлось добывать насущный кусокъ хлѣба музыкальнымъ талантомъ, который случайно ему пригодился въ тяжелую минуту жизни. Большихъ правъ на вниманіе онъ не могъ предъявить. Но каково было тому чело-вѣку, котораго, какъ мы знаемъ, совершенно справедливо сопричисляють къ лику благодѣтелей чело-вѣчества, выбиваться изъ этой паутины, которою опутало его ничтожное, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, чиновничество?

Гр. Завадовскій не снѣшилъ отвѣтомъ, какъ видно изъ того, что Луэ вновь обратился къ нему (2-го ноября) съ письмомъ, прося назначить ему *какое угодно* вознагражденіе за упомянутый выше музыкальный репертуаръ (у mettre un prix quelconque).

Въ декабрѣ (22-го) вспомнили о томъ, чего просилъ Луэ государя еще въ іюнѣ. Это видно изъ того, что по высочайшему повѣленію Петръ Степановичъ Молчановъ препровождаетъ гр. Петру Васильевичу Завадовскому іюнскую просьбу Луэ объ удовлетвореніи его жалованьемъ за исправленіе имъ должности въ институтѣ до его опредѣленія.

Завязалась переписка по этому поводу между департаментомъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ петербургскаго округа о доставленіи свѣдѣній, подтвердившая показанія какъ Гаюи, такъ и Луэ, что послѣдній занимался въ институтѣ слѣсныхъ 9 мѣсяцевъ (съ 29 сентября 1806 г.) до утвержденія штатовъ, безъ жалованія. *).

Сообщая (8 января 1809 г.) объ этомъ статскъ секретарю П. С. Молчанову, гр. Завадовскій прибавилъ къ этому: „но и безъ свѣдѣнія на-

*) Собирая эти свѣдѣнія не было ни малѣйшей надобности, такъ какъ они были доставлены гр. Завадовскому Новосильцевымъ еще въ маѣ.

чалства, да и т. малому тогда числу слѣсныхъ воспитанниковъ могъ только заниматься *) обученіемъ сына упомянутого профессора и привезеннаго имъ изъ Парижа воспитанника **). Поелику же директоръ здѣшнихъ училищъ, баронъ Дольстъ, донесъ, что Луэ по русски не говорить и обучать ни на какомъ другомъ инструментѣ, кромѣ фортепіано (и то слабо—прибавлено на отпускѣ рукою министра), не можетъ, слѣдовательно бесполезенъ для института, а сверхъ сего твердилъ дѣтямъ непристойныя пѣсни, то по симъ причинамъ отъ института давно уволенъ и я замѣнилъ его другими, *всма* (такъ въ подлинникѣ рукою министра) способными учителями музыки, при которыхъ ученики лучше успѣваютъ.“

Гр. Завадовскій оставилъ министерство народнаго просвѣщенія, не рѣшивъ труднаго вопроса объ удовлетвореніи Луэ.

При его преемникѣ, графѣ Алексѣѣ Кирилловичѣ Разумовскомъ, черезъ полтора года послѣ подачи Луэ послѣдней просьбы, дѣло его всплываетъ вновь.

Изъ письма прикованнаго къ постели болѣзнію Луэ къ гр. Разумовскому (въ іюнѣ 1810) узнаемъ, между прочимъ, что баронъ Дольстъ, главный виновникъ мелочной интриги, отставленъ за злоупотребленія отъ службы; его клевететь, занявшій мѣсто Луэ въ институтѣ, не заслуживаетъ названія музыканта: воспитанники не дѣлаютъ никакихъ успѣховъ въ этомъ предметѣ. Время доказало полнѣйшую его неспособность, въ противоположность увѣреніямъ гр. Завадовскаго.

*) Напечатанное курсивомъ вычеркнуто и исправлено рукою министра: *онъ только занимался...*

**) Это противорѣчитъ выше сообщенному свѣдѣнію насчетъ того, что Луэ заслужилъ одобреніе императрицы Маріи Феодоровны за успѣхи *слѣсныхъ* въ музыкѣ. Нельзя предпологать, чтобы *зрѣлій* сынъ Гаюи былъ въ числѣ представленныхъ ей. Возможно, что онъ тоже пользовался частными уроками Луэ, и что число слѣсныхъ воспитанниковъ, какъ мы знаемъ изъ изложеннаго, было очень незначительно. Но мы знаемъ, кто былъ причиной этой малочисленности. Притомъ заявленіе министра, какъ мы видимъ изъ подлиннаго документа Гаюи (22 іюня 1809 г.), оказывается неврѣннымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Изъ него мы узнаемъ, что въ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, обучались *сопфеджю*, игрѣ на фортепіано и на *violoncelли*—Фурнѣ, приготовляемый въ репетиторы; *пьяно* учились: Стагинъ, Фокинъ и Коноваловъ; игрѣ на *скрипкѣ*—Лефевръ. Въ это время былъ учителемъ музыки Луэ, и какъ видно изъ этого перечисленія, обучалъ не одной игрѣ на фортепіано.

Если этотъ, случайно сохранившійся документъ, свидѣтельствуетъ о неврѣнности заявленія министра въ одномъ отношеніи, то мы имѣемъ право нѣсколько усумниться и въ томъ, что Луэ обучалъ дѣтей „непристойнымъ пѣснямъ.“ Если предположить, что онъ былъ способенъ на это, то характеръ Гаюи служитъ намъ порукою, что онъ его къ этому не допустилъ бы.

Гр. Разумовскій, убѣдившись, вѣроятно, что въ поведеніи барона Дольста въ дѣлѣ Луэ, главную роль играла интрига и желаніе перваго пристроить роднаго человѣчка, неостановившееся даже передъ клеветою, исправилъ недосмотръ своего предшественника. По его представленію императору, послѣдній разрѣшилъ (12 августа 1810 г.) выдать Луэ, изъ общаго училищнаго капитала, пятьсотъ рублей въ вознагражденіе за исправленіе имъ въ институтѣ, до утвержденія штата оному, должности учителя музыки безъ жалованія, а также за оставленныя Луэ въ пользу воспитанниковъ института музыкальныя его сочиненія.

X.

Еще нѣсколько словъ, въ заключеніе, о послѣднихъ годахъ жизни Гаюи въ Парижѣ.

Возвратившись на родину, къ брату, знаменитому минералогу, члену Института Франціи, Гаюи не находилъ уже себѣ дѣятельности на излюбленномъ поприщѣ, имъ же созданномъ. Не только болѣзнь и старость вступали уже въ свои права, но современники, не понимавшіе всего значенія его стремленій,—какъ это часто случается съ людьми, опередившими свой вѣкъ,—успѣли почти позабыть Гаюи. *Мода* на него миновала. Не до него было въ періодъ войнъ имперіи. Помнили его только нѣкоторые слѣпые воспитанники... Для большинства же онъ былъ какъ бы пришельцемъ, вставшимъ изъ могилы. Были однако и такіе (конечно, немногіе), для которыхъ появленіе Гаюи въ Парижѣ казалось опаснымъ. Они чуяли въ немъ возможнаго еще соперника, и съ эгоизмомъ, свойственнымъ низкимъ натурамъ, приложили стараніе устранить его.

Одною изъ такихъ личностей былъ Гилье (Guillié), директоръ института слѣпыхъ при Бурбопахъ, отдѣлившихъ, по совѣту того же Гаюи, это училище отъ богадѣльни, съ которою оно было слито, какъ мы видѣли выше, при Наполеонѣ I. Когда Гаюи, возвратившись въ Парижъ изъ Петербурга, явился въ институтъ взглянуть на его устройство, Гилье приказалъ выпроводить его изъ заведенія, подъ предлогомъ, что Гаюи — революціонеръ! *) Благонамѣренный легитимистъ былъ правъ, только не съ своей точки зрѣнія. Гаюи, дѣйствительно, произвелъ *переворотъ*—во взглядахъ на положеніе въ обществѣ слѣпыхъ и на судьбу послѣднихъ...

Низкая душа Гилье сказала еще въ другомъ поступкѣ, глубоко оскорбившемъ бѣднаго Гаюи. Какъ безстыдны бываютъ люди, желающіе умалять заслуги другаго, которыми они пользуются, чтобы выставить соб-

ственные, несуществующія,—примѣръ этому представляетъ тотъ же Гилье, конечно, не первый и не послѣдній подвижникъ въ своемъ родѣ. Онъ издалъ двѣ брошюры: „Очеркъ исторіи заведенія“, котораго состоялъ директоромъ,—одну, напечатанную типографскими чернилами, для избранной публики, а другую—такого же содержанія, печатанную рельефомъ, для слѣпыхъ. Что онъ, желая умалять заслуги Гаюи, морочилъ публику, утверждая, что вся заслуга возникновенія и правильной постановки образованія слѣпыхъ во Франціи принадлежитъ то Людовику XVI, то Человѣколюбивому обществу, то какому-то неизвѣстному существу, подразумеваемому имъ подъ французскимъ мѣстоименіемъ *онъ*,—это все можно понять въ виду некомпетентности среды, къ которой онъ обращался или передъ которой заискивалъ. Но невозможно понять, какъ онъ могъ повторять то же самое въ изданіи, напечатанномъ рельефомъ, предназначенномъ для слѣпыхъ, которые не забыли, *кому* они обязаны своимъ умственнымъ и нравственнымъ спасеніемъ... Они помнили, что Лезюёръ былъ первый по времени ученикъ, котораго пріютилъ Гаюи въ 1784 г.; они знали, что первая школа была основана имъ въ 1785 г., на *собственныхъ* средствахъ. Многіе сами жили въ ней, въ Rue Coquillière. Они не успѣли забыть, что только въ 1786 г. онъ сталъ получать для нея небольшое вспомошествованіе отъ новаго „человѣколюбиваго общества“, что тогда же они были перемѣщены въ rue N. D. des Victoires, что въ томъ же году слѣпые давали концертъ въ Версалѣ, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ принимали личное участіе. И этимъ-то людямъ, хотя и слѣпымъ, но все таки не утратившимъ памяти и чувства справедливости, Гилье даетъ въ руки книгу, изъ которой они узнаютъ: что первыя попытки обученія во Франціи были сдѣланы въ 1771 г., что нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Лезюёръ, содержались въ Rue N. D. des Victoires на счетъ Человѣколюбиваго общества; и что въ 1784 г.—когда первый по времени ученикъ Гаюи сидѣлъ еще на паперти церковной, собирая подаянія—слѣпые воспитанники приглашены были въ Версаль...

Потомство возстановило, на этотъ разъ, истину. Въ часовнѣ монументальнаго зданія парижскаго института, на мраморной доскѣ, читаемъ, между прочимъ, слова: П (V. Haüy) établit d'abord à ses frais cette école... Конечно, смыслъ этихъ словъ не тотъ, что онъ, бѣднякъ, безъ средствъ, воздвигъ миллионный дворецъ несчастію ближняго, а тотъ, что онъ вдунулъ душу въ это учрежденіе. Этими нѣсколькими словами родина Гаюи заявила, хотя и позднее, признаніе, что не тѣхъ она считаетъ основателями подобныхъ учреждений, которые на чужія деньги возводятъ постройки, а тѣхъ, которые вселяютъ въ нихъ „душу живу“. И на Гаюи оправдалась справедливость древней, но всегда новой поговорки: нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ.

Не сталъ онъ имъ и въ чуждой ему Россіи, даже въ ту эпоху, когда

*) Que Haüy avait donné dans la révolution—гласило обвиненіе.

многіе искатели приключеній изъ его соотечественниковъ успѣвали отлично устранивать въ ней свои дѣла. Въ виду такого примѣра, — не одиночнаго, конечно, — вѣрнѣе было бы видоизмѣнить всѣмъ известную поговорку, примѣнительно къ людямъ, похожимъ на Гаюи. Про нихъ правильнѣе было бы выражаться: рѣдко удается имъ быть пророками между современниками; почетъ этотъ иногда выпадаетъ на ихъ долю среди потомства.

19-го марта 1822 г., 77 лѣтъ, Гаюи сошелъ въ могилу *).

Мы имѣли случай убѣдиться, какъ злая судьба преслѣдовала Гаюи. И на родинѣ, и на чужбинѣ онъ оставался непонятнымъ, неоцѣненнымъ по достоинству. Ближайшее потомство, уже наглядно пользуясь его починомъ и указаніями, тоже забыло бы его, еслибы два человѣка, Дюфо и Гаде, не освѣжили въ памяти имя подвижника, которому тысячи несчастныхъ уже были обязаны своимъ нравственнымъ и умственнымъ возрожденіемъ.

Такова, вообще, судьба скромныхъ тружениковъ, бросающихъ въ обиходъ великія мысли, плодотворныя по своимъ послѣдствіямъ не въ одномъ только мірѣ нравственныхъ идей. То же самое мы видимъ и въ области положительнаго знанія. Изобрѣтатель въ сферѣ послѣдняго рѣдко наслаждается плодомъ своего многолѣтняго труда и научныхъ изслѣдованій. Имъ пользуются люди заурядные, часто безъ знанія, вся заслуга которыхъ состоитъ только въ томъ, что они обладаютъ средствами осуществить на практикѣ то, на что ушла вся жизнь гениальнаго изобрѣтателя, затрачены всѣ его наличныя матеріальныя средства. Первымъ принадлежитъ и почетъ толпы. Житейскій успѣхъ на ихъ сторонѣ; передъ ними толпа и преклоняется. Изрѣдка вспоминаютъ о виновникахъ великихъ идей, платя позднюю дань благодарности въ видѣ памятниковъ. Но ихъ прахъ уже недоступенъ никакимъ радостямъ, точно также какъ и горе свое они унесли въ могилу, часто забытую или просто — неотысканную... Мы знаемъ, какъ потомки снаряжаютъ цѣлыя комиссіи изъ анатомовъ, которымъ поручаютъ, въ грудѣ кладбищенскихъ костей, по черепамъ, отыскивать признаки человѣка, памяти котораго желаютъ воздвигнуть памятникъ; мы встрѣчаемъ въ спеціальныхъ журналахъ горячіе споры, вызываемые такими поисками... Можно ли послѣ этого приписывать особое значеніе постановкѣ памятниковъ? Если прибавить къ сказанному еще то обстоятельство, что ихъ нерѣдко воздвигаютъ и людямъ ничтожнымъ, въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, то въ отвѣтъ сомнѣваться нельзя.

*) Онъ похороненъ на парижскомъ кладбищѣ Père-Lachaise (60-me division). Надъ могилой его находится гранитный параллелоипедъ, сооруженный на средства его слѣпыхъ учениковъ.

Но памятники въ ходу, и потому не слѣдуетъ мѣшать потомству заплатить, хотя бы въ этой запоздалой формѣ мѣдной хвалы долгъ человѣку гениальному или подвижнику добра, оставившему благотворный слѣдъ въ обществѣ. Очередь дошла, болѣе четверти столѣтія послѣ смерти, и до Гаюи. Молодой скульпторъ, Baidon de-la-Tronchère, часто посѣщая, по дѣламъ службы, парижскій институтъ для слѣпыхъ, возимѣлъ счастливую мысль увѣковѣчить образъ его создателя. Модель изъ гипса появилась на парижской художественной выставкѣ 1855 г. Группа изображаетъ Гаюи въ тотъ моментъ его жизни, когда онъ отыскиваетъ Лезюэра, нищаго слѣпца, на церковной паперти. Взоръ его обращенъ на этого, по времени, перваго ученика; лѣвая рука покоится на его головѣ. Лезюэръ, босоногій, въ рубищахъ, представленъ въ сидящемъ положеніи, съ открытою книгою на колѣняхъ, на страницахъ которой онъ осязаніемъ разбираетъ изображенныя рельефомъ слова: Valentin Haüy. Вокругъ этой группы — учебныя пособія, служащія для образованія слѣпыхъ.

Злой рокъ, преслѣдовавшій Гаюи во время жизни, какъ будто продолжалъ свое дѣло и за его могилой. Когда ваятелю поручено было изслѣчь изъ бѣлаго мрамора его модель, образована была особая комиссія по сооруженію памятника. Въ нее не вошло ни одно изъ лицъ педагогическаго состава института, хотя по роду своей дѣятельности, по ея преемственности, эти лица стояли, казалось бы, ближе всего къ Гаюи, какъ ихъ родоначальнику по духу... Члены совѣщательнаго комитета института захватили веденіе дѣла въ свои руки. Другими словами: представители бюрократизма, отравлявшіе жизнь Гаюи на родинѣ и на чужбинѣ, явились въ качествѣ воспріемниковъ при сооруженіи ему памятника.

Они и поставили его безъ дальнихъ околичностей на дворѣ института, передъ главнымъ фасадомъ зданія, какъ ставятъ какой нибудь фонарь, на указанномъ властями мѣстѣ. Они не обмолвились при этомъ ни очеркомъ жизни, ни оцѣнкою дѣятельности Гаюи, ни просто душевнымъ словомъ...

Оскорбленные преемники по дѣятельности Гаюи не могли быть удовлетворены такою свалкою памятника на дворѣ ихъ учрежденія. Они протестовали противъ такого отношенія къ нему, и настояли на томъ, что онъ, простоявъ на своемъ мѣстѣ болѣе года, былъ наконецъ открытъ, 10-го августа 1861 г., съ участіемъ всего состава института и прежнихъ его питомцевъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Франціи и сопредѣльныхъ ей странъ. Рѣчи произнесены были тоже слѣпыми, знавшими лучше наполеоновскихъ чиновниковъ, чѣмъ они были обязаны виновнику торжества. Между ними была особенно замѣчательна импровизація Александра Роденбаха, депутата бельгійской палаты представителей, одного изъ первыхъ по времени учениковъ Гаюи, оставившаго очень замѣтный слѣдъ въ жизни своей родины проведеніемъ многихъ законовъ, касавшихся экономическаго и умственнаго благосостоянія Бельгіи. За эти оказанныя имъ заслуги,

страна и послала Роденбаха своимъ выборнымъ въ палату въ теченіе болѣе 30 лѣтъ. Отсутствіе зрѣнія, очевидно, не мѣшало ему быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ, а послѣдніе, признавая заслуги слѣпца, отрѣшившись отъ предрасудковъ, цѣнили въ немъ замѣчательнаго общественнаго дѣятеля. Человѣкъ этотъ, вмѣстѣ съ сотнями другихъ товарищей по несчастію, былъ у подножія памятника Гаюи живымъ доказательствомъ значенія и благотворности идеи, провозглашенной и завѣщанной человѣчеству на пользу обездоленной его части.

Меня могутъ упрекнуть, что сообщенные факты не исчерпываютъ заглавія, не уясняютъ вполне темы, которою я задался. Упрекъ вполне справедливый, но едва ли заслуженный, потому что я старался сдѣлать все, что только возможно было, изъ скуднаго, односторонняго, отрывочнаго матеріала, находившагося въ моемъ распоряженіи. Не моя вина, что изъ довольно полнаго — вѣроятно — собранія документовъ, сохранились только отрывки, случайно попавшіе подъ архивную иглу какого-то чиновника-невѣжды. Я пытался воспользоваться и ими, чтобы воспроизвести въ воображеніи читателя картину прошлаго, если не въ законченной формѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ калейдоскопическихъ наброскахъ. Читателю и судить — достигъ ли я цѣли, располагая такими источниками.

Мнѣ же кажется, что и въ этомъ видѣ передъ нами слегка обрисовались нѣкоторые дѣятели начала текущаго столѣтія въ ихъ будничномъ облаченіи, — вѣдь не надѣвать же имъ было свои официальные тоги передъ какимъ нибудь скромнымъ труженикомъ, — и по сообщенному можно заключить, что три четверти вѣка тому назадъ, какъ и сегодня, благія начинанія разбиваются о невѣжественное и чисто формальное отношеніе исполнителей; что человѣку частному, какимъ былъ Гаюи, — будь онъ причисленъ въ потомствѣ къ лику благодѣтелей рода человѣческаго, обладай онъ недюжинною энергіей, — на неблагодарной почвѣ никакого дѣла не найдется. Посреди плевелъ нѣтъ мѣста полезному растенію. Они заглушаютъ его. Исчезнетъ даже слѣдъ его ростковъ!.. *).

*) Извлеченіе изъ этого очерка, переведенное съ рукописи женой автора, Маріей Семеновной С., посланное въ Парижъ ко дню празднованія столѣтняго юбилея В. Гаюи (2/14 мая 1884), издано было на счетъ французскаго правительства еще въ 1884 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ, 53 стр. (Paris, Imprimerie de la Société de Typographie, rue Campagne première, 8). Въ переводѣ исключены были мѣста, извѣстныя французамъ.

Монографія эта составляетъ историческое введеніе къ труду автора, начатому болѣе пяти лѣтъ назадъ, подъ заглавіемъ: „Воспитаніе, образованіе и зрѣніе слѣпыхъ на Западѣ“. Вслѣдствіе особо сложившихся обстоятельствъ, оно

XI.

Предоставляю теперь свидѣтельница празднованія столѣтняго юбилея В. Гаюи въ стѣнахъ Institution Nationale des aveugles въ Парижѣ (2/14 мая 1884), передать видѣнное и слышанное въ этотъ день.

Торжество это было такъ знаменательно и трогательно, что не лишне сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя это сообщеніе можетъ многимъ показаться запоздалымъ, но вѣдь русская публика изъ предшествующаго впервые только узнала, кто былъ его виновникъ.

Роскошно убранное національными флагами и растеніями монументальное зданіе института слѣпыхъ представляло праздничный видъ. Каждый входящій за ограду, отдѣляющую бульваръ des Invalides отъ cour d'honneur (какъ говорятъ французы) благоговѣнно останавливался передъ прекрасной статуей, изображающей В. Гаюи, обучающаго своего перваго ученика.

Французы, мастера изящно декорировать, позаботились съ присущимъ имъ вкусомъ, объ убранствѣ памятника этого сѣтателя добра, тропическими растеніями и чудными цвѣтами.

Въ актовомъ залѣ, вдоль стѣнъ, на мраморныхъ доскахъ, золотыми буквами увѣковѣчена исторія учрежденія, неразрывно связанная съ главными моментами дѣятельности его основателя. На хорахъ, между органами, выдѣлялся, драпированный краснымъ бархатомъ, съ золотыми украшеніями, прекрасно изваянный мраморный бюстъ В. Гаюи, работы Дальона (Daillon), поднесенный заведенію къ этому дню министромъ просвѣщенія и искусствъ.

Торжество началось богослуженіемъ въ самой актовомъ залѣ, обращаемой по желанію, въ церковь, отдѣленной отъ алтаря занавѣсью. Духовное пѣніе, подъ звуки органовъ, было замѣчательно исполнено солистами и хорами воспитанниковъ и воспитанницъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни депутація послѣднихъ, во главѣ съ директоромъ (Martin), инспекторомъ — censeur (Levitte, пылъ къ общему

выдѣлено изъ цѣлаго, въ видѣ самостоятельной статьи, представляющей, можетъ быть, нѣкоторый интересъ и для неспеціалиста.

Послѣдующее, начиная со страницы 81-й, не состоитъ въ прямой связи съ дѣятельностью В. Гаюи. Оно помѣщено здѣсь только какъ матеріалъ для исторіи образованія слѣпыхъ въ Россіи. Изъ него читатель можетъ развѣ узнать какъ разныя вѣдомства, тяготясь этимъ вопросомъ, уклонялись отъ встрѣчи съ нимъ. Оно можетъ только лишній разъ подтвердить положеніе, что гдѣ нѣтъ сознанія въ необходимости извѣстной дѣятельности, гдѣ люди не проникнуты убѣжденіемъ неукосительнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, тамъ нечего разсчитывать на успѣхъ.

сожалѣнію уже покойникомъ) и всѣми преподавателями направилась къ кладбищу Père-Lachaise, поклониться праху ихъ великаго, высокочтимаго духовнаго спасителя. У могилы собрались и бывшіе питомцы института. Нельзя было безъ волненія слѣдить за выраженіемъ лицъ этихъ обездоленныхъ природой. На нихъ безъ труда можно было прочесть выраженіе безпредѣльной признательности, той признательности, которая доступна только нравственно развитымъ натурамъ, способнымъ оцѣнить оказанное имъ благо.

Окруживъ могилу, каждый слѣпецъ, по очереди, обошелъ надгробный памятникъ, дотрогиваясь до него руками. Принесенный прелестный вѣнокъ возложенъ былъ на него воспитанниками. Затѣмъ слѣпой преподаватель Гильбо (Guilbeau) сказалъ глубоко прочувствованную краткую рѣчь. Привожу ее въ дословномъ переводѣ:

„Мы, дѣти твоей творческой мысли, приносимъ на твою, Валентинъ Гаюи, высокочтимую могилу нашу безпредѣльную любовь и нашу вѣчную признательность, тебѣ, открывшему намъ міръ духовный и нравственный“.

„Ты, посвятившій всю свою жизнь и всѣ твои силы на наше возрожденіе, ты, стократно испившій чашу горькихъ разочарованій и выпесившій столько напраслилъ, обвиненій и оскорбленій, ты изстрадался за насъ“.

„Но этому продолжительному мученичеству положенъ предѣлъ. Господь, благословившій твою плодотворную мысль, далъ ей развиться и распространиться повсемѣстно“.

„Теперь пробилъ часъ славы твоей, той свѣтлой славы, ставящей тебя высоко въ исторіи, не въ средѣ громкихъ именъ, жизнь коихъ отмѣчена разрушеніями и бѣдствіями, но посреди выдающихся созидателей духовныхъ началъ, въ средѣ благодѣтелей человѣческаго рода“.

„Нынѣ имя твое окружено ореоломъ славы, его чтутъ и распространяютъ прозрѣвшіе, благодаря тебѣ, умомъ и сердцемъ. Уваженіе и любовь къ нему станутъ рости изъ поколѣнія въ поколѣніе“.

„Эта столѣтняя годовщина развитія идеи, возродившей и спасшей насъ отъ безконечныхъ страданій, это торжество сегодня нами празднуемое и есть первая ступень (première étape) къ безсмертію твоему, Валентинъ Гаюи, имени“.

Растроганные слышаннымъ изъ устъ слѣпца, посреди такой обстановки, присутствующіе изъ зрячихъ еще болѣе уяснили себѣ, какъ велико было благодареніе человѣка, вызвавшего, вполне заслуженно, такіа чувства.

Къ 8-ми часамъ вечера актовая зала стала вновь наполняться приглашенными, которыхъ собралось около тысячи человѣкъ.

Новымъ украшеніемъ къ выше сообщенному бросалась въ глаза крупная надпись золотыми буквами. Привожу это двустишіе:

„Les vertus et les arts lui prêtent leur flambeau
„Pour éclairer l'aveugle au fond de son tombeau.“

Въ четверть 9-го вошелъ въ залу Rousseau, представитель министерства, сопровождаемый директоромъ института и служащими. Послѣдній, открывъ собраніе, объявилъ о результатѣ конкурса на тему: „Похвальное слово Валентину Гаюи“.

Изъ 33-хъ представленныхъ работъ, премія въ 300 франковъ и серебряная медаль присуждена была Бернусу (Bernus), слѣпцу—преподавателю. Похвальныхъ листовъ удостоились: Pret, адвокатъ въ Парижѣ, Maurice de la Sizeranne, (издатель журналовъ о и для слѣпыхъ, носящихъ заглавія: Valentin Haüy и Louis Braille), Louis Pihan и de-Beauvais.

Прежде чѣмъ дать слово Бернусу, директоръ сказалъ: „Считаю долгомъ своимъ объявить собранію, что докторомъ Скребицкимъ доставлены намъ весьма цѣнные данныя, добытыя имъ изъ архивныхъ источниковъ, относящихся къ биографіи Валентина Гаюи за время пребыванія его, съ 1806 по 1817 г., въ Россіи. Документы эти собраны съ большими усиліями, а разработка ихъ стоила продолжительнаго и кропотливаго труда. Д-ръ Скребицкій съ семействомъ прибылъ къ намъ изъ Петербурга. Онъ присутствуетъ на сегодняшнемъ торжествѣ въ память человѣка, котораго онъ сталъ почитателемъ. Выразимте ему нашу признательность“. Предложеніе это встрѣтило въ средѣ собранія сочувственный откликъ. „Я долженъ еще, прибавилъ Martin, публично и отъ всей души высказать признательность директорамъ, преподавателямъ и всѣмъ, выразившимъ намъ, съ разныхъ концовъ Франціи и Европы*) по случаю празднуемаго нами сегодня юбилея, свое сочувствіе и поздравленія въ адресахъ, письмахъ и телеграммахъ, съ изъявленіями чувствъ вѣчной благодарности Валентину Гаюи. Мы не замедлимъ сообщить, на сколько мы тронуты этимъ и какъ намъ, французамъ, отрадно сознавать, что въ этотъ знаменательный день всѣ народы признаютъ нашего знаменитаго соотечественника „благодѣтелемъ человѣчества“. Затѣмъ Бернусъ приступилъ къ чтенію своей конкурсной рѣчи, прерываемой выраженіями одобренія. Съ любопытствомъ и вниманіемъ слѣдили присутствующіе за слѣпцомъ, читавшимъ съ рукописи осезаніемъ также бѣгло, какъ зрячій. Передавать ея содержаніе, послѣ изложеннаго выше, полагаю излишнимъ, тѣмъ болѣе, что данныя, доставленные о пребываніи Гаюи въ Россіи, не могли быть тогда извѣстны оратору.

Послѣ ея окончанія Rousseau, выразивъ отъ имени министра, живѣйшую

*) Исключая Россіи, прибавимъ отъ себя...

благодарность всемъ достойнымъ послѣдователямъ В. Гаюи, роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ награды. Онъ особенно горячо отозвался о поднесенномъ международномъ адресѣ министру, въ вѣдѣніи котораго состоитъ учрежденіе, за подписью руководителей институтовъ слѣпыхъ *) въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, въ которомъ выражено глубокое уваженіе памяти В. Гаюи и благодарность его родинѣ.

Вечеръ кончился блестящимъ концертомъ, съ участіемъ нѣсколькихъ знаменитостей музыкальнаго міра. Программа состояла: изъ кантаты Валентину Гаюи, V. Paul-я, симфонической оды: Au crepuscule, Lebèl-я, слѣпнаго профессора музыки института, Invocation: Qui te sert, o Maître suprême.

Изъ числа слѣпыхъ особенное вниманіе обратили на себя солисты: Degeorges, теноръ, и дѣвица Diehl, сопрано; на инструментахъ выдающимися музыкантами выказались: Marty, Mahout, Legrand, Syme и Bouriello.

Впечатлѣніе, вынесенное присутствующими послѣ такого дня, было настолько сильно и глубоко, что конечно, оно не скоро изгладится изъ ихъ памяти.

На слѣдующій день воспитанники и воспитанницы получили отпускъ, а преподаватели, съ бывшими питомцами, устроили, по подпискѣ, обѣдъ, на который были ими приглашены нѣсколько лицъ въ качествѣ почетныхъ гостей, впрочемъ въ ограниченномъ числѣ.

Директоръ и здѣсь воспользовался случаемъ еще разъ упомянуть о полученныхъ имъ цѣнныхъ матеріалахъ и адресахъ, выразивъ на этотъ разъ отъ имени институтскаго персонала искреннюю за нихъ признательность.

Обмѣнъ самыхъ прочувствованныхъ рѣчей вызвалъ рядъ тостовъ за упроченіе въ будущемъ тѣхъ началъ, отъ которыхъ зависитъ правдивный подъемъ и сносное матеріальное существованіе слѣпца, обреченнаго до Гаюи, прозябать и нищенствовать.

Только поздній часъ заставилъ разойтись людей, близкихъ по мысли и стремленіямъ.

Памяти же Валентина Гаюи было посвящено еще другое, изъ ряду выдающагося, музыкальное торжество.

6—18 го іюня н. ст. въ залѣ Трокадеро, вмѣщающемъ около 6-ти тысячъ человѣкъ, подъ управленіемъ знаменитаго Гуно (Gounod) была, съ уча-

*) Опять таки—исключая русскихъ...

стіемъ первокласныхъ солистовъ и 350 исполнителей, исполнена впервые въ Парижѣ его Redemption *).

Сборъ съ этого концерта—monstre назначенъ былъ для поддержанія вновь открытыхъ Ateliers d'aveugles—мастерскихъ для слѣпыхъ.

Хотя цѣны мѣстъ были значительно повышены, Palais du Trocadéro былъ полонъ.

Кромѣ этого расходились, по высокимъ цѣнамъ въ большомъ количествѣ, съ замѣчательнымъ художествомъ исполненные афиши на бѣломъ атласѣ и на пергаментѣ. Выручка за нихъ тоже предназначалась въ пользу слѣпцовъ-ремесленниковъ. Общаго сбора концертъ этотъ далъ около 50000 фр.

Этимъ перломъ музыкальнаго творчества завершили французы чтваніе памяти человѣка, признаннаго повсемѣстно, всеми друзьями человечества, первымъ тифлопедагогомъ.

Главнымъ распорядителемъ послѣдняго торжества былъ, преданный дѣлу улучшенія участи слѣпцовъ, основатель и руководитель мастерскихъ для лишенныхъ зрѣнія, Lavanchy-Clark.

М. С.

ХП.

Послѣ увольненія Гаюи, попечитель петербургскаго округа, Сергій Семеновичъ Уваровъ поручилъ (3 іюня 1817 г.), до опредѣленія преемника на должность его, профессору главнаго педагогическаго института Плисову, имѣть надзоръ надъ институтомъ слѣпыхъ, съ тѣмъ, чтобы по учебной части онъ относился къ директору училищъ, а по хозяйственной—въ экономической комитетъ гимназій.

Еще въ бытность Гаюи въ Петербургѣ, попечитель, очевидно, тяготился институтомъ для работающих—слѣпыхъ, какъ его называли въ современныхъ актахъ. Онъ тогда уже (2 апрѣля 1814 г.) представлялъ министру, графу Разумовскому, что хотя жалованье служащимъ не выходитъ изъ штатовъ, и съ этой стороны передержки неимѣется**), но этого нельзя сказать относительно содержанія дома и воспитанниковъ. Еще до 1811 г. тогдашній комитетъ, управлявшій петербургскою гимназіей, передержалъ

*) Сообщаемъ программу

Palais du Trocadéro, le vendredi 6 juin 1884. Fêtes du centenaire de Valentin Haüy, premier instituteur des aveugles: *Rédemption*, trilogie sacrée avec prologue, pour soli, chœurs, orchestre et orgue, paroles et musique de Charles Gounod. Soli: m-mes Fidès Dévières, Rosine Bloch, Ketten; m-rs Faure, Ketten, Fournets. Orgue: m-r Camille Saint-Saëns. 350 exécutants sous la direction de Ch. Gounod.

**) Выше указано, по поводу вычетовъ у Гаюи, какими средствами это было достигнуто.

1800 руб. изъ гимназическихъ суммъ. Потомъ, вслѣдствіе возрастающей дороговизны, гимназія, распорядясь экономическою частію какъ училищъ, такъ и института для слѣпыхъ, опасаясь оставить воспитанниковъ послѣдняго безъ должнаго призрѣнія, издержала, въ теченіи 3-хъ лѣтъ (до 1814 г.), изъ своихъ суммъ 4,792 р. Такимъ образомъ на институтѣ считалось долгу 6,592 р.

Эта передержка произошла, по объясненію Уварова, какъ отъ дороговизны припасовъ, такъ еще больше отъ того, что по штату полагалось на наемъ дома съ дровами 3000 р., между тѣмъ какъ одинъ домъ былъ нанятъ почти за эту сумму, безъ дровъ. Пока при дешевизнѣ другихъ припасовъ можно было изъ иныхъ статей удѣлять на дрова, то эта потребность была удовлетворяема; съ возвышеніемъ цѣнъ на нихъ обнаружился недостатокъ. Сократить издержки на наемную плату за помѣщеніе оказалось невозможнымъ.

Для освобожденія гимназіи отъ тягостныхъ для нея издержекъ, Уваровъ просилъ гр. Разумовскаго исходатайствовать возвращеніе ей изъ казны этой передержки и прибавку къ штатной суммѣ института.

Кромѣ того, Уваровъ, находя, что институтъ, по цѣли своей, будучи заведеніемъ призрѣвающимъ, и ближе всего подходя къ учрежденіямъ филантропическимъ, ходатайствовалъ уже тогда о перемѣнѣ его подчиненности. Если же предполагается оставить его въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, то Уваровъ полагалъ, что безъ новаго штата онъ существовать не можетъ. Онъ не отвѣчалъ, въ такомъ случаѣ, за его благоустройство, немѣя способовъ содержать его, не разстраивая совершенно потербургской гимназіи.

Гр. Разумовскій, отвѣчая (11-го апрѣля 1814 г.) Уварову, что такъ какъ институтъ порученъ по волѣ императора вѣдомству его министерства, заявилъ, что онъ считаетъ невозможнымъ передать его другому вѣдомству. Онъ не находилъ также источниковъ, изъ которыхъ можно было бы возвратити гимназіи издержанные на институтъ 6,592 р. Съ самаго начала слѣдовало не выходить изъ суммы, опредѣленной штатомъ, чего можно было бы достигнуть, принимая въ него такое количество воспитанниковъ, какое можно было за отпускаемыя деньги въ немъ содержать. Гр. Разумовскій потребовалъ отъ Уварова объясненій, на какомъ основаніи сдѣлана была такая значительная передержка, безъ предварительнаго о ней представленія начальству.

Уваровъ донесъ (23 апрѣля) министру, что во 1-хъ, число казенныхъ воспитанниковъ (15), опредѣленное штатомъ, найдено было имъ при вступленіи въ должность попечителя округомъ. Съ того времени поступилъ въ институтъ только одинъ, на мѣсто умершаго. Уменьшить же число ихъ съ цѣлью, чтобы, не смотря на увеличивающуюся дороговизну,

уравнять расходы съ положенными штатами доходами, Уваровъ находилъ противнымъ намѣреніямъ императора и внѣ своей власти.

Во 2-хъ, передержка на институтѣ слѣпыхъ изъ т. н. гимназическихъ суммъ произошла слѣдующимъ образомъ: при вступленіи Уварова въ должность попечителя округа, она составляла 1800 р. За помѣщеніе подъ институтъ платится и теперь, какъ и прежде, по 3000 р. въ годъ, безъ дровъ, между тѣмъ какъ эта сумма опредѣлена штатомъ за помѣщеніе *вмѣстѣ* съ дровами, но оказывается, что дешевле нанять квартиру необходимыхъ, для цѣлей заведенія, размѣровъ, невозможно. Довольствоваться же квартирою тѣсною было бы тоже не цѣлесообразно. Поэтому гимназіи пришлось оказать институту пособіе въ видѣ дровъ. Покупая ихъ для подвѣдомственныхъ ей училищъ и пансіоновъ, она ссужала часть ихъ и институту *), вслѣдствіе чего и образовалась передержанныхъ въ 1810 г., выходитъ 6592 р. Слѣдовательно вся передержка произошла отъ займа дровъ.

Въ 3-хъ, Уваровъ считалъ необходимымъ допустить такой заемъ, опасаясь разтронуть институтъ. Онъ ежегодно указывалъ эти передержки въ вѣдомостяхъ; не доносилъ же особо потому, что такъ какъ въ 1807 г. сдѣланъ былъ „примѣрный“ штатъ для института, то онъ полагалъ, что ему слѣдуетъ представить только о его пополненіи. Въ 1811 году, онъ не сдѣлалъ этого потому, что онъ хотѣлъ прежде выкинуть въ состояніе учебныхъ заведеній, требовавшихъ ближайшаго изученія; въ 1812 году не сдѣлалъ этого по причинѣ военныхъ обстоятельствъ внутри предѣловъ Россіи, и не смѣя утруждать такимъ представленіемъ, которое можно было отложить, въ особенности въ виду того, что предписано было отправлять изъ Петербурга нѣкоторые заведенія. Въ 1813 г. надѣялся сдѣлать пособіе институту дровами безъ вреда гимназіи и пансіону и ожидалъ возвращенія императора изъ-за границы, безъ разрѣшенія котораго нельзя было сдѣлать измѣненій существующаго „примѣрнаго“ штата. Въ 1814 г. Уваровъ, видя, что продолжая пособіе изъ гимназическихъ суммъ, касса гимназіи можетъ пострадать, сдѣлалъ, наконецъ, представленіе гр. Разумовскому, прося его внести докладъ въ комитетъ министровъ, что ежели затѣмъ изъ казны въ гимназію передержки не будутъ разрѣшены, то по крайней мѣрѣ будетъ указано, изъ какихъ суммъ

*) По этому поводу сохранились въ матеріалахъ данныя, которыя представляютъ интересъ для исторіи цѣнъ. Такъ, въ 1811-мъ г. поставлено было гимназіей институту 215 сажень дровъ, по 8 р. 45 к., въ 1812 г., 250 саж. по 7 р. 30 к., въ 1813 г., 225 саж. по 8 руб., суммою на 5441 руб. Мы не находимъ, въ сожалѣнію, указаній на то — были ли это сажени кубическія, или же, какъ теперь продаваемыя, 8-ми верхковыя. Не указаны также и сортъ дровъ.

должен институт пополнять на будущее время недостатки. Впрочем Уваров представил министру слѣдующій исходъ изъ затруднительнаго положенія: получивъ, за майскую треть, изъ казначейства 4,716 руб. для института, касса гимназій и ея пансіоновъ можетъ замѣнить долгъ свой, но тогда первый будетъ располагать только суммою въ 1876 рублей.

Въ послѣднемъ случаѣ институтъ будетъ нуждаться еще въ большей мѣрѣ не только въ дровахъ, но и въ средствахъ содержанія вообще. Изъявляя, въ заключеніе, готовность свою представить новый штатъ для института, Уваровъ просилъ министра—указать ему, какими способами онъ долженъ пополнить дефицитъ.

Гр. Разумовскій объяснилъ (8 мая) Уварову, что если является необходимость сдѣлать какую либо передержку сверхъ штатной суммы, то предварительно слѣдуетъ испрашивать на нее разрѣшеніе, а не доносить тогда, когда передержка продолжается нѣсколько лѣтъ сряду. Министръ не соглашался также на предложеніе Уварова на счетъ употребленія майской трети на покрытіе долга, потому что институтъ остался бы въ такомъ случаѣ безъ средствъ. Онъ отказывался также входить съ представленіемъ объ измѣненіи штатовъ. Гр. Разумовскій, напоминая попечителю округа о томъ, что посѣтители института, покупая нѣрѣдко вещи, дѣланныя воспитанниками его, платятъ за нихъ несравненно дороже чѣмъ онѣ въ дѣйствительности стоятъ, и дѣлая тоже пожертвованія вещами и деньгами, требовалъ отъ Уварова донести ему—на какое употребленіе всѣ эти деньги идуть, представляется ли объ нихъ отчетъ, и если не представляется, то доставить его за все прошедшее время.

Уваровъ, не получая отъ директора училища Тимковского, которому поручилъ собрать данныя объ употребленіи пожертвованій, свѣденій, медлил отвѣтомъ почти полтора года. Только въ концѣ слѣдующаго (12-го декабря 1815) онъ доноситъ министру, что сборъ этихъ пожертвованій незначителенъ—какъ по малому числу посѣтителей, такъ и по причинѣ дороговизны матеріаловъ, и потому нельзя, основываясь на этомъ предполагаемомъ доходѣ, дѣлать какія либо прочныя распоряженія.

Одновременно онъ смутилъ министра донесеніемъ, что долгъ института гимназій, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ и увеличивающейся дороговизны, возросъ уже до 12,948 р. Онъ вновь настаиваетъ на возвращеніе гимназій изъ казны долга, и кромѣ того проситъ прибавки 7000 руб. къ прежнему штату института, и притомъ 3000 руб. къ издержкамъ по найму дома и покупке дровъ, 3000 р. на содержаніе воспитанниковъ, и 1000 р. на непредвидѣнные расходы. Послѣднюю сумму Уваровъ считалъ необходимою какъ для пособія другихъ статей расхода, такъ въ особенности для того, чтобы въ случаѣ просьбы о принятіи кого либо изъ бѣдныхъ слѣпыхъ сверхъ комплекта, неоставлять ихъ безъ удовлетворенія и

безъ призрѣнія. Онъ имѣлъ въ виду содержать на эти деньги отъ 3 до 5 человекъ сверхъ штата.

Гр. Разумовскій настаивалъ (10 января 1816 г.) на томъ, что не слѣдуетъ выходить изъ штатной суммы заведенія, которое относительно возрастающей дороговизны находится въ одинаковомъ положеніи со всѣми другими заведеніями, начальства которыхъ тѣмъ не менѣе стараются довольствоваться опредѣленными штатными суммами. Что же касается возврата казною позайствованныхъ у гимназій денегъ, то министръ находилъ, что ходатайство объ этомъ, въ тогдашнее время, не представляло никакихъ данныхъ на успѣхъ.

Уваровъ не убѣдился подобными доводами министра. Онъ вновь (19 января 1816 г.) повторяетъ, что не предвидитъ никакой возможности содержать институтъ не выходя изъ штатной суммы. Ссылку гр. Разумовскаго на другія заведенія онъ считаетъ неподходящею, потому что въ институтѣ работающихъ слѣпыхъ нельзя сократить число воспитанниковъ. Если педагогическій институтъ не выходитъ изъ штатной суммы, то это происходитъ отъ того, что число его воспитанниковъ сокращено до 50-ти. Поступить такъ съ институтомъ слѣпыхъ Уваровъ не рѣшился, не считая себя въ правѣ предать нищетѣ бѣдныхъ питомцевъ, лишенныхъ зрѣнія и способовъ снисканія себѣ средствъ пропитанія.

Изъ подобныхъ соображеній истекаетъ необходимость прибавки. Что же касается суммы, взятой заимообразно изъ суммъ гимназій, то заимствованіе ее началось до вступленія Уварова въ должность попечителя, и не можетъ быть, по его мнѣнію, прекращено безъ разрушенія института.

Поэтому Уваровъ вновь просилъ министра указать ему средство, какимъ образомъ помочь институту, не подвергая гимназію медленному, но неминуемому подрыву въ суммахъ ея.

Если окажется невозможнымъ сдѣлать необходимую прибавку на содержаніе института, то Уваровъ проситъ уволить его отъ управленія этимъ заведеніемъ, невходящимъ въ составъ учебнаго округа, и порученнымъ его предмѣстнику по особому распоряженію.

Въ виду такого категорическаго заявленія Уварова, гр. Разумовскій внесъ въ комитетъ министровъ его предложеніе какъ относительно уплаты гимназій долга, такъ и относительно ежегодной прибавки институту 7,000 р. изъ общаго училищнаго капитала, доколѣ онъ не весь поступитъ на содержаніе учебной части, такъ какъ другаго средства не находится, если желательно оставить институтъ въ настоящемъ его видѣ. Находя, однако, что институтъ не есть учебное заведеніе, а благотворительное, въ которомъ помѣщаемые воспитанники (—совершенное непониманіе цѣлей и стремленій этого рода заведеній—)будутъ призрѣваемы правительствомъ, то гр. Разумовскій предлагалъ комитету министровъ передать въ

вѣдомство приказа общественного призрѣнія, завѣдующаго другими подобными ему благотворительными заведениями....

Комитетъ министровъ (8 февраля 1816 г.) положилъ недостающую въ текущемъ году сумму на содержаніе института заимствовать по прежнему изъ суммъ гимназій, ограничиваясь однако крайнею умѣренностію, а въ исходѣ года всю сумму, какая будетъ слѣдовать къ возвращенію гимназій и какая вновь предполагается въ добавокъ на содержаніе института, внести въ смѣту расходовъ по министерству на 1817 г. Исполняя это постановленіе комитета министровъ, Уваровъ сдѣлалъ (26 іюля 1816 г.) послѣднее свое представленіе, по этому вопросу, гр. Разумовскому, замѣненному вскорѣ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Оказалось, что за время, пока длилась переписка, долгъ института гимназій за 1815 г. увеличился еще на 634 р. Кромѣ того въ теченіе первой половины 1816 г. (по 1-е іюля) передержано гимназій изъ ея суммы на институтъ 3,859 р., изъ чего Уваровъ заключилъ, что за весь годъ передержка достигаетъ 7,718 р., такъ что годовая передержка превышала 718-ю руб. сумму 7,000 р., которую попечитель полагалъ въ прибавку къ штату. Слѣдовательно передержка выразилась суммою $13,582 + 7,718 = 21,300$ р. *) и постоянной ежегодной прибавкой впродъ по 7,000 р. къ прежнему штату.

Въ концѣ года (23 декабря) Уваровъ обращается къ новому министру кн. Голицыну, съ просьбою исходатайствовать перечисленіе института, съ начала 1817 г., въ вѣдомство человеколюбиваго общества, должныя же имъ гимназій деньги могутъ поступить въ оную прямо изъ казны. Передержанныя суммы были полностью возвращены гимназій, но казначейство, какъ сообщаетъ министру Уваровъ (23 января 1817 г.) выдало институту на январскую треть не изъ 21,150 р. какъ бы слѣдовало, съ причисленіемъ сдѣланной комитетомъ министровъ прибавки, но изъ 11,150 р. т. е. только 3,716 р. 66 к., отзываясь, что остальные 10,000 р. не назначены въ росписаніи на текущій годъ.

Такъ какъ такой суммы было недостаточно на покрытіе всѣхъ расходовъ по институту; ея едва будутъ удовлетворены служащіе и заплачено за наемъ квартиры, то поэтому Уварову пришлось просить кн. Голицына исходатайствовать отпускъ всѣхъ 21,150 р., согласно положенію комитета министровъ, причомъ онъ еще разъ напоминалъ объ увольненіи его отъ управленія институтомъ.

Послѣднее желаніе Уварова близилося, на этотъ разъ къ осуществленію, но на счетъ денежныхъ расчетовъ института съ гимназій ему при-

*) 21,300 р. противорѣчить 21,150 р., упомянутымъ ниже, но возстановить вѣрность суммы не представляется возможности по существующимъ документамъ.

шло еще разъ разочараваться. Казначейство отвѣтило, что общее количество суммы на институтъ слѣпыхъ отпущено имъ какое слѣдуетъ, и что подробное расчисленіе, сдѣланное Уваровымъ, невѣрно. Ошибка произошла, по мнѣнію казначейства, отъ того, что Уваровъ, не получивъ еще свѣдѣній отъ министерства просвѣщенія какая сумма въ текущемъ году будетъ опредѣлена, отнесся въ казначейство съ требованіемъ отпуска оной. По табели министерства требовалось къ отпуску на 1817 г. на институтъ: положенныхъ по прежнему штату 14,150 р., ежегодной прибавки 7,000 р., въ число долга гимназій 10,582 р., (по случаю предписанной убавки на 10,000 р.), всего 21,732 р. Уваровъ же, полагая, что вся предложенная прежде на институтъ сумма ассигнована, отдѣлилъ изъ числа полученной изъ казначейства суммы весь долгъ гимназій (20,582 р.), причисливъ его къ училищнымъ суммамъ, т. е. отчисливъ больше нежели слѣдовало 10,000 р., которыхъ поэтому и недостаетъ. Такимъ образомъ выходитъ, что Уваровъ полагаетъ, что на институтъ отпущено 11,150 р., между тѣмъ какъ дѣйствительно назначено 21,150 р., т. е. къ положеннымъ по прежнему штату 14,150 р. прибавлено 7,000 р.

Кн. Голицынъ, убѣжденный, вѣроятно, доводами казначейства, и принимая въ соображеніе повелѣніе императора сдѣлать сокращеніе по многимъ статьямъ разныхъ вѣдомствъ, сообщилъ (3 февраля 1817 г.) Уварову, что онъ принужденъ изъ числа 20,582 р., назначенныхъ прежде къ возврату въ 1817 г. въ гимназій, убавить 10,000 р. А такъ какъ по недоставленію въ министерство смѣты, онъ не знаетъ, не сдѣлана ли и за тѣмъ вновь какая либо убавка, то онъ поручаетъ Уварову—принятая въ возвратъ гимназій деньги, не причисляя къ училищному капиталу, (не дѣлая изъ нихъ какого либо употребленія), оставить въ цѣлости. Въ расходахъ же по институту придерживаться прежняго штата до полученія смѣты, изъ которой можно будетъ видѣть, какая сдѣлана прибавка на институтъ и сколько ассигновано въ возвратъ гимназій денегъ.

Казалось, что другое желаніе Уварова—передать институтъ въ другое вѣдомство—близилося къ осуществленію. Министерство (24 февр. 1817) затребовало у него свѣдѣнія: когда и какимъ образомъ институтъ вошелъ въ вѣдѣніе учебнаго округа и т. п.

Уваровъ, понятно, не медлилъ отвѣтомъ. Онъ сообщилъ (8 марта) министерству, что въ бумагахъ, полученныхъ отъ его предшественника Новосильцева, не сохранилось никакого акта о поступленіи въ его вѣдомство института; видно только, что управленіе имъ началось опредѣленіемъ въ октябрѣ 1806 г. Бушуева помощникомъ Гаюи, а затѣмъ утвержденіемъ штата 10 августа 1807 г. Неоказалось также никакихъ актовъ объ условіяхъ, на которыхъ былъ вызванъ Гаюи *). Изъ отношенія

*) Всѣ эти акты находились на лицо въ самомъ министерствѣ. По нимъ, черезъ 70 лѣтъ, и составленъ настоящій очеркъ.

прежняго попечителя къ министру гр. Завадовскому (25 генваря 1808) явствуеть только, что условія эти были извѣстны самому министру.

Въ началѣ институтъ былъ въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителя; затѣмъ состоялъ нѣкоторое время подъ начальствомъ директора училищъ петербургской губерніи, барона Дольста, и наконецъ (въ 1811 году), поступивъ въ вѣдѣніе комитета гимназіи, состоитъ въ немъ до настоящаго (1817) года. Въ 1816 г. комитетомъ министровъ утверждена ежегодная прибавка къ прежнему штату 7000 р.

Полтора года Уваровъ ждалъ напрасно освобожденія его отъ управленія этимъ заведеніемъ. 26 іюля 1818 г. онъ вновь обращается къ кн. Голицыну, объясняя, что въ теченіи 8 лѣтъ онъ употреблялъ возможныя старанія, при недостаточномъ штатѣ и увеличивающейся дороговизнѣ, содержать его приличнымъ образомъ. Усложнившіяся занятія по академіи наукъ, по учебному округу и хозяйственной части департамента народнаго просвѣщенія, не позволяютъ ему заниматься долѣе институтомъ. Отъ недостатка присмотра заведеніе это можетъ пострадать.

Такъ какъ въ послѣднее время ему удалось исходатайствовать значительную прибавку къ ежегодному доходу института, то Уваровъ полагалъ, что онъ можетъ, безъ затрудненія и въ хорошемъ видѣ, поступить въ другое вѣдомство. Онъ увѣрялъ министра, что не охлажденіе рвенія къ дѣятельности, но совершенный недостатокъ времени и силъ побуждаютъ его настаивать на увольненіи.

Министерство (7 августа 1818) сдѣлало, наконецъ, предложеніе попечительному комитету о принятіи института въ свое завѣдываніе. Комитетъ доноситъ совѣту челоѣколюбиваго общества, что заведеніе это можетъ удобно состоять въ его вѣдѣніи, подъ распоряженіемъ Плисова и Протопопова, изъ которыхъ первый изъявилъ согласіе продолжать отправленіе своей должности при институтѣ.

Совѣтъ челоѣколюбиваго общества предоставилъ (8 октября 1818) главному попечителю, князю А. Н. Голицыну, сдѣлать распоряженіе о переводѣ института изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдомство челоѣколюбиваго общества.

15 октября комитетъ министровъ согласился на предложенную кн. Голицынымъ передачу института съ тѣмъ, чтобы содержаніе его (21.150 р.) производилось по прежнему отъ общаго училищнаго капитала. Постановленіе это было утверждено императоромъ 7 января 1819 г.

Окончательная передача института попечительному комитету челоѣколюбиваго общества, состоявшаяся 2-го мая 1819 г., была сдѣлана директоромъ училищъ Тимковскимъ, при участіи Плисова и Шварева.

Вѣдомство перемѣнилось. Начальникъ заведенія остался тотъ же.

Въ чемъ состояла дѣятельность его и его преемниковъ, русское об-

щество не знаетъ. Судя, однако, по теперешнему состоянію института, большинство ихъ, не понимая настоящей задачи заведенія, смотрѣло на свою должность какъ на безмятежную синекуру, а на слѣбныхъ, какъ на предлогъ—пристроиться къ мѣсту, пользуясь благами служебнаго положенія, не сопряженнаго съ отвѣтственностью за недѣятельность, нерадѣніе или незнаніе.

Да и передъ кѣмъ имъ отвѣчать?

Передъ питомцами института, какъ лицами, на судьбѣ которыхъ отражаются, главнымъ образомъ, послѣдствія крайне неудовлетворительнаго веденія дѣла?

Объ этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Они не только безгласны, но и не компетентны.

Передъ обществомъ, на средства котораго содержится, въ теченіи трехъ четвертей столѣтія, это заведеніе?

Это было бы вполне естественно, обязательно и справедливо *), но въ виду неопредѣленности этой инстанціи, ея безличности, если можно такъ выразиться, очень не трудно уклониться отъ подобной нравственной обязанности—отдавать отчетъ этому коллективному лицу въ полученныхъ отъ него пожертвованіяхъ. Оно, поэтому, и не знаетъ о судьбѣ послѣднихъ.

Остается, затѣмъ, представленіе отчета непосредственному начальству института. Оно, навѣрное, получаетъ его въ исправности. Но можно ли, въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ судьба несчастныхъ, довольствоваться подобною канцелярскою исполнительностью?

Пора, давно пора, руководителямъ института для слѣбныхъ челоѣколюбиваго общества, оставивъ отжившую рутину, выйти на путь, указанный сто лѣтъ тому назадъ Вал. Гаюи, съ тѣхъ поръ достаточно разчищенный достойнѣйшими изъ его преемниковъ. Стоитъ только слѣдовать по этой, теперь торной уже дорогѣ....

А. Скребицкій.

*) Сдѣлать это слѣдовало бы въ очень простой и незатруднительной формѣ. Достаточно было бы, по крайней мѣрѣ, сообщить: сколько, почти за 80 лѣтъ (съ 1807 г.) своего существованія, институтъ получилъ, изъ разныхъ источниковъ, денегъ; сколько, въ теченіи этого періода, состояло въ немъ питомцевъ; какъ продолжительны были сроки ихъ воспитанія и пребыванія въ заведеніи; какаа судьба, послѣ его оставленія, постигла ихъ, т. е. какъ устроили они свою жизнь, благодаря вынесеннымъ изъ института музыкальнымъ и ремесленнымъ (?) знаніямъ; чѣмъ и какъ снискивали они средства своего существованія; въ какой средѣ вращались, исключая Чернова, Стуковенкова и, вѣроятно, очень немногихъ другихъ?

Чѣмъ занимались остальные, т. е. большинство?

По свидѣтельству бывшаго попечителя этого института (А. Полежаева)—игроу, въ качествѣ таперовъ, въ публичныхъ, сомнительной нравственности, учрежденіяхъ!.. другими словами—въ притонахъ разврата....

Въ заведеніяхъ благоустроенныхъ, на Западѣ, отвѣты на сдѣланные выше вопросы, ихъ не затрудняютъ. Слѣдя за своими питомцами, послѣ выпуска ихъ, до могилы, они во всякое время готовы поименно сообщать упомянутыя свѣдѣнія.

Статьи и рѣчи того же автора о слѣпыхъ въ Россіи:

- 1) Между слѣпыхъ солдатъ. 1879.
 - 2) Вновь открываемое въ Петербургѣ училище для слѣпыхъ дѣтей. 1881.
 - 3) Zur Blindenfrage in Russland. Frankfurt a. M. 1882.
 - 4) Valentin Haüy à St.-Pétersbourg. Paris. 1884.
 - 5) In welchem Verhältniss steht in Russland die Fürsorge für die Blinden zu deren Zahl? Bonn a. Rh. 1885.
 - 6) О распространенности слѣпоты и распредѣленіи слѣпыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. 1886.
- Послѣдняя рѣчь появилась и въ нѣмецкомъ переводѣ.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, Литейная, 62.